

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

Враг
моего
сердца

Annotation

Княжна Елица после смерти мужа посвящает себя служению Макоши. Но заканчивается затяжная вражда правителей двух княжеств, и гибнет в бою её отец. Захвачена столица врагами: двумя братьями Светоярычами. Окутывает их недобрая слава, и наползает тень старого проклятия на благодатные земли. И теперь Елице самой решать придётся: мириться с судьбой или бороться за своё наследство. Но как быть, если правда и ложь меняются местами? Да как удержать на привязи сердце, что рвётся навстречу обжигающему льду – навстречу своей гибели?

- [Елена Счастливая](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

o 6

Елена Счастливая
Враг моего сердца

Глава 1

Вода в колодце покрылась за ночь тонким ледком. Морозы ещё не отпускали, хоть и минули давно Вьюницы^[1], а скоро уж и Комоедицы^[2] начнутся. Елица подышала на ладонь, стянув рукавицу: от задубевшей верёвки пальцы стыли мигом. Не торопилась нынче уходить зима, как будто и забыла совсем, что пора бы уж на лето поворачивать.

Ведро, ударившись в хрусткую корку, расколело её, зачерпнуло воды. Дохнуло из колодца стылым дыханием родника. Наполнив одно за другим два ведра, Елица закрепила их на коромысле и, легко вскинув на плечи, понесла к избе. Идти недалеко. Торопиться не хотелось. Дышалось нынче так дивно – хоть и ветер лютует по ночам, завывает ещё над крышей, будто ищет кого-то, и снег порой сыпет, а всё одно – весной пахнет. И дух этот живительный, дарующий надежду на справный год, ничто не прогонит. Елица пошла неспешно по узкой улочке меж невысоких изб, одна другой новее. Звяница разрасталась всё больше. После того, как князь Борила Молчанович построил неподалёку отсюда, на границе с косяцкими землями, острог – и людей своих оружных оставил для охраны от набегов с юго-востока, что стали гораздо чаще в последние луны.

– Нежана! – окликнул позади сильный, звенящий на морозе голос. – Давай помогу!

И, казалось бы, много лет её этим именем кличут, а всё никак не привыкнуть... И нехорошо на душе порой из-за этого необходимого, но всё же – обмана. Она вздохнула тихо, чтобы незаметно было, и обернулась. К ней, на ходу запахивая узорный, любовно вышитый матерью, кожух, спешил Денко, улыбаясь во весь рот. Большуха^[3] Мстислава, встав на пороге сеней и выглядывая поверх плетня, с благосклонностью посмотрела на сына. Ухаживания его она одобряла и считала, что никакой другой невестки ей в доме не надобно, если Елицу заполучить удастся.

– Мне не тяжело, – та улыбнулась в ответ. – Да и идти-то всего пару дворов.

Елица качнула головой вдоль улицы, понимая уже, что слова её будто горох от стены отлетят. Говорят, женщины влюблённые глупеют – да куда там! Мужчины разума тоже лишаются мигом, как начинает в жилах кровь быстрее бежать. А уж по весне – и подавно. А потому Денко, никаким осторожным увещаниям не вняв, перехватил коромысло и водрузил себе на плечо играючи. Красуется. И ведь что ему ни говори, а всё равно делает вид, что не понимает.

– Сильная ты, Нежана – вижу. А я всё равно сильнее. А потому тяжести тебе таскать не дам, – он подмигнул.

И только любоваться им: сероглазым, румяным, пышущим удалью и здоровьем – любая девица сомлеет, а Елица только кивнула благодарно. Парень поправил шапку, из-под которой торчали вихры цвета небелёного льна, и пошёл дальше, нарочно не спеша.

Соседи, уже выходя во дворы и начиная каждодневные заботы, с любопытством поглядывали в их сторону. Шептались и гадали, верно, когда Елица наконец сдастся и согласится за Денко замуж выйти хотя бы на словах, ведь срок её вдовства пока не истёк. Две зимы ещё ждать, как минует семь лет – а там она снова сможет наравне с гожими в невесты девицами сватовство принимать.

А что? Средний сын старейшины Благослава – вдовице, которая пять лет как без мужика мыкается, куда уж лучше найти. Каждая девка в округе на её месте оказаться за счастье почтёт. Так они рассуждали, всей весью желая Денко победы в этой затянувшейся незримой борьбе с женской гордостью и упрямством.

Парень довёл Елицу до калитки и встал, не торопясь спускать коромысло с плеча и явно ожидая приглашения пройти дальше. Она прогонять его не стала – невежливо всё ж – и пропустила вперёд, придержав створку. На невысоком – о две ступени – крыльце их уже поджидала Сновида. Головой покачала недовольно – уж она по известным причинам никаких восторгов не испытывала от того, что Денко вокруг Елицы крутится. Всё это ей казалось опасным.

– Утречка доброго, Сновида Ждановна, – вежливо поздоровался парень. – Ставить куда?

Будто первый раз до их дома вёдра нёс.

– Доброго, – кивнула старуха и махнула рукой в дальний угол сеней.

А Елицу таким взглядом обожгла, будто она во всём виновата. Хоть никогда никаких надежд та сыну старейшины не давала. Проследив за тем, как парень составляет вёдра на пол, волхва вдруг принялась и, всплеснув руками, скрылась в избе. Послышалось её тихое ворчание о том, что с этой молодёжью у неё едва каша не пригорела.

– Вечером свидимся? – Денко нарочитым жестом отёр лоб тыльной стороной ладони, хоть и ничуть не вспотел – только раздумялся пуще да тело разогрел с утра. Работаться теперь будет лучше.

– Коли работы никакой не будет по дому, – Елица неопределённо повела плечом.

Это было почти то же самое, что сразу “нет” сказать. Работа, она никогда не переведётся. А её с детства не приучали бездельничать, кем бы она ни родилась. Денко помрачнел, распознав прозрачный намёк.

– Ты бы хоть иногда в беседе появлялась. Прясть да ткать там тоже можно.

– Не положено мне слишком часто туда ходить – знаешь ведь. Не маленький, чай, – Елица глянула в сторону двери, мысленно призывая Сновиду, но та, видно, совсем захлопоталась.

Денко опустил голову, о чём-то крепко задумавшись, смял в кулаке снятую шапку. Порой заметно становилось, как терпение его иссякает, словно ручеёк в знойную пору. Но он всегда находил его снова.

– Знаю всё, Нежа, – снова взглянул, и в глазах его почудился лукавый блеск. – И ждать буду, сколько понадобится.

И вдруг – кто бы мог подумать – вперёд качнулся. Мигом сковал подбородок пальцами и губами к губам прижался. Елица задохнулась даже, моргнула недоуменно, когда он прервал торопливый, но на диво жаркий поцелуй. Позабыл, похоже, что получал когда-то по лицу за такое. После покушаться перестал, а теперь вот за старое взялся.

Быстро натянув шапку, Денко покинул сени и пошёл по искристому, недавно выпавшему снегу назад. Елица только губ коснулась кончиками пальцев, глядя ему вслед. Вздохнула, жалея, что не может объяснить ему всё так, как того душа требовала.

– Вот ты ж посмотри, – буркнула Сновида. – И ничто-то его не берёт. Упорный тебе достался, будто назло.

Елица, вздрогнув, повернулась к ней. Старуха щурилась от яркого света Дажьбожьего ока, что отражался от белоснежных сугробов и разливался кругом, словно топлёное масло.

– Придёт время, всё поймёт, – Елица прошла мимо неё в избу.

С наслаждением вдохнув чуть дымный, прогретый от печи воздух, скинула свиту и повесила её у двери. Здесь почти ничего не было видно после ослепительно белого двора: свет, кроме печи, давали только несколько лучин да небольшие щёлки в приоткрытых волоках.

– Как то время придёт, он и вовсе голову потеряет. Нехорошо вышло, – Сновида, поправляя убрус, с сердитым видом уселась на лавку. – Хотя чему удивляться. Ты – женщина справная, молодая совсем. А он в самую пору вошёл, чтобы жену себе искать. И Мстислава его только распаляет пуще. Будто сами духи ей чего нашептали о тебе.

Елица взяла с высокой полки пару мисок – утренничать пора – и поставила на стол, только хмурясь от справедливых слов Сновиды. Никто в Звянице не знал, кто она на самом деле. Считали, что дальняя родственница волхвы, отправленная родичами той в обучение после гибели мужа в одном из сражений с войском остёрского князя Светояра. Так оно и было по правде-то. Но не ведали звяничане, что Сновида вовсе Елице не родня, а сама она – княженка, дочь правителя, которого они почитали и во всём поддерживали. Отчего-то Борила Молчанович не хотел истинного имени дочери всем вокруг открывать. Порой казалось, очень уж оберегает, будто она только – та слабость, которой могли воспользоваться недруги. Хоть и наследник у него был: старший Отрад – а о дочери он всегда заботился отдельно.

Сама она порой мыслила, что оно и хорошо: жить так, будто за тебя кто другой живёт. Не трогает болезненных глубин души, где осталась будто дыра после смерти Радима. Сколько лет прошло, а всё иногда колет. Но служение Макоши и постижение безграничной мудрости и глубины её под надзором Сновиды помогли со временем унять самую лютую боль. И обиду на отца, который будто усрал её с глаз долой.

– Я уж и так в беседу не хожу, – тихо проворчала Елица, раскладывая по мискам кашу. – Знаю, что он там сидеть будет. Смотреть. И девки меня здешние скоро дубинками где вечером встретят. В их-то глазах я точно собака на сене.

– Побоятся, – Сновида достала из неглубокого прохладного подпола крынку молока. – Ты ж будущая жрица Макоши. Волхва.

– Да где ж мне. Как срок вдовства пройдёт, батюшка меня сызнова замуж выдаст, – Елица бездумно протёрла краем рушника и без того чистые кружки.

– Значит, верховной жрицей будешь там, куда за мужем ехать доведётся, – сурово одёрнула её старуха. – Борила не просто так тебя ко мне отправил. Он лучшего тебе желает.

Елица только головой покачала. Думается, отец просто не хотел, чтобы в бытность вдовицей она слишком часто виделась с мачехой – княгиней Зимавой. Не очень-то они друг друга любили, хоть и делить им было особо нечего. Просто нравами не сошлись.

Вечером погода выдалась наконец поистине весенней. Солнце совсем разгулялось. С крыш закапало весело, раскис от влаги снег вокруг дома и сараев. То и дело пробегая по двору, Елица поднимала лицо к ясному небу и улыбалась невесть чему, а после и вовсе собралась в беседу. Хватит затворничать да от Денко бегать: она ему всё объяснила, а там уж пусть на себя пеняет. Жуть как хотелось уже с другими девицами поболтать-посмеяться, узнать последние вести, что в княжестве ходят. Сновида тому не особо обрадовалась, но не запрещать же теперь: Елица давно уж не дитё неразумное, за которым пригляд нужен.

Как темнеть начало, она взяла с собой урок на весь вечер: лишь бы Денко не начал веретено отбирать или кудель. А то с него станется, чтобы о себе забыть не дать да лишний раз всем вокруг показать, что Елица-Нежана ему лишь принадлежит, хоть ничего она ему ни разу не обещала.

Ещё издалека, пройдя по улице, что начала в сумерках, без тепла Дажьбожьего ока, подмерзать, она услышала отдаленные голоса девушек. Те торопились в тёплую избу, что раньше была общинной, а теперь предназначалась больше для женских посиделок да для гостей. Шли, переговариваясь, взвизгивая и хохоча, когда кто-то оскальзывался на коварном насте. Они предвкушали уже, как позже нагрянут и парни, вспугнув всех гоготом и шутками, что всегда сыпятся из них при виде молодых невест, точно из дырявого мешка – просо.

Погавкивали собаки во дворах, не зло, а больше для порядка: чтобы молодухи не слишком шумели, не тревожили уставших за день соседей и родичей. Выплыл на небо рогатый месяц, узкой полоской рассекая жемчужную россыпь звёзд. Шептал лес за рядами изб и у края старого пала^[4]. Но казалось, Елица слышала даже этот тихий разговор высоких сосен, меж которых заплутал сонный ветер. В такие вечера, когда по чистому небу не проплывало ни единого обрывка облака, она гораздо острее чувствовала, как наблюдают за людьми из самого Ирия мудрые Боги. Может, и стезя её в том – волхвой стать? Не идти больше никогда замуж, не возвращаться к былой, почти забытой жизни? Служить Макоши, пряхе судьбы, не обращая внимания на мелкие тревоги.

Она остановилась у двери, встряхнула головой – тихий звон колтов как будто отрезвил. Дёрнула ручку и вошла в наполненный гомоном девичьих голосов дом.

– Нежана! – воскликнула тут же звонкая Веселина. – А мы уж думать начали, что ты совсем нас позабыла!

– Насиделась дома, хватит, – она улыбнулась и прошла дальше, выбирая место на лавке поудобнее и посветлее.

Но многие уже оказались заняты. Веселина чуть подвинулась, приглашая расположиться рядом, и подталкивая соседку, зеленоглазую Лушу, которая на небрежный жест только красивые губы недовольно поджала. С Елицей они особой дружбы не водили: она казалась дочери охотника заносчивой и нелюдистой. А ещё Денко, на которого у неё когда-то были большие надежды, голову заморочила. Ладно хоть в привороте не обвиняла, но кто её знает, что будет дальше.

– Что, совсем надежду потеряла, что Денко от тебя отстанет? – рассмеялась Веселина. – Правильно. От него всё одно нигде не укроешься. Чего дома киснуть?

Посмотри-ка: с виду хохотушка легкомысленная, да не такая простая. И парни на неё летят, словно на огонёк, и девушки вокруг собираются, сами того не замечая, тянутся к ней. И вовсе не скажешь, что глупая, только красотой одной Лелей одарённая – многое понимает. А потому только с ней Елица за пять лет сошлась ближе всего.

Она, скинув плотную одежду, села рядом с подругой, укрепила рядом пряслице, стараясь не замечать, как смотрит на неё Луша.

Другие же девицы, которых сегодня пришло всего пятеро, лишь поздоровались приветливо, как будто видели её в беседе совсем недавно. Только закипела работа, закрутились веретёна, как Веселина – первая соловушка в Звянице – затянула неторопливую песню. Елица прислушалась к знакомым словам, а через миг подхватила – голоса их слились так ладно, будто всю жизнь они вместе пели. Девушки совсем притихли, словно зачарованные. Даже дыхание как будто затаили. Одна лишь Луша пыхтела громко: и всё-то у неё не ладилось сегодня. То нитка запутается, то петелька соскочит, то кудель оборвётся. И что ж разобрало её так нынче? Ведь не первый раз вместе на посиделках собираются – и никогда присутствие Елицы не злило её так сильно.

И песня-то не была печальной: о том как речка бежит, а пригожий пастух на её берегу пасёт коз, тревожа душу тайком наблюдающей за ним девушки чудесным голосом свирели – а на сердце с каждым словом как будто тяжелее становилось. Елица с беспокойством поглядывала на дверь, подумывая о том, не стоит ли уйти сегодня ещё до того, как придут парни. Но решила, что спешный побег только вызовет насмешки девушек. А того пуце – можно с Денко где на улице столкнуться – ещё хуже будет.

Потому она осталась на месте, завершив первую на сегодня песню. Внутри встала масляной пеленой муть нехорошего предчувствия. И, забрав дыхание весны, что сегодня радовало всех, снаружи снова угрожающе завыл ветер. Девушки заговорили тихо, но Елица не слушала. Почему-то в голову лез только треск пламени в печи и голос непогоды, что навалилась снова. Но скоро захрустели по ломкому насту дорожки шаги. Зазвучали голоса парней – но не весёлые, а как будто приглушённые и озадаченные.

Первым вошёл Денко, окинул взором избу и в Елицу вперился. На его лице не промелькнуло и тени удивления, словно он точно знал, что сегодня встретит её здесь. Кто-то подтолкнул его в спину – проходи, мол, не задерживай. И вслед за ним ввалились остальные молодцы. И при виде их девушки тут же смолкли, а в глазах их погасли все искры первой радости.

– А я к тебе заходил, Нежа, – бросил Денко, проходя дальше, к печи, но отчего-то даже кожа не снимая, будто сразу уходит

собрался. – Думал нет тебя тут. А вам, девицы, всем по домам идти надо. Вести у нас недобрые.

Парни расселись по лавкам, не прерывая Денко: всё ж он сен старейшины, а значит среди молодых уважаемый – ему и слово первому.

– Что случилось? – Елица встала, стараясь не вскочить слишком резко.

Девушки, тараща от испуга глаза, начали помалу собирать пряслица, сматывать незаконченные уроки. Не похоже было, чтобы Денко шутил, хоть порой парни и любили придумать какую забаву, чтобы в заблуждение ввести, а после посмеяться.

– Говорят, князь Борила Молчанович вместе с княжичем Отрадом погиб в последней схватке с остёрцами. Войско наше отступает, а те идут по землям к самому Велеборску. Глядишь и к нам скоро забредут. А там грабить примутся да бесчинствовать.

Девушки заохали, переглядываясь и не понимая, верно, что на такое можно сказать. Попросту не верилось. Денко рассказывал ещё что-то, вступили в разговор и другие парни, хоть сами толком ничего не знали. А Елица, снова опустившись на лавку, слышать их почти перестала, будто оглохла. Только смотрела перед собой, пытаясь осознать страшную весть. Давно она отца не видела, да казалось сейчас, будто вчера встречались. И мягко гладил он по макушке, как маленькую, приговаривал, что всё будет хорошо, и скоро она сможет вернуться в Велеборск. И Отрад подтрунивал над ней незло, предостерегая, чтобы в глухих отдалённых от стольного города всях она не поддавалась на чары Лешего и не ушла с ним в чащу. Словно вокруг самого Велеборска не стояли дремучие, с пятнами старых и новых лядин^[5], леса. И Хозяин их не наблюдал за каждым, кто входил в его владения.

Да только не уберегли, значит, духи и Боги, которым возносились перед боем щедрые требы, князя и его наследника. Обратил благосклонный взор Перун на остёрцев, что давно уже на землях своих едва не впроголодь живут, от лета до лета перебиваясь редкой дичью, засушенными грибами да кореньями.

Елица сморгнула слёзы – и быстро стёрла мокрые дорожки с щёк. Чтобы не видели. Встала на трясущиеся ноги и принялась надевать

свиту, не попадая в рукава. Кажется, её окликнули, один раз и другой. Денко тронул за плечо, заставляя посмотреть на него.

– Ты не бойся, – долетел до слуха его голос, будто эхо в дупле старого дуба. – Мы за вас постоять сможем. Коли эти супостаты в Звянице появятся. И воевода нам поможет с кметями.

– Почти всё княжеское войско не смогло, а ты, значит, сможешь, – она зло посмотрела на него. Резанул голос острой ледяной кромкой – и парень даже шаг назад сделал, а девушки необрительно зашептались.

Елица схватила пряслице и вышла во двор, ни с кем не попрощавшись. Пошла, сбиваясь на бег, по неровной скользкой дорожке. Едва не упала, оцарапав ладонь о колючий наст, что покрывал сугроб: рукавицы-то в беседе оставила.

– Стой! Ноги переломаешь! – торопливые шаги настигли со спины, и крепкие пальцы поддержали под локоть. – Нежа... Неженька.

Она повернулась к Денко и повисла у него на шее, вжимаясь лицом в плечо. О многом он мог догадаться, увидев её слёзы, которые никак нельзя было удержать, но собственные тревоги, видно, застлали разум сына старейшины. А ещё небывалый порыв, что обрушила на него девушка, за которой он гонялся, как за зайцем в голодную пору. Парень принялся гладить её по покрытой платком голове и спине. И зашептал что-то неразборчивое, но ласковое.

– Не бойся. Всё хорошо будет, – тёплые губы коснулись виска. – Может, и не дотянутся они до нас. Не верю я, что легко до Велеборска дойдут. А там воеводы ещё людей соберут – прогоним их. Ну? Не плачь.

Он мягко целовал её лицо, проводил ладонями по щекам. А Елица и возразить не могла ничего – казалось, только слово скажет, шевельнётся лишний раз – и тут же рассыплется на осколки: такое страшное горе сковало её, будто обожжённая глина. Кто-то выглянул из беседы – и скрылся внутри снова.

Только когда Денко прижался к губам Елицы, она наконец очнулась. Дёрнулась назад, отталкивая его.

– А тебе всё одно подавай! – бросила гневно и снова домой пошла.

И как только допустила такое? А уж чего себе сын старейшины вообразил – одной только Макоши ведомо. Но парень упрямо поплёлся следом, не приближаясь, но и не теряя её из вида. Верно, и правда

защитить хотел неведомо от кого. И тут только стало заметно, как поселилась в каждом дворе едва ощутимая тревога. Голоса звучали как будто громче обычного, разносясь по улице даже сквозь бревенчатые стены. Покинули беседу и девушки с остальными парнями: негромко переговариваясь, разошлись в стороны – по домам. Метнулся, завывая, вдоль тропинки ветер, бросил в спину ворох колючего снега, звякнул колтами у висков, забрался ледяной рукой под воротник.

Елица, так ни разу не обернувшись на Денко, добежала до своей избы и, неосторожно хлопнув дверью, встала у порога – словно силы все, собранные на дорогу, растеряла. Сновида встала с лавки в красном углу, где только что будто бы к Богам обращалась. Может, и просила чего. Может, надеялась, что слухи, долетевшие с запада до Звяницы неверные – и княже жив. Или такие чаяния наполняли сейчас только душу Елицы?

– Слышала уже, вижу, – проговорила старуха тихо, словно голос у неё вдруг сел. – Приходил Денко – рассказал. Посмотрела я – нет твоего отца в мире живых – ушёл.

Вот так – парой слов разбила всё, на что ещё можно было надеяться.

– А Отрад? – Елица негнушима пальцами развязала пояс свиты.

– И брат твой тоже.

Сновида подняла взгляд – сумрачный, словно опрокинулась в него вся тёмная бездна ночного неба. И не могла пробиться сквозь эту потустороннюю пелену даже искра сострадания. Волхва всегда была женщиной суровой и не слишком ласковой. Наверное, поэтому её выбрал отец для обучения дочери – чтобы в ежовых рукавицах держала. Но и тепла от неё можно было дожидаться не больше, чем от заледеневшего полена.

Елица прошла внутрь, едва не шаркая ногами по полу. Только бы теперь до лавки своей добраться, уткнуться в подушку – и никого не видеть.

– Теперь ты наследница, получается, – задумчиво рассудила Сновида. – Старшая дочь всё же. А младшему братцу твоему до взросления далёко ещё.

Елица только рукой на неё махнула. Об этом она не хотела думать сейчас. Да и кто её, вдовую и в делах правления несведущую, допустит к княжескому столу? А теперь, когда неприятель подступает к столице,

ещё неведомо, как всё обернётся. Может, и вовсе чужой князь город займёт. Даже, скорей всего, княжич. Потому как сам князь Остёрский в походы сам уже не ходит – точит его хворь уж много лун как. А у Светояра два сына. Молва о них ходит самая недобрая, что об одном, что о другом. Вряд ли кто-то из них не захочет своим княжеством обзавестись. Да только в Велеборск ехать всё равно нужно. Нельзя сейчас забиваться в угол и прятаться за подолом Макоши от всех свалившихся невзгод, сетуя на Недолю, что пожелала вплести нынче свою нить в судьбу княженки.

Заснуть не получалось почти до утра. Всё никак не хотела укладываться в голове страшная мысль о том, что отца и брата уже нет в этом мире. Если пали они в битве, кто справит теперь по ним тризну и страву? Если наступал неприятель – никто, верно, и не забрал их тела с поля брани. Только когда бледный свет восхода пробился в узкую щёлку приоткрытого волока, Елица всего на миг смежила веки – и провалилась в тяжкий сон.

А проснувшись, тут же решила, что ей нужно ехать в Велеборск. Она уже и вещи собирать принялась, как остановила её вернувшаяся со двора Сновида. С удивительным проворством она подошла и выдернула из рук Елицы рубаху, которую та уже сворачивала, чтобы уложить в дорожный мешок.

– Далеко собралась? – уколола ехидством. И рубаху за спину спрятала, не дав забрать назад. – Верно, хочешь, чтобы все догадались, кто ты такая. Или татым на дороге решила попасться? А может, и остёрцам? Их, верно, теперь много будет рыскать. Молодая девица им только в радость. Позабавятся власть.

– Воеводу Осмыля попрошу кого в охрану дать, – неуверенно буркнула в ответ Елица, всё яснее осознавая глупость своей задумки.

– А то воеводе людей девать некуда, – плеснула побольше яда волхва. – У него самого кметей на пару десятков. С одной стороны косяки ножи точат, а с другой теперь остёрцы того и гляди нагрянут. Самое время сумасбродных княженок до дому провожать.

Елица села на лавку, глядя в свой полупустой мешок. Всё верно старуха твердит: недобрый час пока в Велеборск рваться. Сначала понять надо, что там сейчас происходит, кто на стол княжий метит. Но стоило лишь в очередной раз вспомнить, что там остался вместе с матерью младший брат Радан, как в груди стало холодно. Но и понятно

было, что ничем она помочь им не сможет. Осмыль вот, молодой, но уже получивший доверие Борилы Молчановича воевода, коли людей соберёт, так и полезнее окажется. А она что? Заклинать врага станет? Так она волхва, к тому ж недоученная, а не ведьма какая.

– Ты не суетись, девочка, – на удивление мягко проговорила вдруг Сновида. – Разузнать всё надо хорошо, с духами посоветоваться, а там уж решать. Борила не хотел бы, верно, чтобы ты себя по неосторожности погубила.

– А как же Зимава? И Радан, – Елица всё ж всхлипнула, пытаясь удержать новые слёзы.

Волхва только губами покривила.

– Уж княгиня за себя и сына своего постоять сумеет. Не тебе о ней тревожиться.

Решив, верно, что сказала она всё, Сновида вернулась к печи и неторопливо разожгла огонь, почти уже угасший. Елица вынула вещи из мешка, сложила снова в сундук. Надо бы к воеводе наведаться. Расспросить о том, что слышно теперь: кроме волхвы, только он ещё знал, кто она такая. Отец доверял ему, как себе. Любой, кто не знал князя достаточно, решил бы, что тот наказал Осмыля, услав так далеко, на самый восточный край владений. Кто знал отца много лучше – понял бы, что в том было важное поручение.

Пытаясь занять себя, а больше всего – тревожные мысли, Елица бралась нынче за всю подряд работу, едва не поперёк Сновиды всюду лезла. А та не слишком ей мешала, понимая, что только так можно отринуть печаль хоть на время. Во всей веси царило небывалое напряжение. Пустынно стало – и даже вновь разгулявшаяся к самым Комоедицам погода не заставляла людей выйти во двор чаще, чем требовалось заботами. И дети, чьи тонкие голоса слышались на улице постоянно, теперь, кажется, все оказались при деле. Словно звяничане каждый миг опасались, что налетят на весь вражий ватаги. Но и о князе, что защищал их и правил ими разумно многие годы, они, хотелось верить, хоть немного печалились.

Пропал на время из вида Денко, от которого раньше не бывало отдыха ни дня. И первый день после побившей будто бы морозом жизнь Звяницы вести прошёл в мутном тумане неизвестности. Но Елица всё же чуть пришла в себя и успокоила мысли.

А на следующее утро вдруг пришло с заставы распоряжение воеводы всем волхвам явиться в острог. Елица, смутно чувствуя, что всё это не просто так, увязалась за Сновидой. Идти было недалеко: крепость, расположенная на обрывистом берегу реки Звяни виднелась из веси хорошо – стоило только встать на улице между домов. Её потемневшие от солнца и дождей бревенчатые стены закрывали едва не половину неба. И чем ближе подходишь, тем больший трепет поселяется в душе при виде добротных башен с пустыми провалами бойниц, высоких ворот, над которыми белеет, раскинув ветвистые рога, череп лося, принесённого в жертву и уложенного в землю при строительстве. Говорят, долго тогда волхвы просили милости Лесного хозяина, чтобы разрешил взять крепкого зверя из его бесчисленных стад и оставить оберегом на месте нового укрепления, которое так и получило название своё – Лосич.

Елица вслед за волхвой прошла по людному перекинутому через ров мосту, не обращая внимания на выкрики уже распалившихся с утра торговцев. Жизнь у стен острога шла, казалось бы, как обычно. Все уже оправались после нерадостных известий. А что? Князь, он погиб где-то далеко. И где-то далеко Велеборску угрожает опасность быть разорённым остёрцами. А здесь пока всё спокойно – и оттого кажется, что и впрямь ничего не поменялось.

Волхвов собирали у здешнего святилища. Там их уже поджидал сам Осмыль: не слишком высокий, но на диво крепкий молодой муж в самых силах, чтобы воевать и других за собой вести. Завидев Сновиду, он чуть наклонил русоволосую голову в сторону, высматривая за ней Елицу. Кивнув волхве, её придержал за локоть, когда мимо проходила, и тут же отвёл в сторону. Пока вызванные им жрецы приветствовали друг друга и Богов, что сегодня с особой строгостью взирали на всех вырезанными в обтёсанных древесных стволах глазами, Осмыль проводил Елицу до самого терема. Но внутрь они не пошли: встали на высоком крыльце: так ушей меньше, которые имеют, как известно, все стены.

Окинув взглядом полупустой, тонущий в талом снегу двор, воевода вздохнул.

– До сих пор не верится, что князя Борилы теперь нет на этой земле, – он посмотрел на Елицу. – И Отрада...

Его зеленовато-серые глаза и правда таили в глубине великую печаль: всё ж князь был ему почти родичем, а сын его – братом. Ещё с самой юности он служил поначалу отроком в младшей дружине, а после поднимался всё выше, наработывал мастерство и матерел, словно волчонок с каждой новой охотой. Елица помнила его ещё безбородым молодцом, сотником. И влюблена в него была по юности – смешно вспомнить. О нём говорили тогда, что непременно быть ему воеводой. Так и случилось по прошествии почти десяти лет.

– Мне нужно в Велеборск, воевода, – она упёрлась взглядом в отполированные сотнями прикосновений перила. – Сердце не на месте от того, как подумаю, что там сейчас творится.

Осмыль покачал головой, сразу руша все надежды на его помощь.

– Не время сейчас, – он задумчиво провёл пальцами по короткой бороде. – Мне батюшка твой яснее ясного сказал: дочь мою ты должен беречь, точно свою собственную. Иначе я тебе, говорит, голову оторву собственноручно. А как я тебя сейчас отправлю туда, где невесть что творится? Несколько кметей вчера выехали к Велеборску: узнать, что там да как. Может, помощь нужна. Или спокойно всё, а войско княжеское наступление остёрцев всё ж остановило. Мы ж на отшибе, посчитай, живём. До нас вести долго доходят, если сами не пожелаем их услышать.

– А если Велеборск захвачен? Разрушен? – Елица вцепилась пальцами в гладкое дерево, содрогаясь от одной мысли об этом.

– Тут уж решать придётся, – воевода развёл руками. – Если в стольном граде уже враг, то и до нас рано или поздно доберутся. А отбиваться нам от больших ратей не с руки.

– Значит, отсиживаться будем... – и хотела Елица сдержать упрёк в голосе, да не получилось.

– А это уж предоставь мужам решать, княжна, – Осмыль тон её легко разгадал и тут же ожесточился, переняв вынутые из памяти и такие знакомые слова отца. – Мы хоть и крепость, а не город. И задача наша – от косяков границы стеречь. А они, как прознают, что князь с наследником погибли, так навалятся тут же. А может, остёрцы побесчинствуют малость да к себе вернутся. Как часто уже бывало.

Елица вздохнула, понимая справедливость его слов. Только самый бестолковый разве что может ринуться в неизвестность, не прощупав даже, тверда ли у него дорога под ногами. И никто не бросится в

схватку с противником, что гораздо многочисленнее, не попросив заступы Богов.

Потому-то и собрали сегодня волхвов: в тёмный час самое время обратиться к божественному свету. Будут сегодня гореть костры в святилище до самого утра, будут звучать песни жрецов и литься жертвенная кровь. Потому как не Ладе или Макоши возноситься станут молитвы – а Перуну. Чтобы умиловать, вернуть его благосклонность, что на время оставила велеборского князя и его сына.

– Надеюсь, настанет то время, когда я сама буду решать, что делать, – поразмыслив, мрачно произнесла Елица. – И стол велеборский я просто так не оставлю.

Осмыль, приподняв брови, повернулся к ней, не ожидая, видно, таких слов. Оглядел лицо, хмурясь и пытаясь, верно, понять, что кроется за ними, не выльется ли решимость княжны в какое безрассудство.

– Конечно, будешь, – улыбнулся примирительно. – А сейчас доверься пока мне.

Глава 2

Думали остёрцы борьбу с неприятелем закончить ещё по осени. Но дело это растянулось до весны. А вот теперь ещё на три ночи засело войско у стен Велеборска. Словно в трясины угодило. Часть изрядно потрёпанной рати сгинувшего в последнем сражении князя Борилы всё же успела добраться до городских ворот и укрыться за толстыми бревенчатыми стенами. И погода благоволила заступникам: вернулись отступившие было холода, покрылась льдом и без того почти неприступная, укреплённая остро отёсанными кольями насыпь. Каждая атака остерцев откатывалась назад.

Воины Велеборска поначалу рьяно отстреливались, но чем дальше, тем всё реже: берегли стрелы. А Леден берёт людей. Как и его старший брат Чаян, который с болезнью их отца уже, можно сказать, встал на его место: слушались молодого княжича, точно правителя самого, и за последний год кмети, воеводы и даже вои начали считать его едва не князем. Поговаривали, таясь – да совсем-то не скроешь – что Светояру совсем недолго осталось. А сыновья у него толковые, хоть и со своими недолями на плечах.

Что бы о них ни судили, а всё равно побаивались и опасались, как бы со смертью князя не стало на остёрских землях ещё голоднее и хуже, чем теперь: много лет уже словно жизнь схлынула оттуда. Никакие молитвы волхвов, никакие требы, что порой приносили Богам, а не съедали сами, не помогали облегчить злую напасть, что с каждой зимой только нарастала.

И потому твёрдо решили Леден вместе с Чаяном, что теперь им обратного пути нет, кроме как Велеборское княжество захватить и пойти до самого стольного града. Всеми силами заставить князя вернуть сокровище, украденное им много лет назад, то, что питало землю, помогало родить полям и влекло дичь в силки и на стрелы охотников. Да горькая незадача приключилась: окружив один из небольших отрядов в здешних лесах, воины Ледена убили самого князя, хоть и приказано им было ясно: правителя не трогать, а только взять в полон. Да куда уж втолковать что-то разъярённым и почти

одичавшим от полуголодной жизни ратникам? Погорячились – не исправить теперь.

И вот всё уцелевшее войско вынуждено было торчать узкой цепью становищ вокруг Велеборска – насколько позволяла опоясавшая его с запада широкая и уже начинающая скидывать лёд река Велечиха.

Бессмысленные и только отбирающие лишние жизни стычки у стены города решено было оставить уже на второй день. Чайн приказал воинам ждать и отдыхать, а сам отправил своих людей в детинец Велеборска, к княгине Зимаве с обещанием сохранения жизнью всем уцелевшим, если она пожелает встретиться и выслушать его и Ледена. Пока никакого ответа от вдовы Борилы Молчановича не возвращалось. Тела её мужа и сына лежали в стороне от лагеря на снегу, укрытые навесом, ожидая, когда по ним справят настоящую тризну в родных стенах.

Ждали и живые тоже, не теряя времени даром: в здешних лесах дичи было столько, хоть голыми руками лови. Да и в тех весях, которые проходило войско на пути в Велеборск, поживиться удалось на славу. Леден едва ближнюю дружину унял, чтобы не лютовали сильно, не грабили подчистую и не портили всех подряд девок. Только совсем уж без этого не обошлось. Но схлынула первая яростная волна с воинов, которые полной грудью нюхнули долгожданной победы, и на время всё стихло.

Только Леден всё не переставал наблюдать за войском, прислушиваться к их разговорам, что начинали снова полниться нетерпением. И настроения воинов тревожили его всё больше. Он с утра уже обошёл лагерь вместе с воеводой Буяном, самолично проверяя дозоры и в сотый раз повторяя распоряжения десятникам: ждать и не силиться отыграться на местных. Те кивали, тая в глазах шаящий огонёк гнева и обиды на более благополучных соседей, которым теперь не зазорно добром и поделиться.

К полудню, когда ярое по весне Дажьбожье око выглянуло из утренней дымки, Леден вернулся в расставленный для них с братом шатёр и скинул на сундук подбитый волчьим мехом плащ.

– Надолго их не хватит. А как подмога придёт, так и вовсе озвереют, – бросил Чайну, который только недавно сам вернулся с охоты в ближний лес.

Будто человеческой крови за эти дни ему было мало.

– Сегодня всё решится, – тот поднял на него хитроватые глаза.

И выражение лица у него снова стало таким, будто он чего задумал. Обычно после в детстве им обоим хорошо влетало. Чаяну – за шалости, а Ледену – так, заодно. Потому как их всегда считали почти единым целым.

– С каких пор ведовствуешь? – Леден понюхал налитый в кружку отвар, где плавала, испуская аромат, от которого рот сразу наполнялся слюной, ярко-красная клюква.

Видно, где-то в разворошённых закромах велеборцев отыскалась. Такой крупной ягоды на остёрских болотах давно не рождалось.

– С тех самых, что пока нам не вернули отрубленные головы наших кметей. А значит, княгиня думает, – Чаян неспешно прошёлся вокруг очага.

– Думает... Думать она и до осени может. У них за стенами запасов, небось, и на год хватит осаду держать. А нам придётся зады в грязи просиживать.

Он отпил горячего, заботливо приготовленного для него отроком питья. Во всём теле тут же потеплело, пробрало до самых кончиков пальцев. Но извечный холод где-то в самых дальних уголках нутра, к которому Леден за столько лет уж привык – всё равно остался.

– Ничего. Зимава, говорят, женщина не только красивая, но и умная. А значит, примет верное решение, – рассудил Чаян.

Странно было, что ни разу велеборскую княгиню в глаза не видевав, он был такого высокого о ней мнения. Сам Леден судить о незнакомой женщине заранее не брался. Женщина ведь что мутное озеро – кажется, нагрето на солнце и так приятно в него окунуться, а того и гляди напорешься на острый, сокрытый в мягком иле камень.

– А тебе, гляжу, с ней встретиться не терпится, – он хмыкнул, усаживаясь на подвернувшийся тут же сундук, поближе к огню. – Верно, она сговорчивей окажется, чем её муж.

– Сговорчивей уж точно. А разговаривать с ней по-разному можно, – брат загадочно прищурился, словно уже мысленно перебрал все возможности знакомства с княгиней.

– Смотри, как бы она тебе во время разговора жбан горячей смолы на голову не вылила. Или ещё куда, – попытался остудить его Леден, но его намёк остался непонятым. А может, Чаян просто вида не подал.

Шутки шутками, а время сейчас не шло им на пользу. Того и гляди, с окрестных весей, а то и небольших городков, соберутся вои – неприятеля за границы княжества выбивать. А своё пополнение, не столько для боя, сколь для устрашения велеборцев, придётся ждать ещё несколько дней. Победить, конечно, снова победят – не просто так, размяться, сюда пришли. Да кому новые смерти нужны? Их и так Морана каждую зиму довольно собирает.

Но на счастье, хорошенько поразмыслив и решив, видно, что досужее упрямство никого не доведёт до добра, княгиня к вечеру того же дня отправила подручных Чаяна с ответом обратно. Ворвался, взметнув полог, в шатёр быстрый, точно брошенная сулица, Митра, десятник в Чайновой дружине. Испил воды, что стояла в кувшине на столе и заговорил, чуть отдышавшись:

– Княгиня согласна.

– Я вот сейчас совсем не о том подумал, – хмыкнул Чаян.

Десятник улыбнулся во все зубы, но, поймав взгляд Ледена, кашлянул и продолжил серьёзно:

– Она согласна открыть ворота и выслушать вас. Но при условии, что бесчинства войска в окрестностях прекратятся.

К такому они были готовы, но не преминули перед отбытием в Велеборск напомнить о том своим людям ещё раз. Буян пообещал самолично сечь тех, кто ослушается. Собрав для охраны и солидности два десятка кметей из ближней дружины, Леден и Чаян погрузились на лошадей и направились к воротам, охранял которые огромный турий череп. О нём ходило в становищах много толков: мол, добыл его сам князь Борила на охоте. А то поговаривали, бык сам выбежал из леса во время возведения стен, тем самым показывая милость не только Хозяина леса, что окружал будущий город со всех сторон, но и самого Перуна.

В город внесли и тела князя с сыном: пусть княгиня погребет их, как следовало по совести. Леден, держась рядом с санями, на которых и лежали мертвецы, невольно поглядывал на Борилу Молчановича, с лица которого чуть сполз холщовый покров. Тот выглядел так, будто погиб только что: холода сохранили его хорошо. Виделась в лице извечная твёрдость, даже перед ликом смерти не потерял он стойкости. Три дня с его гибели прошло, пора отпускать душу из ненужного больше тела.

По необычайно пустой и тихой мостовой проехали молча: тут даже Чаян насторожился. А ну как повыскакивают сейчас откуда ни возьмись стрельцы да утыкают стрелами, точно соломенные чучела. Но никто незваных гостей не встречал, только ощущалось самой кожей невидимое наблюдение из каждого дома вдоль улицы. Над крышами повисла к сумеркам сырая хлябь и всё вокруг тонуло в зябком предчувствии скорого дождя. Леден беспрестанно посматривал по сторонам, ожидая подвоха за каждым углом. Он людям всегда доверял меньше брата. Такова уж была его суть, с того самого случая, что сковал сердце и душу льдом, разум – холодом и подозрительностью. Если уж Чаян однажды подвёл его, что говорить о других.

Детинец вырос перед взором среди расступившихся в стороны изб. Стража, явно настроенная кровожадно, встретила у ворот, но препятствовать ничем не стала. Видно, приказ княгини и здешнего воеводы Доброги прозвучал для них яснее некуда. Они проводили проехавших мимо княжичей и кметей тяжёлыми взглядами, а увидев сани с телами – зашептались низко и угрожающе. Кром впустил завоевателей без лишней крови. Но неведомо, что ждало внутри.

И удивлением оказалось, что за стенами детинца их встретил сам Доброга, седоватый муж, высокий почти ровно настолько, насколько и широкий в плечах. Удара его меча не выдержал бы, верно, и дубовый пень, а ему и в руку не отдалось бы даже. Сумрачно серые глаза его блуждали по лицам воинов. А на Ледене он задержал взгляд почему-то даже дольше, чем на Чаяне. И сразу стало понятно: и малого понимания между ними не случится. Его люди убили князя: это почти то же самое, как если бы он самолично его зарубил.

На крыльце высокого терема, до которого пришлось ехать между солидных срубных амбаров и дружинных изб, стояла княгиня Зимава, сжимая у горла отороченный мехом норки воротник корзна. Она смотрела остро, не виделось на её лице застилающего разум и взор горя. Верно, уже осознала и приняла. Из-под белоснежного убруса, перехваченного тканой лентой, украшенной колтами, выбились несколько светлых прядей. Она сердито смахнула их с лица, не отводя взгляда. И чем ближе подъезжали к терему, тем яснее становилось, что княгиня – женщина и впрямь красивая. Да только не время пока её наружностью восхищаться. За ней могут скрываться самый скверный нрав, самая большая твёрдость воли, да ещё неведомо что.

За плечом её стоял другой муж, светловолосый почти до белизны. Был он уже в годах немалых, хоть и не стар ещё. И легко можно было распознать в нём северянина, коих вовек не забудешь, если один раз с ними торговать довелось. Или сражаться – это уж кому как. С одной стороны его голову пересекал неровный шрам, почти до самого затылка. Истинно татья рожа – так можно было бы назвать его вернее всего. Но имя его было гораздо короче – Эрвар. Даже в Остёрском княжестве о нём слыхали.

– Здрава будь, княгиня, – громко гаркнул Чаян, спешиваясь. – И ты, воевода.

– Вам, Светоярычи, здравия желать я пока не стану, – ответила Зимава приятным грудным голосом. – Выслушаю покамест.

Подоспели отроки – забирать коней. Они зыркали с любопытством, но не без страха. Кажется, никто здесь ещё не знал, чем обернётся встреча вдовы с теми, кто убил её мужа.

Воевода, с которым уже приходилось сходить в бою если не воочию, то через его ратников, сделал пару шагов навстречу, заглянул в сани и нахмурился, кажется озадаченно. Верно, на своём веку ещё ни разу не встречал такого, чтобы враг возвращал тела побеждённых туда, где им быть положено.

– Да они, Зимава, никак хвалиться к тебе приехали. Добычей своей или трофеями – тут уж как назовёшь, – проговорил зычно, явно желая воззвать к гневу княгини.

Та покривила губами, сощурив ярко-голубые глаза. Приготовилась яриться. Но что-то в её взоре не давало поверить в то, что она готова убить пришлых прямо в этом дворе – хватало разумности.

– Мы не хвалиться привезли, а отдать вам, чтобы погребли, как полагается, – Леден покосился на воеводу. – Чай не звери какие. И князя с княжичем положенных стравы и тризны не хотим лишать.

– Это их не вернёт, – бросила Зимава, едва глянув в сани.

Тут же, словно по приказу, пришли и кмети – да повели запряжённую лошадь куда-то вглубь двора. Воевода тихо сказал что-то одному из них, а тот лишь кивнул и ушёл вслед за товарищами.

– Ну, пойдёмте, значит, – спускаясь с крыльца, бросила женщина. – Говорить будем.

Вместе со своим стражем она пошла вслед за Добройгой через двор – видно в общину. Где ещё советы держать и обсуждать

насущенное, как не там. Леден переглянулся с братом, качая головой. Вот уж пришли победителями в город, а разговаривают с ними едва не как с холопами последними. Такое княгине спускать нельзя, а уж тем более воеводе её нахальному. Пусть и старше их, а всё же с княжичами разговаривает, а не с татями придорожными. На лице Чаяна тоже виделось явное недовольство. А уж он если серчать начнёт, так потом всё гораздо хуже может обернуться, чем задумывалось. И не гляди, что с виду – распоследний ащеул^[6], лычак разношенный, который на какую угодно ногу надевай, хоть на правую, хоть на левую.

Вместе со своими кметями, которые зорко наблюдали, кабы что не случилось, они дошли до длинной приземистой избы, откуда неожиданно потянуло и кашей, и наваристой ухой, никак со стерлядью: и хоть последние дни никто в войске не голодал, а всё равно в брюхе аж заныло. Неужто княгиня врагов и угощать собралась? Разделят хлеб – и не противники теперь. Такого пока случиться не могло. Но запахи не обманули: в общине был накрыт если не слишком богатый, то вполне щедрый стол. Тут сидели уже и гридни – из ближней дружины князя, и суетились челядинки, с опаской поглядывая на входящих молодцев. Уж чего они успели наслушаться за те дни, что Светоярычи вели своё войско через всё княжество – одной Макоши известно. Но слухи те явно были недобрыми. Хотя, коли подумать, доброй славы они и не искали.

– Значит ли это, Зимава, что ты победу нашу над вами признаёшь? – Чаян обвёл яства недоверчивым взглядом. – Или отравить нас решила?

Зимава неспешно села на почётное место, но то, что во главе стола было – оставила пустовать. Воевода сел рядом с ней слева, справа устроился молчаливый Эрвар, а с двух сторон их окружили гридни: от пришлых тоже добра не ждали.

– Коль вы победили и войско Борилы прогнали до самых стен Велеборска, то не мне с этим спорить, – она улыбнулась вдруг.

Холодно, дрожащими губами – но выказала тем будто бы толику приветливости. Её ладное, с правильными, мягкими чертами лицо озарилось на миг, а после снова будто изморозью подёрнулось. Не зря она была дочерью варяжской женщины, привезённой одним боярином когда-то давно с дальнего свейского острова. Взяла она и от отца что-то, но и северную кровь в наружности сохранила. И получилась от

того такая пленительная смесь, что сейчас все мужи замерли, не сводя взглядов с княгини – и едва не у каждого, верно, при виде неё в головах зародились вполне понятные мысли.

А уж Чаян и вовсе стал на сытого кота похож. Зимава обращала на него взор чаще других, присматривалась и думала о чём-то, хмуря плавно изогнутые брови. Поняв её намёк, княжич сел на место во главе, принимая тем самым её решение по сути – сдать город. Леден опустил руку по правую руку от него. Сейчас брат всё равно что от имени Светояра говорил – старший сын, наследник. А потому он пока вперёд него не рвался. Тщеславные порывы вообще редко тревожили его душу, как и многие другие страсти. Но он и знал, что того, чему сбыться суждено, всё равно не миновать.

Кмети их сели на противоположную сторону от людей княгини и замерли, не притрагиваясь пока к еде.

– Я пожалуй, яства чуть позже отведаю, – Чаян вновь взглянул на Зимаву. – А пока вот, что скажу. Ты, верно знаешь, и воевода твой, что давно, больше двух десятков лет, муж твой украл у нашего отца Сердце Лады, что хранилось на остёрских землях испокон веку. С тех пор ещё, как пращур наш, Остромысл поселился среди озёр и основал самую первую весь. И много лет после этого наши края бедствуют, потому как их лишили жизни.

Воевода сдвинул брови, посматривая на княгиню, вид которой стал весьма озадаченным. Будто о Сердце Лады она слышала первый раз.

– Я знаю, о чём ты говоришь, княжич, – она повела плечами, когда Чаян замолчал, будто ей зябко вдруг стало. – Слышала давно и о Сердце, и о том, как оно появилось. И почему Светояр с мужем моим столько лет враждует. Но где Борила Сердце то укрыл, я не ведаю.

Многие женщины хитры, в заблуждение всех вводить горазды. Но сейчас всё выглядело так, будто княгиня говорила истинную правду. Сам Леден, как и Чаян, дело ясное, никогда того Сердца даже в глаза не видел. Но знал с самого детства, что тот, кто им обладает – того будет окружать благоденствие и любовь Рожаниц, дающих плодородие землям и счастье – людям.

Кошуну то были или светлая истина – а бабка ещё сказывала, что пращур всего их рода княжеского был волхвом сильным. Когда племя его степняки погнали с южных земель на север, он обратился с

великой просьбой к Рожаницам, принёс щедрые требы, и они одарили его своей милостью. Дали оберег, что заключал в себе силу плодородной земли – и с ним на новых, поросших дремучими лесами землях племя его обрело новый дом и благодать, совсем как там, откуда они ушли.

Сказать по совести, Леден надеялся на то, что им удастся отыскать Сердце не только потому, что с возвращением его в остёрские владения, туда снова вольётся полнокровная жизнь. Он думал, что и ему оно поможет. Поможет унять вечную стужу в сердце, вечный колючий холод, поселившийся внутри. А потому искать его он готов был сколько угодно долго.

– Так что? Скажешь, что и ведать не ведаешь, где оно? И что муж твой ни разу о том собственной жене не говорил? – нетерпеливо подогнал он застывший вдруг разговор.

Зимава перевела на него равнодушный взгляд.

– Нет. Видно, тайна эта для него была очень ценной, если он не доверил её даже мне, – она осеклась, словно на миг задумалась о чём-то.

По лицу Зимава проскользнула тень, но пока она ничего к своим словам не добавила. Молчал и Доброга, озадаченно пощипывая бороду.

– Советую тебе хорошо подумать и вспомнить, княгиня, – в голосе Чаяна сверкнула знакомая угроза.

– Над чем тут думать, если я не знаю? – Зимава улыбнулась растерянно.

– Над тем, что, если Сердце не отыщется, то люди в Велеборском княжестве пострадают гораздо больше, чем уже пострадали, – вновь заговорил Леден, теряя терпение. Страшное разочарование уже разлилось внутри, и выскользнула из пальцев, словно изворотливая рыбина – надежда. – Они познают, каково оно – жить и не знать, сколько родят поля, и хватит ли зерна хотя бы до середины зимы. Найдутся ли в лесу ягоды да грибы. И покажется ли на охоте зверь. И куда бы люди ни шли – недоля преследует их, потому как милость Лады отвернулась от них. Она и от вас отвернётся рано или поздно. От краденного не бывает добра.

Чаян слушал его, медленно кивая. Последние зимы выдались самыми тяжёлыми. И надо было думать, что следующая окажется ещё

паршивее.

– Сказала же вам княгиня, что она не знает! – рявкнул воевода.

– Постой Доброга, не ярись, – возразила женщина спокойно. – Кажется, я вспомнила, кто знать может. Хоть уверенности в том у меня никакой нет, – она вздохнула, опустив взгляд в стол, но подняла его снова. – Только вы пообещаете мне, что никого в Велеборске и любых весях княжества без нужды не тронете.

Чаян слегка склонил голову набок, явно, неприкрыто даже любуясь княгиней. Он поразмыслил больше для вида, а когда уже все заёрзали на скамьях, кивнул.

– Обещаю, Зимава.

Княгиня вздохнула, словно на что-то решаясь.

– У Борилы есть дочь средняя. Зовут её Елица, но вы, может, о том слышали.

– Ну, слышали, – буркнул Леден.

Кто ж о той княженке не слыхал. В своё время, когда Чаян только жену себе выбирал, ходили слухи, что Елица – самая завидная невеста во всех окрестных княжествах. Да только остёрцам о ней и думать запрещалось. Потому-то никогда они её не встречали.

– Она овдовела пять лет назад и живёт сейчас в дальней веси – Звянице, что под Лосичем. Учится волхованию у одной из местных жриц, – голос Зимавы становился всё холоднее. Похоже, дочь Борилы от другой женщины она недолюбливала. – Они с князем были очень близки. Он многое ей доверял. Возможно, Елица сумеет вам помочь.

Доброга сокрушённо покачал головой. И весь его вид выражал неодобрение того, что рассказала сейчас неприятелям княгиня. Леден внимательно оглядел его лицо, натолкнувшись на ответный хлёсткий взгляд – и понял, что в той незнакомой пока княженке и может крыться ответ. Не зря Борила её спрятал.

– Что ж, это уже гораздо лучше, – Чаян облегчённо улыбнулся. – Но всё проверить ещё нужно. Может, обманываешь ты нас, в заблуждение вводишь, чтобы время потянуть. А потому мы останемся здесь. Ни тебя, ни людей твоих я гнать пока не буду – покуда не прояснится всё. И за сыном твоим приглядывать стану тоже. А войско моё останется у стен Велеборска столько, сколько потребуется. Здесь жить им гораздо веселее, чем на родных землях.

– Радана не трожьте, прошу! – оцетинилась вдруг Зимава. – Он-то перед вами в чём провинился?

– Княжич не виноват, верно, – согласился Чаян. – Но так мне будет спокойнее. Как решение придёт, то и ему больше ничего грозить не будет.

– А если вы какую хитрость замыслите, меня или Чаяна задумаете извести, – добавил к его словам Леден, – то наши люди не оставят от ваших весей и бревна целого. Так будем судить.

– А не слишком ли?.. – заикнулся воевода, вставая.

– А не слишком ли ты, Доброга, много лезешь туда, где решение твоё не нужно? – Леден приподнялся тоже, оперевшись ладонями в стол. – Сядь! И молчи. У тебя, верно, тоже семья где-то здесь есть. Мы не станем лютовать попусту. Не станем проливать лишнюю кровь. Но и обиды не стерпим, коли такие будут.

Крепкие пальцы Чаяна вцепились в его скованное наручем запястье. Леден повернулся к нему и вновь опустил на лавку, усмиряя гнев. Зимава побелела вся, почти сравнявшись цветом лица с повоем. И как бы она ни храбрилась, как бы ни пыталась удержать надменный и подобающий её положению вид, а всё равно стала вдруг похожа на испуганную девицу, которую подкараулили в темноте у бани. Только смятение быстро исчезло из её глаз, она снова выпрямила спину.

– Будь по вашему, – улыбнулась. – А пока можно скрепить наш договор трапезой.

Княгиня махнула рукой – и снова захлопотали кругом челядинки, одна другой пригожее. Принесли новые яства, что ещё не успели раньше. Кмети оживились, поглядывая на девушек уже гораздо веселее. Да и те, поняв, видно, что ничего дурного не случилось, глядели теперь на парней с другим интересом. Началась вечеря слегка напряжённо. То и дело обменивались все подозрительными взглядами, но как только разлился по жилам хмельной мёд – стало как будто жарче кругом. Даже воевода чуть разомлел, не переставая, однако, следить за новыми хозяевами Велеборска. Это не было похоже на пир: слишком долгая вражда связывала всех, кто сидел сейчас за столом. Но и был то первый шаг если и не к миру, то к союзу. А там всё разрешится.

Леден захмелел не слишком: не потерял пока осторожности, да и Чаян пил в разы меньше того, что выпить он мог. Кмети, не больно усердствуя, но не в силах сдержаться, пощипывали челядинок за мягкие места, чувствуя себя, верно, почти князьями. А девушки хлопали их по рукам без большого рвения.

Леден собрался уходить из общины одним из первых. Хотел вернуться лагерь, но вспомнил, что всё ж должно теперь власть показывать. И уж если сдали им Велеборск, то и оставлять его не стоит.

– Ты сильно тут не усердствуй, – бросил напоследок брату, а тот, погасив притворное веселье в глазах, только кивнул серьёзно.

– Утром поговорим. За княжной ехать надо, – ответил тихо, но так, чтобы было слышно сквозь гомон.

– Княгини стерегись, – коротко глянув на Зимаву, посоветовал Леден. – Она-то, гляжу, тебя сильнее мёда хмелит.

– Не бойсь, – Чаян снова улыбнулся.

Княгиня, заметив желание Ледена покинуть застолье, подозвала одну из челядинок и шепнула ей что-то. Девушка нерешительно глянула на него, но кивнула, сжав губы, подчиняясь приказу женщины, которая, несмотря ни на что, ещё обладала здесь неоспоримой властью. Видел он сегодня эту девицу не раз: всё рядом крутилась, ухаживала и мёд подливать не забывала. То рукава коснётся, то склонится близко-близко, а то, повернувшись, мазнёт длинной косой по спине.

– Пойдём, княжич, хоромы твои тебе покажу, – девушка подошла, торопливо обогнув стол.

Он попрощался с кметями и последовал за ней. Признаться, голова гудела от мыслей и всего, что случилось сегодня. В груди нехорошо тянуло от смутной неуверенности в том, что всё выйдет так, как нужно. И не давали покоя размышления о княженке, за которой предстояло ехать. Он сразу понял, что ему. Чаян город, завоёванный не столько мечом, сколько словом, пока оставлять поостережётся. А дело это слишком важное, чтобы отправлять по нему десятника или даже воеводу Буяра, что остался сейчас в становище – приглядывать за вверенным ему войском.

Колючая прохлада прогнала и то слабое опьянение, что поселилось в голове в душной общине. Леден прошёл за челядинкой

через двор и поднялся по знакомому уже крыльцу в терем. Здесь было сумрачно и тепло – пока ещё топили, не доверяя изменчивой весенней погоде.

Они поднялись ещё выше и, пройдя по открытому ходу на втором ярусе, вышли к хоромам, которые занимал раньше, если не сам князь, то, возможно, его сын Отрад. В просторной горнице было убрано – нарочито, отчего она потеряла жилой вид. Челядинка разожгла лучины, закреплённые в солидных кованых светцах – и вокруг сразу стало уютнее. Ошибиться не пришлось: хоромы и правда принадлежали воину. На стенах висели щиты и шкуры, добытые в охотах. Одна – медвежья – раскинулась на полу у широкой застеленной лавки. Необычно много окон было прорублено в стенах: верно, летом здесь можно было обходиться без лучин.

– Постой, – остановил Леден собравшуюся уже уйти челядинку.

Девушка встала у дверей и медленно повернулась к нему. Леден подошёл, на ходу распахивая накиннутый на плечи, но не застёгнутый кожух. Девушка приняла его и аккуратно повесила на вбитый в стену сучок. А он наблюдал за ней, разглядывая миловидное, тронутое россыпью веснушек личико и стройную, хрупкую фигуру, скрытую чуть мешковатой рубахой и простой, без вышивки, понёвой. Неспроста её княгиня сюда отправила. Задобрить хотела. Знала, что после бесконечных сражений, дорог и стояния под стенами Велеборска, мужам нужно отдохнуть. Да только девица гостя остёрского боялась, видно, немало, хоть и выказывала внимание весь вечер. Он улыбнулся слегка, когда она снова на него взглянула, ожидая распоряжений.

– Подойди.

И челядинка послушно шагнула навстречу.

– Как звать тебя?

– Мира, – почти шёпотом.

Он неспешно развязал перехватывающий талию её тканый пояс, отшвырнул на притулившуюся у стола скамью, а за ним – понёву, которую тот и держал. Девушка взгляд опустила и только всхлипнула тихо, когда Леден прижал её к себе. Торопливо впился в губы, всё сильнее ощущая, что напряжение минувших седмиц сбросить ему просто необходимо. Челядинка противиться не стала – ответила, а после принялась распоясывать его рубаху. Стащила её,

бросила рядом со своей одеждой. Провела ладошками по плечам, несмело разглядывая его.

– Холодный какой, – пробормотала растерянно.

– А ты согрей.

Леден коснулся её подбородка кончиками пальцев. Девушка с готовностью откинула голову, приглашая припасть к мягким губам. Нашарила гашник и принялась распускать его. Леден закончить ей не дал – подхватил на руки и до лавки донёс, а там задрал подол и взял её, не собираясь уж тратить время на долгие ласки. Она и так желала его, хоть опасалась по-прежнему. Приятно жаркими стали её руки, и глубоко начала вздыматься её грудь под тонким льном рубахи. Быстро распалилась. А ему лишь это сейчас и нужно было – больше ничего. Только видеть, как изгибается под ним тонкий стан. Как ярких, блестящих губ срываются вздохи один другого громче. Он излился остро – аж в глазах потемнело на миг. Битвы битвами, а без девиц порой тоскливо. Челядинка замерла, мелко дыша от тяжести навалившегося на неё тела. Леден чувствовал на губах соль её кожи, и запах её волос, будто бы чуть травяной, приятно щекотал ноздри.

Едва отдышавшись, он встал и оправился.

– Иди, – буркнул.

И девица, подхватив вещи, вышла, не скрывая лёгкой обиды во взоре. Непонятно, на что ещё рассчитывала. Ещё недолго побродив по горнице, Леден улёгся спать. Только мысли о грядущем не давали смежить веки. Доносился со двора отдалённый гомон развеселившихся кметей. Шуршали где-то шаги. Прислушиваясь к знакомым и в то же время чужим в этом чужом месте звукам, Леден всё же уснул.

И сон его оказался необычайно дивным, чего давно уж не случалось. Снилось ему девушка, сидящая на поросшем короткой молодой травой берегу неглубокой речки, под раскидистой сосной, что ткала ветвями на земле узорные тени. Незнакомка плела косу, медленно распутывая влажные пряди тонкими пальчиками, и тихо напевала незатейливую песенку. Не замечала даже, что кто-то за ней наблюдает в этот самый миг. Голосок её, приятный и звонкий, переливами стелился над водой. Рубаха девушки, щедро вышитая обережными узорами, намокла пятнами и липла к нежной коже. Заострившаяся от прохлады грудь ясно виднелась сквозь

подсвеченную Дажьбожьим оком ткань, как и стройные крепкие ноги. От вида их в заледеневшем нутре будто что-то вспыхивало огнём и плавилось, оседая тяжестью в паху.

Девушка вдруг смолкла и прислушалась. Леден затаил дыхание, не понимая ещё, находится здесь, в укрывающих узкую полосу бережка зарослях ивняка, на самом деле – или это всё ему и впрямь мерещится. Незнакомка обернулась, взгляделась тревожно в глубину зелёной чаши. Лицо её оказалось приятным: большие глаза орехового цвета, гладкие скулы, чуть вздёрнутый нос и губы – нижняя слегка полнее верхней – прикусить бы легонько, а после провести по ней самым кончиком языка, успокаивая. От мыслей таких аж перед взором плыло. Она была как будто ещё очень молода, но во взгляде её не осталось обычной девичьей восторженности и наивности. Пытаясь разглядеть кого-то среди плотного переплетения тонких ивовых ветвей, она как будто не ждала любого сердцу парня, а скорее думала встретить некую беду.

Она произнесла словно бы чьё-то имя – не слышно за журчанием воды. Леден вздрогнул и проснулся.

Оказалось, в дверях стоит отрок из своих. Уж когда успел добраться сюда из становища? Леден нахмурился, пытаясь спросонья вспомнить, как его зовут, хоть и знал хорошо – вот же напасть, словно поленом пришибло! И лицо той девушки из сна так и стояло перед взором до сих пор, очерченное яркой каймой отражённого от воды света.

– Как ты тут оказался, Брашко? – имя отрока наконец вспыхнуло в памяти.

Леден сел на лавке, потирая глаза. Судя по слабому свету, что лился из приоткрытой двери, на дворе уже светало. Мальчишка прошёл дальше в хоромы, с любопытством озираясь.

– Так послали за тобой: в путь собираться надобно. Чаян Светоярыч уж поднялся. Видеть тебя желает, княжич. А я вот вещи в дорогу из становища принёс.

Вот же Чаян, неугомонная душа. Будто вожжа его под хвост постоянно бьёт. Он хоть спал нынче? Тихо про себя поругиваясь, Леден умылся беспощадно ледяной, принесённой только что из колодца, водой и оделся в чистое. Поспел он и в гридницу к утренне, где его уже ждал брат в окружении кметей.

– Как спалось на новом месте? – усмехнулся тот, едва глянув. – Невеста приснилась?

Леден аж вздрогнул, ясно вспомнив неостывший ещё сон. Да какие же ему невесты? Многие девицы, наслушавшись про него кривотолков, намешанных с правдой так, что не отличить одно от другого, едва не вперёд собственного дыхания от него бежали. Боялись, что горя он принесёт столько, что не поднять. И правы были отчасти. Он сел за стол: перед отъездом подкрепиться нужно справно. Да что-то не особо хотелось. Зато кмети, прислушиваясь к назревающему разговору княжичей, уминали за обе щеки.

– Не помню, – буркнул Леден. – Может, и снилось что.

– А я вот видел, – Чаян сощурился довольно.

Кабы невеста та ему во сне женой не успела стать. Леден едва сбитнем не поперхнулся.

– И что, хороша?

– Краше не знал ещё, – брат кивнул уверенно. – Только где бы её теперь наяву встретить.

Он вдруг помрачнел: ему на судьбе тоже счастья семейного написано не было. Совсем даже наоборот. Жена его первая и любимая, умерла в родах вместе с младенцем, когда было ему самому всего девятнадцать зим. С тех пор он снова жениться не пытался: потому как убедился, что рок на нём страшный, напророченный ещё в детстве. А теперь вон глаза загорелись, словно и правда встретил где девушку, что тронула его сердце. Но и о том, что ждёт каждую его супругу, он тоже помнил. Только потому, верно, Чаян отринул нерадостные думы и продолжил серьёзно:

– За княженкой Елицей ехать нужно, братец. И, кроме тебя, дело это мне доверить некому. Сам понимаешь.

Леден кивнул. Правду сказать, покидать брата сейчас, когда в Велеборске им совсем не рады и могут задумать ещё хорошую подлость, ему не хотелось. Но и деваться было некуда.

– Сегодня же отправлюсь, – не стал он возражать. – Только кметей из становища возьму. Да нескольких – из дружины Доброги. Своих там лучше признают да выслушаю внимательнее.

– Вези её сюда скорее, – Чаян уставился куда-то в дно кружки. – Да не запугивай сильно. А то знаю я тебя. Нам союзник нужен, а не лютый враг.

– А тут как ни поверни, мы враги ей, – Леден пожал плечами.

Чаян кивнул задумчиво, но больше ничего говорить не стал. Скоро собрались кмети в дорогу до дальней Звяницы. Обратились напоследок к Богам в здешнем святилище, принесли требы на удачный путь. Да и выехали за неприветливые ещё ворота.

Пустые глазницы турьего черепа ощутимо вперились в спину. Леден даже хотел обернуться было, да не стал. Дорога повела его на запад, к границам с беспокойными косяками. И от мысли о встрече с загадочной княженкой, которая, возможно, знала самое важное для всех остёрцев, внутри тревожно замирало.

Глава 3

Комоедицы гремели на всю весь уже несколько дней. У стен Лосича шла широкая ярмарка: многие купцы с окрестных земель поспешили сюда, чтобы наторговаться перед долгой дорогой. Как протают торговые пути, что, по правде сказать, не больно-то засыпало снегом и зимой, отправятся они на юг и запад – повезут из Велеборского княжества оружие и пушнину, добротный лён и золотые-серебряные украшения. А привезут назад редкие ткани, вино да самоцветы – много чего ещё, что трудно сыскать на этих землях.

Казалось, даже ветер не мог смахнуть накрепко пропитавший воздух запах лепёшек – символов Дажьбожьего ока, что с каждым днём грело всё сильнее. Пекли и жаворонков да коровок – скорее приманить весну и уважать Богов – дарили их родичам и знакомым, чтобы поделиться радостью и удачей на весь год. Вот и Елица не могла на улицу выйти, чтобы не принести после в избу пару румяных птичек. И сама раздаривала с пожеланиями хлебородного лета и счастья. Но больших гуляний она всё ж сторонилась. Как ни заманивала её Веселина нацепить какую звериную личину, а то и вовсе парнем переодеться да побегать по веси, распугивая прохожих и будоража собак во дворах.

Такие гуляния было слышно издалека по хохоту молодых голосов, по бешеному лаю псин и радостному визгу детей, что всегда сопровождали шумные ватаги ряженных. И совсем уж скрыться от них не удавалось. Приходилось после отлучки возвращаться в избу изогнутыми тропами, чтобы не налететь на лишнее внимание и не попасть под шалости захмелевших от быстрого бега крови по телу друзей.

Да вот сегодня не с руки было плестись едва не вокруг всей веси – несла она почти полную корзину яиц от Избавы, выменянную на несколько мотков прекрасной, крашеной тайными травами Сновиды пряжи. От её особого отвара нитки приобретали дивный и очень стойкий красный цвет – самое то, чтобы подросшей дочке понёву соткать – любой парень залюбуется.

А потому Елица пошла сегодня по главной улице, сначала хорошо прислушавшись – нет ли где поблизости знакомого гогота и щёлканья трещоток, отгоняющих злых духов. Показалось, вокруг тихо, а потому можно было и успеть до дома добраться, несмотря на то, что подходило уже самое время для вечерних гуляний. Но не прошла она ещё и половины пути, как, нарастая, пронёсся от двора старейшины Благослава первый отголосок веселья. Елица ускорила шаг придерживая корзину с хрупким грузом, но ноги, как назло, то и дело соскальзывали по коварному ледку, что притаился под рыхлым после солнечного дня снегом. Гурьба, окликающая каждого прохожего и заглядывая в каждый двор, двигалась аккурат ей навстречу. Скоро показались впереди тёмные фигуры ряженных. Торчали в небо длиннющие рога страшных личин. Развевались кудлатые космы их шкур. Елица отошла поближе к ряду плетней, надеясь в душе, что её не заметят. И уже вот она – крыша нужной избы, а дойди попробуй.

Жутковато рыча вперемешку с залихватским смехом и обрывками песен, ватага приблизилась, но всё внимание их привлекла кучка девушек, что шли со стороны реки. Сокрытые под нарядами чудищ парни тут же окружили их, а их подруги, которых можно было узнать по голосам, только раззадоривали товарищей и пытались нагнать на пойманных жертв ещё большего страха.

Да только девицы не сильно-то испугались: начали откупаться от “нечистых” пирогами да лепёшками. Да и против того, чтобы загребущие руки парней, которым скрытые лица добавляли изрядно наглости, их приобняли, они вовсе и не были. Елица попыталась проскочить за спинами ряженных и выдохнула облегчённо, когда к ней никто даже и не повернулся. Она уже взялась за верх калитки, как рывкнул позади низкий голос:

– А вот и моя добыча!

Окутало её запахом сырой шерсти и бересты. Жадные руки обхватили поперёк талии и потащили куда-то. Едва не рухнула в снег корзина, и трудно было отбиваться – плетёная ручка так и норовила соскочить с локтя. Елицу прижали к стене соседского овина, забрали ношу. Прямо перед глазами возникла кособокая личина то ли медведя, то ли ещё какого зверя.

– Я откуплюсь, – выдохнула Елица, всматриваясь в тёмные прорези глазниц. – Только пусти.

Попыталась оттолкнуть пленителя, но разыгравшаяся кровь и дурман безнаказанности, похоже, придавали ему больших сил. Парень сдёрнул маску и отшвырнул в сторону. Едва только Елица успела узнать в нём Денко, как тот сунул горячие ладони ей под распахнутую свиту и поцеловал. Так знакомо и ненасытно – аж в голове становилось шало от смеси студёного воздуха, что скользил по щекам и шее, и жаркого дыхания парня.

– Конечно, откупишься, – проговорил он прерывисто. – Отпущу, как нацелую вдоволь.

Елица ударила его в плечи, но скорее она смогла бы сдвинуть стену этого овина, чем заставить сейчас изголодавшегося буйного Денко отступить хоть на полшага. Он нещадно мял её губы и блуждал руками по талии и спине, то и дело впиваясь пальцами сквозь ткань. Никак сам проснувшийся Ярила бил хмелем ему в голову. И позабыл он все предостережения, все отказы, которых было за эти годы немеряно. Он брал, как думал, своё. А все увещевания Елицы, видно, считал лишь игрой, что только приманивала его сильнее.

– Хватит! Пусти! – она наконец смогла хоть немного отстраниться.

Вся спина взмокла от усилий, в глазах стояла пелена невольного морока, что свалился на неё от рьяных ласк.

– Всё равно моей будешь, сколько ни сопротивляйся, Нежа, – Денко поднял с земли личину и отряхнул от снега.

Взглянул исподлобья, не тая во взоре страшного огня вожделения. Скрипнула дверь избы и во двор выглянула Сновида: видно, обеспокоилась тем, что Елица долго не возвращается.

– Не буду! – зло ответила та, подхватывая на удивление аккуратно поставленную в снег корзину. – Не буду, пойми уж!

Денко желваками дёрнул и откинул от лица светлые волосы. Хорош – сказала бы без раздумий любая другая девица, залюбовалась бы пылкой страстью, от которой темнели его глаза сейчас, да и сдалась бы, верно, на милость завоевателя.

– Люблю я тебя, Нежа, – он покачал головой. – Всю душу ты мне изъела. Нешто не гожусь для тебя? Чем не угодил?

– Да всем ты гож, Денко, – она пожала плечами, пряча от него взгляд и прикрывая краем платка румянец, что жаром опалял щёки. – Не серчай.

Она выбралась из сырого сугроба, куда парень её загнал. Сновида увидела её и резко махнула рукой, подзывая.

– Слышишь? – неожиданно бросил Денко совсем невпопад.

Елица обернулась на него: он прислушивался, вытянув шею. И верно: весёлый гомон на улице стих, а на смену ему пришёл отдалённый глухой топот копыт, что отражался от стен домов и возвращался глухим эхом. Много всадников ехало сюда, и сам звук их приближения уже навевал смутную тревогу. Они промчались через всю весь насквозь, не остановившись даже. Видно, стремились в Лосич, а селение им без надобности. Одежду их рассмотреть в сумерках не удалось толком: а потому и непонятным осталось, кто они да откуда. Лишь успела Елица заметить их предводителя. Молодого и статного, но такого отстранённого, будто весь он был погружён в свои мысли. На плечах его горело в отсветах чермного заката такое же по цвету корзно. Будто у князя самого.

– Что за сокол? – хмурясь, проговорила подошедшая к калитке Сновида. – Явно ведь непростой.

Елица переглянулась с ней, а после и с озадаченным появлением незнакомцев Денко.

– Вроде, не воевать нас едут, – парень развёл руками. – Но как будто на остёрцев похожи.

– Тебе всюду теперь остёрцы мерещиться станут, – фыркнула волхва. – Но там посмотрим. Видно, воевода им нужен. Да то пока не наше дело, – она покосилась на Елицу и качнула головой в сторону избы. – Пойдём уж. Хватит миловаться.

– Да я не... – начала было оправдываться Елица, но бросила.

Сновида всё прекрасно понимала и ворчала так, больше для Денко, который хоть и нахальный, а под её взглядом часто робел.

Они вернулись в дом, оставив парня снаружи. Елица поставила корзину в клеть, где хранились все припасы, и вернулась, разматывая на ходу шерстяной платок. Дома сменить его можно было на лёгкий – льняной. А то и вовсе походить так, ничем не накрываясь. Гости здесь случались не так уж часто.

Тяжело упали на плечи косы, оттянули разрывающуюся от переживаний голову.

– Терпи, Елица, – вздохнула Сновида, наливая в кружку горячий сбитень с брусникой и орехами. – Просыпается Ярила. Будоражит

кровь парням. Сила в них сейчас играет самая буйная.

– Мне уж эта сила. И так никакого спасения нет, – Елица села на лавку, косясь в сторону ткацкого стана.

Работы ещё на сегодня достаточно. В самый день вешнего солнцеворота работать нельзя, а сейчас – без дела зазорно.

– А ты подумай, – вдруг на удивление взвешенно предложила волхва. – Теперь неведомо что в Велеборске творится. Говорят, княгиня город-то сдала. Ворота врагам открыла. Может, и не стоит теперь Денко гнать.

Елица аж глаза округлила. Кто бы мог подумать, что Сновида когда-то так заговорит.

– Что же ты? Совсем уже не веришь, что всё образуется? – она поставила кружку на стол чуть громче, чем нужно. – Я всё ж княжна ещё!

– Княжна... – согласилась волхва. – Но ты всё ж подумай.

На том странный разговор и завершился. И как Елица ни пыталась, а не могла прогнать из головы слова старухи. То казались они справедливыми, то превращались в полный вздор. Так она и уснула, беспокойно проворочавшись с боку на бок полночи. А утром встала, едва дождавшись, как светать начнёт и, прислушиваясь к сопению Сновиды, собрала бельё на стирку. Хорошо с утра сполоснуть в речке да высушить под солнцем. День обещал быть погожим: тёплые лучи Дажьбожьего ока разливали по небу бледный мёд. Уже проснулась где-то несмелая капель, верещали пичуги в зарослях дикой яблони за околицей двора. Елица, уместив под мышкой широкую корзину, дошла до пологого берега, где, дыша сыростью, посверкивала полынья. Мерно споласкивая рубахи да рушники, задумалась о своём. И вспомнился ей вдруг давнишний незнакомый всадник, что проезжал по веси с соратниками. Так и стоял в глазах его добротный плащ, сшитый явно из заморской ткани. И взгляд его холодный, точно эта вот полынья: только погрузишься ненадолго – и замёрзнешь насмерть.

Елица почти уж закончила стирку, как услышала, что по тропинке приближаются к ней торопливые шаги. Мелкие – девичьи. Она обернулась: Веселина встала над ней, пытаясь поскорее отдышаться.

– Случилось чего? – Елица встала, вытирая озябшие руки.

– Случилось. Вчера в Лосич остёрцы приехали. Сегодня вот у нас появились с воеводой. Тебя спрашивают. Осмыль меня отправил к

тебе, говорит, укройся пока в лесу. Иди в избушку старую, где травница жила, помнишь? Пока не утихнет всё.

– А то они меня по следам не сыщут, коли надо будет.

Елица хмыкнула и, подхватив корзину, направилась напрямиком обратно к дому. Не будет она от остёрцев прятаться, по чаще блукать. Если уж сам Осмыль их привёл, значит, дело важное. Выслушать надо. Веселина посеменила за ней, испуганно прижимая ладонь к груди.

– Да ты что? А вдруг худое что сделают? Зачем ты им вообще понадобилась? – пыхтела она позади, едва поспевая.

– Худое хотели бы сотворить, не пришёл бы воевода с ними.

А почему приехали – то невеликая премудрость. Вместе с Велеборском и её Зимава выдала прямо неприятелю в руки. А вот зачем – то, стало быть, сейчас прояснится.

Вместе с подругой они вышли на улицу, заглянули в избу волхвы – там оказалось пусто. Зато шум множества голосов, словно собралось вдруг вече, слышался уже издалека. Толпилась у беседы почти вся Звяница. Люди роптали и требовали ответа, видно, от воеводы, чего остёрцы проклятущие хотят и зачем им понадобилась ученица волхвы. Осмыль молчал, зато вместо него ответил вдруг сильный, чуть хриплый с дороги голос:

– Никого мы из вас не тронем, и девице дурного ничего не сотворим. Скажите где её искать, и мы разойдёмся быстро.

Елица протолкнулась сквозь плотную толпу, оставив Веселину где-то за спиной. Звяничане встретили её разочарованными вздохами: не послушалась – пришла. Кто-то смотрел недобро: боялся, что навлечёт она на всех неведомую беду.

– Нежану мы вам не отдадим! Ишь чего удумали! – рявкнул вдруг Денко, а товарищи поддержали его стройным гулом.

Елица вышла вперёд и встала, озираясь. Цепкий взгляд вчерашнего всадника впился в её лицо – и почудилось в нём на миг смятение, которое, впрочем, быстро погасло. А его самого можно было теперь разглядеть гораздо лучше. Высокий – на полголовы выше стоящего рядом Осмыля – он выглядел ледяным идолом из-за слегка бледной, как будто отдающей в синеву, кожи и необычно морозного оттенка серых глаз. Бесстрастное лицо его оказалось неожиданно молодым. Хищно изогнутые крылья носа его раздражённо

подрагивали: видно препирательства с местными уже успели ему наскучить. Сдержанно он оглядел Елицу в ответ – и губы его сомкнулись плотнее.

– Ты, стало быть, Нежана, которая не Нежана вовсе? – проговорил он спокойно, с оттенком интереса.

Осмыль вздохнул тяжело: и сейчас ему, видно, не хотелось, чтобы звяничане узнали, кто она такая на самом деле.

– Я-то знаю, кто я, а вот тебя вижу впервые, как и людей твоих, – Елица осеклась, заметив среди окружавших его кметей как будто кого-то из дружины воеводы Доброги. А может, просто почудилось: велеборских кметей она не видела давно.

Молодец усмехнулся криво и неспешно приблизился. Шагнул ему было наперерез Денко, да его остановили друзья, что-то торопливо зашептав.

– Люди зовут меня Леденом, – он всё продолжал обводить взглядом лицо Елицы, и между бровей его то и дело мелькала то ли озадаченная, то ли суровая морщинка. – Сын я князя остёрского – Светояра.

Люди охнули тихо: похоже, и не ведали до сего момента, кто перед ними стоял, хоть по дорогому булатному мечу, висящему у пояса, и одежде легко было понять, что не обычный он кметь и даже не воевода. Одет он был не кричаще богато, но браная ткань синей рубахи, что виднелась в чуть распахнутом вороте кожуха, и красивый плащ, вышитый по краю, подбитый волчьим мехом – всё говорило о том, кто он, едва не человеческим языком. Другое дело, что Елица могла распознать это быстрее других.

– Зачем меня ищешь? – вдоволь насмотревшись, перешла она к главному.

– Уж не на стол княжеский усадить хочу, – Светоярыч сощурился насмешливо. – Дело у меня и брата моего к тебе есть. Только о нём говорить здесь я не намерен.

– А может, всё ж скажешь? – не переставая яриться, уколол его Денко.

Леден нахмурился и повернулся к нему. Сын старейшины вовсе не сник, а только, кажется, распалился сильнее.

– Уж не с тобой ли мне совет держать прикажешь? – голос княжича сверкнул ледяной издёвкой. – Кто ты такой, знать не знаю, да

только слышу тебя уж больно много.

– А ты мне рот не затыкай, сокол залётный, – оскалился Денко. – Думаешь, княжич облезлого княжества, так помыкать тут всеми можешь? И девиц уводить только по одной прихоти своей?

Елица упёрлась взглядом в парня, безмолвно призывая посмотреть на неё. Видно, много ещё дерзостей готово было сорваться с его языка, да только мысли разумные за ними не поспевали. И явные тычки большухи в спину не могли остановить разошедшегося в своём гневе отпрыска, как и тихие увещевания друзей.

– А девица, стало быть, твоя, коли ты мне в глотку готов вцепиться за неё? – показалось, чуть удивился княжич.

– Если и так, – самодовольно хмыкнул Денко. – Оспорить хочешь? Леден покачал головой, поглядывая на Елицу.

– Не по себе ты девицу выбрал. Да и кулак в твоих соплях я марать не хочу. Сама со мной поедет.

– А если не поеду? – возразила та больше для вида.

Если бы он не был уверен, что ему удастся увезти её в Велеборск, вряд ли заводил бы сейчас такие речи.

– Лучше бы тебе поехать, княжна.

По толпе пробежал недоуменный рокот. Звяничане начали переглядываться и переговариваться тихо, все, как один, косясь на Елицу. Осмыль провёл ладонью по лицу. Все поручения, что оставил ему отец, оказались невыполненными.

– А я знала, – негромко, но нарочно так, чтобы услышали, сказала вдруг большуха Мстислава. – Знала, что непростая она. Уж так и эдак к ней, а всё нос воротит.

Денко что-то сердито сказал матери, но та только рукой махнула. Слово ведь – не воробей. Пока люди обсуждали услышанное, остёрский княжич ещё ближе подошёл – и голову пришлось задрать, чтобы ему в глаза посмотреть. Недолго они мерили друг друга взглядами, да показалось, что полдня прошло. Много можно было прочитать во взоре Ледена, но больше всего – разочарования и усталости, что, видно, преследовали его всегда. И это в столь молодые годы. Елица вовсе глухой не была и порой слышала о братьях Светоярычах многое. Что оба они воины сильные, могучей выучки и великой ярости. И что отца своего чтят безмерно и всё готовы сделать для него. И что прокляты они оба с детства самого – каждый на свою

недолю. А младший Леден, как говорили, ещё и Мораной “поцелованный”. Оттого он и не жив, и не мёртв как будто. А что это значит – может, лучше и не знать вовсе.

– Ну, что, поедешь в Велеборск, княжна? – глухо проговорил он после тяжёлого молчания, во время которого словно стихли все до единого голоса кругом. – Или силой везти прикажешь?

– Боюсь, силой я тебе не позволю княжну увезти, – возразил Осмыль. – Я отцу её обещание давал.

Княжич обернулся к нему и кивнул понимающе. И очень не хотелось, чтобы лосичанской дружине пришлось вступать в бой по такому вот глупому поводу. Но оно так и случится, если нужно: все об этом знали. И знали, что остановить остёрцев не удастся. Сложно решать, когда в душе будто что-то на две части разрывается, когда не хочется ехать вместе с неприятелем в Велеборск, но ехать надо. Только хуже будет подставить своим упрямством невинных людей под гнев жестокого, как говорили, княжича Ледена Светоярыча. Кто знает, чем тогда обернётся спокойный с виду разговор?

– Поеду, – Елица кивнула. – Собраться дашь?

Леден вдруг скупой улыбнулся.

– До следующего утра можешь собираться. И прощаться, с кем надо, – милостиво разрешил он. – А сбежать надумашь – многие пострадают. Завтра, как рассветёт, я буду ждать тебя здесь.

Княжич развернулся и махнул своим людям. Все кмети, что блюли порядок среди звяничан, двинулись за ним среди расступившейся толпы обратно к Лосичу. Елица напоследок встретилась взглядом с Осмылем – тот вздохнул, ничего больше не говоря. Ждал он, видно, что остёрцы с боем нагрянут, убивать примутся да грабить. А оно вон как всё обернулось – и поделаться с этим ничего было нельзя. Не звери всё ж – друг на друга без причины кидаться.

Незаметно подошла и Сновида – тоже промолчала. Вместе они вернулись в избу, и Елица принялась собирать вещи: что в сундук, а что в мешок дорожный. Наткнулась на тонкий кожаный пояс, на котором был привешен дивный заморский кинжал в ножнах. Золотая его рукоять с замысловатым узором из переплетённых стеблей и цветов ярко посверкивала даже в скупом свете лучин. Его подарил отец перед тем, как оставить её в Звянице. Сказал, на память, будто без подарка она тут же его забыла бы. А теперь всё виделось совсем по-

другому. Елица медленно вытянула клинок – и мелькнула в голове шальная, почти безумная мысль.

– Ты ж княжна, а не воин, – буркнула за спиной Сновида, словно отголосок внутренних сомнений. – Даже если повезёт тебе сильно, убьёшь ты его. Что дальше-то делать станешь?

Елица отложила кинжал в сторону. Прятать она его не станет далёко – на пояс повесит завтра. Так ей будет немного, да спокойнее.

– Пусть я и не воин, а обращаться с ним меня учили.

Волхва фыркнула недоверчиво. Конечно, никто кметя из княжны не воспитывал. Но она, бывало, напрашивалась на уроки к Отраду: покажи, мол, самое простое, чем себя защитить можно. Ведь времена беспокойные. Братец учил, но посмеивался, конечно – она и сейчас как будто видела перед собой его лукавые, материнского разреза, глаза. Он был очень на неё похож: и рыжеватыми прямыми волосами, что на солнце становилось будто бы медными, и высокими скулами, и тонким, с лёгкой горбинкой, носом. Княжич был красив: все девицы, с кем рядом проходил, аж дышать забывали. И позови любую – побежала бы, не оглядываясь за ним. Но вот не успел жениться, хоть отец и стращал его, гневился, что молодость свою на ратное дело лишь тратит. Битвы битвами, говорил, а без жены, без наследников воин – только меч один, железка заострённая – в землю ляжет, и никто о нём не вспомнит больше. Останется после только ржавчина да полоски истлевшей кожи. Отрад слушал и соглашался даже, а всё равно поступал по-своему.

Так и случилось: сомкнулась над ним курганная земля, потолкуют теперь люди о его доблести и силе, повздыхают о безвременном уходе – да и забудут. Только Елица помнить будет до самой смерти.

Вечером, как начало смеркаться, пришла Веселина. Остановилась у порога, робко переминаясь. И как будто все слова позабыла, которые сказать хотела. Словно знание о том, что Елица – княжна – всё изменило в их дружбе, а может, и испортило вовсе.

– Посидишь нами в беседе сегодня? – заговорила, наконец. – Или не положено тебе?

Елица составила на стол горку вымытых после вечера мисок и улыбнулась.

– Посижу, конечно. Не говори глупостей.

Сновида одобрительно закивала. Её как будто и саму начала одолевать некая печаль. Неужто жалко стало с Елицей прощаться после того, как бок о бок они пять зим прожили? А казалось ведь, что старуха, точно сучок на поваленной берёзе, высохла, не осталось в душе ничего, кроме житейской суровости и связи с Макошью, которой она верно служила уж много лет.

Елица собралась: напоследок успеет ещё хоть что-то напрясть – и вместе с Веселиной дошла до беседы. Подивилась ещё, что кругом так тихо: ни гуляний сегодня, ни шума, обычного для разгара Комоедицы.

В избе уже ждали другие девицы – и расступились в стороны, давая присесть на самое лучшее и светлое место. Поглядывали с интересом и опаской, будто первый раз увидели. Только Веселина грустила больше. И как закрутилась привычная для посиделок работа, девушки понемногу начали спрашивать, а как княженке раньше жилось, и что теперь будет, как она с княжичем остёрским уедет?

О жизни своей она рассказывала, что не особо она от их отличалась. А вот о том, что теперь с ней станется, и сказать было нечего.

– Дык что будет, – дёрнула плечом Луша. – Выберет себе кого из княжичей да и замуж выйдет. А то и силой уведут. Они теперь здесь хозяева. Захотят – любую из нас в сарай сведут своим воинам на потеху.

Веселина и нос сморщила.

– Ой, ну тебя! Скажешь тоже. Сказал ведь княжич, никого не тронут. А вообще... Страшно это, Лушка, – укорила её. – А то ты не знаешь, что о них говорят. У одного любая жена в родах умрёт. А второй и сам будто мёртвый: ни любить не может, ни дитя зачать.

– А вы чего это меня замуж уже выдали? – Елица рассмеялась, пытаясь увести разговор в другую сторону. – Я ни за кого из них идти не собираюсь.

Уж меньше всего ей сейчас хотелось о Светоярычах говорить. Хоть и на душе от мыслей о них беспокойно делалось.

– А то не пойдёшь, ежели прикажут, – не унималась Луша. – Вдовства твоего срока уж мало осталось.

– Ты бы не злобствовала попусту, Лушка, – буркнула другая девица, молчаливая и терпеливая всегда Горина. – Радоваться тебе

надо. Денко твой ненаглядный снова свободен окажется. А ты всё не успокоишься.

– Свободен останется, и что? – упрямо возразила та. – Она ж так ему под кожу въелась, что не выдрать теперь. Кабы не зачах.

Но не успела ещё Елица что-то на это ответить, как ввалились в беседу и парни. Талая земля скрыла звуки их шагов, а потому девушки даже вздрогнули, как скрипнула дверь и ворвались их голоса вместе с ними. А вид у каждого из них был такой загадочный, что впору встревожиться. Но на удивление, никто разговоров о приезде остёрского княжича не завёл – и за то Елица была им благодарна. Денко оказался на нынешних посиделках необычайно молчалив. Всё сидел да лишь зыркал то ли обиженно, то ли и вовсе зло. А нечего было поперёк старших в перепалку с Леденом лезть. Тот нос ему быстро утёр, а сын старейшины этого стерпеть не мог.

Разошлись поздно. Прошли всей гурьбой через весь, провожая Елицу до калитки. Думала она, признаться, что Денко хоть что-то на прощание скажет, но тот и рукава её не коснулся. Что ж, раз так решил расстаться, может, и насовсем, то его право.

Сновида уже легла: только глянула коротко сквозь сумрак, сощурившись от света разожжённой на столе лучины – и отвернулась вновь. Елица заснула нынче до странности быстро. И утром встала ещё затемно, от чего-то боясь опоздать, хотя и ясно, что без неё княжич не уедет. Да как бы промедлениями новых бед не вызвать. Сновида собрала в дорогу хороший туесок с зерном разным, из которого всегда кашу сварить можно. И мяса вяленого положила, и масла горшочек. Ехать не слишком долго, но и неблизко тоже. Вряд ли в Лосиче в дорогу княжичу не дали провизии на всех. Да и на пути в любой веси княженке помочь не откажутся. Только от этого душевно собранного туеска всё равно так тепло внутри стало. Елица обняла волхву на прощание, надеясь, что свидеться с ней ещё сможет.

– Я обряд тебе небольшой на дорогу справила, Макошь за тебя попросила, чтобы берегла от беды, – забормотала Сновида, поглаживая её по спине. – Стерегись ты сокола этого. Холодом своим опалит хуже огня. Но выполни, что предназначено. Оттого всем лучше станет.

– Я постараюсь, – Елица прикусила губу, чтобы не расплакаться ещё чего доброго.

Пришли и парни, что накануне пообещали помочь донести сундук до места. Подхватили его вдвоём, чуть крикнув, и потащили впереди, то и дело притворно сетуя на непосильную тяжесть.

Снаружи дышалось легко. Ушли последние остатки мороза, словно почуяла Морана, что недолго ей осталось властвовать – и начала отступать в тень ещё хранящих белые сугробы лесов. Блестели подтаявшие лужицы в следах ног на дороге, посвистывали птицы то на чьей крыше, то на яблоне в каком саду. И чем ближе Елица подходила к беседе, тем яснее слышала гул мужских голосов, нетерпеливое пофыркивание лошадей и грохот собственного сердца в ушах. Она ведь даже не знала ещё, зачем в Велеборск вместе с княжичем едет. Просто поняла, что выполнить ей нужно что-то важное. А вот теперь так вдруг страшно стало: ведь с врагом своим, получается, в дорогу собралась. А там кто его знает... Она невольно коснулась через свиту кинжала на поясе и так глупо себя почувствовала: можно подумать, кто-то из кметей или хоть Леден сам вынуть его ей позволит.

Собралась нынче толпа поменьше, да всё равно зевак пришло немало, будто диво какое увидеть хотели. Все заоборачивались, стоило одному только заметить, как приближается та, кого все ждали. А может, любопытно им было, сбежит она всё ж или нет. Не сбежала. И тут же кмети начали на коней садиться, а через миг выехал навстречу и княжич, одетый нынче и вовсе по-дорожному: в обычные штаны да кожух без вышивки. Даже меч свой особый он за спину повесил – лишь рукоять над плечом виднелась. Сверкнули подозрительно его студёные глаза из-под околыша шапки, словно и сам он не больно-то верил, что Елица придёт.

– Здрава будь, княжна. Верхом ездить горазда? – крикнул ещё издалека, глядя сверху вниз. – Или на телеге поедешь вместе с зерном?

Елица фыркнула только. Уколоть её решил – зубоскалит. Вон, лошадь-то для неё уж подготовлена. Да и воевода Осмыль наверняка рассказал, что верхом княженка держится получше многих мужчин, хоть не слишком ей это и подобает. Вот и сам воевода кобылку её под узду держал, поглядывая беспокойно и виновато. Она сама закрепила к седле свою ношу. Ларь её поставили в повозку с припасами. Чуть приподняв подол, она легко запрыгнула на лошадь и увидеть успела ещё, как взгляд Ледена скользнул по её на миг открывшейся, обрисованной мягким сапожком лодыжке.

– Ты не бойся, княжна, – тихо буркнул воевода, на миг придержав повод, прежде чем отдать его Елице. – С тобой кмети Доброги. Вступятся, коли чего.

– Знаю, – только и ответила она.

И почувствовала будто бы чей-то взгляд из толпы. Обернулась даже, но никого не увидела из тех, кого можно было ожидать. Мелькнуло только бледное лицо Веселины. Да большуха Мстислава, сложив руки на груди, следила за отъездом неожиданных гостей, внезапно отнявших у неё девицу, которую она уже считала своей невесткой.

После краткого приказа выдвигаться, Леден поехал насквозь через весь на запад – к Велеборску. Минули скоро околицу. Остался позади шум Лосича, которому даже летом и осенью, в разгар торга, было далеко до столичного. Осталась за спиной в своей избе Сновида. А впереди – только неизвестность глубокого колодца, над которым Макошь занесла руку, чтобы вынуть оттуда очередную нить судьбы. И покуда не столкнёшься с ней – не узнаешь, что сулит теперь встреча с княжичем остёрским, куда он заведет её, и что таит за своими стенами тот город, что Елица всегда считала домом.

Глава 4

Первый день пути до Велеборска прошёл точно в тумане. Елица будто бы ещё осталась мыслями в Звянице, зацепилась, страшась обратиться к будущему. До другой веси, а уж тем более погоста, добраться так и не удалось. Всё ж Лосич стоял чуть в стороне от других селений, на краю земель, что ещё только обживались. Да и не слишком рвались сюда люди, зная, что совсем близко начинаются владения косяцких родов. Те не строили городов и много кочевали. Перенимали жизненный уклад соседей не слишком охотно и преграждали, как сетовали порой купцы, удобные торговые пути.

И раз крыши, чтобы под ней заночевать, не случилось, кмети споро развернули небольшое становище. Для себя – тесноватые, но хотя бы прикрывающие от студёного и коварного ещё ветра. Для княжича поставили небольшой шатёр. Елица, признаться, думала, что и для неё развернут отдельное укрытие, но оказалось, что Леден не собирается больше оставлять её без присмотра. А потому вторую лежанку, слегка приподнятую над землёй, установили для неё под тем же навесом. Она и глазам своим не поверила поначалу: повернулась к княжичу, который спокойно сам расседывал своего буланого коня, что-то тихо ему говоря.

Отрок принял у него седло и оттащил в сторону.

– Что же ты, княжич, считаешь, что с тобой в одной палатке спать стану? – Елица едва не задохнулась от негодования.

Да как бы ей не поплохело совсем от того, насколько близко с неприятелем придётся целую ночь провести.

Леден сдвинул брови и оглянулся на скромный шатёр, которого, впрочем, вполне на двоих хватало. Пожал плечами, словно не понял, что так её возмутило. Кмети, которые хлопотали поблизости, устраивая костёр и место вокруг него, чтобы согреться, так и уши наострили, ожидая, что княжич ей ответит.

– Если ты, княжна, за честь свою переживаешь, то пообещать могу, что не трону, – совершенно невозмутимо разъяснил тот. – А коли сплетен боишься. То они вон неболтливые.

Княжич качнул головой в сторону своих воинов и подмигнул кому-то из них. Парни тихо хохотнули. Дело-то понятное: не такая уж дальняя дорога перед ними лежит. Да к тому ж, чем ближе к Велеборску, тем чаще на пути будут попадаться веси, погосты, а то и настоящие гостевые дома в городках покрупнее. А потому тащить лишний груз для всего-то одной ночёвки в лесу, совсем не разумно. Вон, кметям едва не вповалку моститься придётся, да никто из них не жалуется. Они люди привычные. Но для Елицы всё это было так странно, что аж волоски на шее поднимались. И так стыд на себя взяла – одна, без подруги, с гурьбой мужчин в дорогу отправилась. А тут ещё и это...

– Если с княжичем спать не хочешь, то к нам можешь забраться, – решил пошутить кто-то из воинов.

– Или снаружи постелить можно, – добавил Леден. – Но с кметями теплее. Только за сохранность твою я тогда не ручаюсь.

И видно стало по лицу его, что неосторожных слов дружинника он не одобрил, но в открытую не стал его отчитывать. Да только тот болтун и так услышал прекрасно угрозу, что прозвучала в тоне княжича – голову понурил и притих. Елица не стала больше ничего о том говорить: выбирать не приходится. Она просто помогла отроку, которого звали Брашко, приготовить похлёбку – повечерять, а после осталась ненадолго у костра, слушая тихий разговор воинов. Как ни трудно им жилось в Остёрском княжестве с их вечными неурожаями и часто скверной погодой, а вспоминали они дом. И тех, кого там оставили, радуясь, что выжить удалось и доведётся ещё вернуться в свои избы.

Скрывшись было в шатре, Леден вернулся скоро и тоже сел у огня, пока отрок хлопотал у очага внутри, протапливая укрытие. Елица повозила ложкой по дну пустой деревянной миски и покосилась на него, задумчивого и всё такого же отстранённого, как и всегда. Словно не было в княжиче той искры жизни и любопытства к ней, что заставляла кметей говорить друг с другом, вспоминая былое и заглядывая в грядущее.

И от этой неподвижности и безразличия он становился похож на холодный месяц, что висел, сияя сквозь голые ветви, на тёмном небе над его головой.

– Может, расскажешь, зачем меня из Звяницы забрали? – решила она спросить. – Или просто род княжеский решили под корень извести?

Леден повернулся к ней, снова окинул тягучим взглядом – и захотелось поёжиться.

– Если бы я убить тебя хотел, княжна, то не стал бы тащить до Велеборска.

– А может прилюдно казнить хотите, – она дёрнула плечом.

Княжич вдруг хмыкнул громко. Кмети притихли, посматривая в их сторону. Вспорхнула где-то в чаще ночная птица – глухое хлопанье её крыльев разнеслось вокруг и смолкло.

– Вы, гляжу, у себя в княжестве думаете, что все, кроме вас, звери неразумные и кровожадные, – он снова впился иглами глаз в её лицо. – Но нет, не полётится твоя кровушка по мостовой Велеборска, не бойся. Пока что. А дело для тебя у нас важное. Но без Чаяна я говорить о нём с тобой не буду. Но, может, и сама догадаешься, коли поразмыслишь.

Елица прищурилась, разглядывая его. И насколько же спокоен его голос, словно река по ровному месту льётся. И во взоре – ничего не вспыхивает, не отражается – а потому мыслей истинных никак не поймёшь. Хоть, вроде, и разозлился.

– Ты всегда такой? – не удержалась она. – Словно в лёд вмёрзший?

Леден встал и глянул мимо неё будто бы между сосновых стволов в сторону речки, одного из бесчисленных и порой безымянных притоков Звяни. Отсветы огня делали кожу княжича будто бы немного теплее, но всё равно не скрадывали её особого оттенка.

– Тебе же оттого лучше, – бросил он и пошёл к воде. То ли умыться, то ли просто скрыться от неприятных расспросов.

Как только он затерялся среди густого, но по весне ещё безлистного орешника, как один из кметей шевельнулся на своём месте и буркнул:

– Всегда.

Парни ещё что-то тихо обсудили, но так, что Елице вовсе не было ничего слышно. Она сполоснула в нагретой воде свою миску, оставила сушиться на колышке – и зашла в шатёр. Расстарался Брашко, навёл уют даже на одну стоянку. Огонь в неглубоком, обложенном камнями очаге горел ровно, разливая в стороны тепло. Дым выходил в

отверстие крыши, а стены из плотной ткани, которой не страшен даже дождь, не пускали наружу нагретый воздух. На землю отрок бросил два слегка потёртых ковра. Расставил столик, застелил лежанки. Елица посмотрела на него благодарно, когда он вошёл следом, неся латунный кувшин с водой – умываться, если нужно.

– Я тут тебе, княжна, занавесил – переодеться, – отчаянно краснея и даже слегка заикаясь, проговорил парень и кивнул на дальний угол шатра рядом с её, видно, лежанкой. – Ну, мало ли...

Там и правда было развешено на растянутой между опор верёвке большое полотнище. И где только сыскалось? Надо же, какой Брашко предусмотрительный. Вряд ли княжич выбегать наружу станет, коли чего. А тут и верно ведь – укрыться можно. Елица приняла его помощь – умылась, после чего отрок без лишних приказов вышел. Она скрылась за занавеской и скинула свиту, а за ней – понёву. После сдёрнула рубаху, чтобы переменить её на более тёплую – из тонкой паты – ночью не замёрзнешь, и удобнее, чем в куче одежек. Да так и замерла, схватив сорочку, когда услышала, что в шатёр кто-то вошёл. Едва отыскав ворот и натянув рубаху, она осторожно выглянула из укрытия. Леден сидел спиной к ней у очага, протянув к нему руки. Она быстро проскочила к своей лежанке и юркнула под шкуры. Княжич только коротко обернулся.

– Говорю же, не бойся, – буркнул и встал.

Елица зажмурилась, слыша, как шуршит его одежда. Но не удержалась, открыла глаза на миг, когда заплескалась вода в ведре. Увидела лишь обнажённую спину княжича, что плавными изгибами сходилась от широченных плеч к узким бёдрам – и быстро отвернулась к стене. Скоро и Леден лёг, а Елица ещё долго прислушивалась к гулким ударам собственного сердца, вздрагивая от каждого его движения. Тихо продолжился разговор кметей у костра. Несколько раз, показалось, прозвучало её имя. Но скоро и они устроились в своих палатках, оставив одного дозорного.

Так и Елицу постепенно сморило: несмотря на страшное волнение и ломоту во всём теле от долгой езды верхом – отвыкла.

Да только ночью, совсем под утро, когда трудно было бороться со сном даже стойким дозорным, разнёсся по лагерю неразборчивый шум. Топот копыт, хруст ледка под ногами. Тихие голоса – и приглушённый вскрик. Но его хватило, чтобы проснулись в своих

палатках кмети. И вскочил Леден. Елица только глаза разлепила, а он уже схватил лежащий рядом в ножнах меч.

– Не выходи, – бросил.

Он сунул ноги в сапоги и быстро покинул шатёр. Столкнулся с кем-то в тот миг, когда закрылся за ним полог. Лязгнула сталь, и как будто чьё-то тяжёлое тело упало в схваченную изморозью грязь. Кмети уже тоже вступили в схватку. Мужики бранились и тяжело пыхтели, схлёстываясь друг с другом. Елица, кутаясь в волчью шкуру, встала и отыскала свой кинжал. Сжала до боли в пальцах неровную от узоров рукоять, и замерла сбоку от входа, не зная, кто ввалится сюда в следующий миг.

Прошила плотную ткань шатра шальная стрела – и упала рядом с потухшим почти огнём. Елица рухнула плашмя на землю, пачкая белую сорочку. И тут же стрелой пробило стену там, где она только что стояла. Едва приподнявшись, она отползла вглубь шатра – а то так и застрелят случайно – и скрылась за ненадёжным укрытием развешенного полотнища. Но за ним как будто было чуть спокойнее.

Дыхание грозило разорвать лёгкие, ладонь с зажатым в ней кинжалом потела – и Елица то и дело вытирала её о подол. А схватка всё продолжалась, и от звуков её в голове что-то звенело.

Но скоро всё начало стихать.

– Оставьте его! – грянул приказ Ледена.

Кто-то ворвался в шатёр. Приглушённые ковром шаги – и занавесь взметнулась, сорвалась с верёвки и плавно опустилась наземь. Елица выбросила вперёд руку с оружием. Княжич поймал запястье, заломил за спину и обхватил её поперёк талии, прижимая к себе. Его гневное дыхание коснулось шеи, потревожило мелкие завитки волос.

– За тобой твои друзья примчались. Думали, большой ватагой нас возьмут... Ты их надоумила? – прошипел прямо в ухо.

– Никого я не звала!

Елица попыталась вывернуться, как брат учил. И ей удалось. Даже кинжал не выронила. Взмахнула им, когда княжич приблизился вновь. Увернулась, едва он хотел поймать её. Леден усмехнулся криво. Топнул, обманчиво нападая и заставив отпрянуть. Он выждал немного, оглядывая её с интересом, и в пару прыжков настиг. Смял грубой силой, вырвал оружие из руки. Очередная попытка освободиться только привела к тому, что оба они рухнули кубарем на ковёр. Елица и

сама не знала, зачем вырывается. Зачем угрожать ему стала. Но внутри сейчас бушевала такая неумная буря, словно перевертень она, а не человек. И того и гляди, как вырвется наружу какой страшный зверь. Аж в глазах темнело – до того яростно она отбивалась от Ледена, который, кажется, ничего плохого ей не желал. Но он всё же усмирил её, почти распяв под собой и придавив своим телом.

– Угомонись, княжна! – выдохнул. – Ты меня больше них уже измотала.

На удивление его голос оказался совсем не злым. Скорее озадаченным. Елица замерла, перестав выкручивать прижатые к земле запястья. Леден навис над ней: ворот рубахи его оказался разорван, на шее красовалось три царапины: и когда только успела его достать? Но на губах княжича почему-то играла едва заметная улыбка. А глаза, обычно холодные, как будто потеплели, превратились из просто льдисто-серых в голубые. И тогда только, чуть охолонув, Елица почувствовала, как прижимаются его бёдра к ней через рубаху, как тяжело вздымается грудь почти перед его лицом – и тонкая цатра не скрывает даже самых мелких изгибов её тела. Жар страшного стыда бросился к щекам. А в завершение всего Леден ещё и скользнул взглядом по её губам, шее и остановился ниже.

– Пусти, – Елица слабо дёрнулась. – Я напугалась просто.

– Точно звяничан не звала? – недоверчиво прищурился княжич, не торопясь выполнять просьбу.

– Не звала.

Леден встал, одёргивая испорченную рубаху: в такой теперь, как ни штопай, на люди не покажешься. Он тихо буркнул что-то и протянул Елице руку – помочь подняться. Она на себя и вовсе смотреть не хотела: и так можно представить, что выглядит похлеще кикиморы. Вся измазанная в земле, встрёпанная и потная, словно камни таскала. И что нашло на неё, в самом-то деле? И потом только поняла. Взыграла, видно, обида за всё: за убитых родичей, за неизвестность, что ждала в Велеборске. И за страх, что расправятся с ней всё ж, как только встретится она со старшим Светоярычем.

Леден кое-как оправившись, зашагал прочь из шатра. Поднял по дороге стрелу, что так и валялась у очага – головой покачал.

– Как оденешься – выходи, – приказал и скрылся за пологом.

Тихо загомонили парни, как будто слегка насмешливо встречая княжича. Но пара его резких слов – и они замолчали. Елица растерянно огляделась, не зная, за что и схватиться теперь, но всё же нашла силы успокоиться и переодеться в дорожное. На ходу запахивая свиту, она вышла к костру. Там, связанные по рукам, сидели прямо на сырой земле с десятков звяничанских парней, с кем не раз приходилось в беседе вечера проводить. Был даже один кметь из людей Осмыля. Неужто и воевода к тому руку приложил? Да быть того не может! Скорее, кто-то надоумил своих товарищей напасть на спящий лагерь и отбить княжну, пока воины спросонья не очухались. Но не были бы они в ближней дружине княжича, коли позволяли бы себе неосторожность и невнимание.

Елица окинула взглядом всё вокруг – лежали в стороне и тела убитых. И тут же к горлу горечь подкатила. Не убереглись, по глупости своей и горячке в бой кинулись с теми, кто их гораздо сильнее. Разве матери одобрили бы такое? Разве отцы допустили бы, чтобы их сыновья, опора их в старости, кинулись защищать княженку от ими же придуманной беды? Как она сможет им теперь в глаза смотреть, коли доведётся ещё встретиться? Хоть и помощи не просила, а всё равно будто по её вине это случилось.

Кмети Ледена, утирая с лиц брызги крови и озадаченно трогая ссадины, расступились. Княжич вышел вперёд и швырнул под ноги Елице кого-то настолько измазанного в грязи, что невозможно было узнать сразу.

– Вот, заступничек твой главный, – процедил он. – Что прикажешь мне с ним делать? Он на мою жизнь покушался. И моих воинов сна лишил. Я могу его прирезать, как свинью. И никто мне за это ничего не скажет. Я прав буду. По совести.

Парень поднял голову – и хоть Елица уже догадалась, о ком было сказано, а всё равно не удержала вздоха, когда увидела Денко. Сын старейшины, кажется, ничуть не боялся опасности, что нависла над ним тяжким молотом. Он неподвижно смотрел, хмурясь и слизывая с губы то и дело выступающую кровь.

– Что ж ты, Денко... – она покачала головой. – Зачем?

– За тем, что не мог тебя зверю этому отдать. Сколько они людей в княжестве положили, отца твоего убили. И брата. Не так, скажешь?

– Всё так, – ответил за неё княжич. – Да только здесь чистеньких никого нет. Ни с той, ни с другой стороны. И думается мне, что не из одной справедливости ты ватагу собрал и нас ночью порешить всех хотел.

– Да, смотрю, зря я это задумал, – будто и не слушая его, добавил вдруг Денко. – Ты, княжна, уж и в шатре одном с ним ночуешь. Что, меня четыре зимы гнала, а на участь подстилки остёрской быстро согласилась?

Леден шагнул к нему было, да Елица руку подняла, останавливая. Чего сердчать сейчас и яриться на неосторожные слова: обида в нём говорит и гордость, поруганная поражением.

– Что ты теперь с ними делать будешь, княжич? – она отвела от Денко взгляд.

– Да вот руки чешутся голову ему отсечь, – Леден безразлично пожал плечами. – Она ему всё равно без надобности: такой лоб вырос, а думать не научился.

– Отпусти их, прошу! – в груди аж дыхание от ужаса спёрло. – Прости им. Они поймут, они получили своё.

– Ты шутишь, верно, – хмыкнул княжич. – Одного отпущу, а там каждый думать начнёт, что руку на меня поднимать может. И тебя с грязью смешивать.

Елица подошла к нему и за плечи схватила. Да тут же отпрянула, одумавшись.

– Что хочешь сделаю, только отпусти.

Кмети Ледена скабрёзно зафыркали, переглядываясь. А он сжал пальцами черен меча, словно выхватить собрался. В горле что-то застыло камнем – и на глаза навернулись слёзы. Насмешка воинов понятна: что она предложить ему может? Хоть и княжна, а богатств особых не держит, как и власти что-то решать. Да и что нужно тому, кто уж и Велеборск захватил? Как тронуть глухое к чужим страданиям сердце, если оно застыло давно?

– Ты и так сделаешь всё, что я захочу, – глухо проговорил Леден, схватил Денко за грудки и приблизил его лицо к своему. – Радуйся, дурачина. Поживёшь сколько-то ещё, коли бестолковая башка тебя снова на какое лихо не толкнёт. Отпустите их. Пусть тела забирают и катятся отсюда.

Он отшвырнул парня от себя и пошёл к шатру. Кмети поворчали, конечно. Но руки пленникам развязали и, едва не пнув под зады, отправили прочь – безоружных. Елица не стала ничего говорить Денко. Даже благодарить за непрошеную заботу не хотелось: он только всё осложнил своими самоуверенностью и злостью. Она лишь взглядом коротким проводила сына старейшины, когда тот в седло взгромоздился, а после вернулась в укрытие, слыша, как удаляется топот копыт.

Леден уже ополоснулся, смыл кровь и пот да переоделся в целую рубаху. На Елицу только мельком глянул, как вошла и отвернулся.

– Все жрицы Макоши такие жалостливые?

– А зачем тебе лишняя кровь на руках? – она села на свою лежанку. – Думаешь, убил бы его, и тебя сильнее в Звянице и Лосиче полюбили бы?

Княжич повернулся к ней и голову чуть набок склонил насмешливо.

– Той крови на моих руках столько, что щелоком не отмоешь. А вот любви не достаёт, это верно. И отца твоего с братом я убил – тоже врать не стану. Не своими руками, правда.

Елица губы сжала плотнее, чтобы не пустить резкие слова, что так и норовили вырваться наружу. Он так спокойно говорил о том, кого жизни лишил, ничуть не жалел и не пытался даже притвориться. Жаль всё-таки, что не хватило сил и умений его убить подаренным отцом кинжалом. Думается, Макошь простила бы ей этот шаг. Как ни хотела она обойтись без смертей, а всё равно не вышло. И сколько ещё будет таких случайностей?

Пока сражались да решали, кому жить, а кому умирать, посветлело небо, залилось бледной синевой. Поплыли золотые кудлатые облака над тихим лесом, что взирал на всё, что творилось под его ногами, с равнодушием векового старца. Кмети тоже успели на дорожку ополоснуться в холодной речке. Видно, застудиться не боялись. После поутренничали плотно: беспокойное утро отняло много сил. Становище свернули быстро, погрузили скarb на телегу да двинулись дальше.

Быстрее резвых коней бежала недобрая слава впереди отряда Ледена. На каждом погосте их встречали хоть и вежливо, но с опаской. Ходили разные толки: и что в лесу воины княжича положили едва не

полсотни селян, а он сам – больше всех. И что везут княженку силой в Велеборск, чтобы отдать на откуп проклятию, что довлеет над старшим Светоярычем. На неё смотрели сочувственно, но помочь, благо, ничем больше не пытались. Попросту боялись, что их тоже постигнет не самая лучшая участь.

Леден был молчалив, да и Елица не особо старалась с ним разговаривать. Разве судьба его и мысли должны тревожить ту, кого он лишил многого? А между тем – она часто слышала, как обсуждали кмети – княжич порой просыпался ночами в кошмарах. Только отрок Брашко умел помочь ему и успокоить: потому как долго ещё после этого не сходило с него шалое буйство. А потому Елица только радовалась, что не приходится больше ночевать с ним в одном шатре.

Не прошло и седмицы, как проступили среди поредевшего в преддверии широкой равнины леса далёкие, точно горы, стены Велеборска. Окружали его, словно болотные кочки, палатки и шатры остёрского становища. Все тропы были истоптаны ногами неприятельских воинов, взрыты копытами чужих лошадей. Елица так отчётливо чувствовала, как вгрызаются они, словно зубьями, в здешнюю землю. От злости и обиды желая причинить боль тем, кто жил лучше них. И оттого душа наполнялась ещё большим негодованием.

Они проехали через лагерь, почти не задерживаясь. Только проведал княжич воеводу своего – Буяра, мужа хоть и молодого, но солидного во всем и серьёзного. Он глянул на Елицу хоть и без особой приветливости, но с интересом и – странное дело – надеждой. Отчитался Ледену, что всё у них как обычно. Что пополнение давно уж прибыло, и Велеборск они теперь точно из рук не выпустят – так Чаян сказал.

Оставив в становище несколько своих кметей, княжич двинулся дальше – и скоро они вошли в Велеборск. И показалось даже, что жизнь течёт здесь совсем как всегда. Словно никто не заметил, что правит ими теперь совсем другой человек. Не Борила Молчанович, что занимал княжеский стол много лет, а вовсе неприятель, с которым то и дело вспыхивала вражда. И оттого тоскливо стало. Люди готовы мириться со многими переменами, если жизнь их при этом не становится хуже. Елица ехала среди высоких изб, слушая, как трещат под копытами лошади осколки ореховой шелухи, ловила взгляды

посадских и не понимала, узнаёт ли её здесь хоть кто-нибудь. Но горожане смотрели всё больше мимо: дела у них, а в Велеборск постоянно кто-то приезжает.

Показались впереди стены детинца, стражники на ней ещё издалека увидели отряд Ледена и открыли ворота. Елица въехала на знакомый двор, что отличался от того, который она когда-то покинула, всего несколькими новыми постройками. Кажется, больше стало дружинных изб, и поставили в стороне ещё одну житницу. Княжич остановился у крыльца терема, и тут же стайкой воробьёв вылетели из-за угла конюшата – засуетились, принимая поводья, начали зыркать с интересом: многие из них Елицу и не видели ни разу. Леден подошёл даже – помочь спешиться, но она будто и не заметила его – спрыгнула наземь сама. Открылась дверь, и на крыльцо вышел незнакомый муж, такой же молодой, как и княжич, и похожий на него, конечно, да так, как похож летний, кудрявый от буйной листвы дуб на самого себя – только зимой. Он поправил наспех накинутае на плечи корзно и спустился. Окинул Елицу живым любопытным взглядом искоса и улыбнулся, то ли Ледену, то ли ей.

– Здрав будь, братец!

Они обнялись, могуче похлопав друг друга по спинам.

– Вот, привёз, как и обещался, – Леден качнул головой в её сторону.

– Вижу, – старший Светоярыч шагнул ближе. – И ты здрава будь, княжна. Меня Чаяном зовут, но ты уж, верно, сама догадалась.

Елица только кивнула в ответ, ничего не отвечая. Не хотелось ей любезностями сыпать перед теми, кто город, её отцу принадлежащий, захватил, и кто с ней неведомо что хочет сделать. Чаян неспешно оглядывал её – и не было в его взоре ни единой искры угрозы. Пока длилось неловкое молчание, вышли со стороны сада две женщины: одна наставница, прислуживавшая Елице ещё тогда, как она невестой зваться начала, а раньше ещё и одной из нянек ей приходившаяся – Вея. А вторая молодая совсем, миловидная челядинка, с большими зелёными глазищами и перекинутой через плечо рыжеватой-русой косой. Женщины встали слегка поодаль, ожидая приказов. Леден, явно скучая, встретился с юной служанкой взглядом, а та и взгляд опустила, отчего-то зардевшись.

Чаян ещё раз улыбнулся приветливо.

– Ты отдыхай иди, княжна, а после мы уж встретимся и поговорим обо всём, что на душе скопилось, – ласково сказал он, словно родной.

А она всё хотела разгадать печать мыслей, что лежала сейчас на его лице. Княжич в ожидании приподнял тёмные брови. Метнувшийся по двору ветер бросил ему на лоб волнистые русые пряди.

– Благодарю, Чаян, – наконец разлепила губы Елица. – Хоть в своём доме я и могу решать сама, что мне делать.

Совсем уж невежливой оставаться нехорошо: встретили её не угрозами и требованиями, а как гостью долгожданную. Но и повелительный тон княжичу лучше было бы оставить. Чаян после её слов только с братом переглянулся многозначительно: видно, всерьёз не принял.

Не слушая разговоров, что им вовсе не предназначались, кмети уже потихоньку разошлись. Женщины осторожно приблизились, приглашая идти за ними. Елица и пошла к женскому терему, глядя себе под ноги: от внимательного взгляда Чаяна не по себе становилось.

– И я отдохну с дороги, коли ты с разговорами не торопишься, – Леден вздохнул и направился к крыльцу.

Брат – вслед за ним, всё глядя в спину Елице – она так и ощущала всем нутром его особое внимание. И показалось, услышала тихие его слова самым краем уха:

– Это ж она...

Леден проворчал что-то ему в ответ. Что крылось за этим, понять было совсем нельзя, но в душе только лишнее беспокойство разрослось.

Сад, скрывающий дорожку к женскому терему, встретил трепетной тишиной. Такой, какая бывает перед самым рассветом. Ещё миг – и проснутся птицы, засвистят-зачирикают, приветствуя новую зарю. Пока ещё живительный сок не тронулся по стволам и ветвям старых яблонь и груш, но они уже сбрасывали оковы зимнего сна. Тропинка совсем протаяла, хоть и оставалась ещё на сапожках грязь. Внутри высокого, щедро украшенного резными наличниками и подзорами женского терема было дурманно тепло. Елица тут же распахнула свиту и отдала её Вее. Словно самой близкой подруге она обрадовалась собственной горнице, оставленной после замужества. Здесь всё было как прежде: всё та же лавка, стол и только слегка

обновлённые скамьи подле него. Даже светец на нём стоял тот же: выкованный княжеским кузнецом Тихомиром.

Она села у окна и, отодвинув волок, посмотрела во двор. Отсюда было видно только краешек дружинного поля с ристалищами и стоящими в ряд длинными избами. С другой стороны – кусочек главных ворот и башни.

И до того в груди защемило от чувства, будто в прошлое она вернулась. Но не в то, счастливое, когда ещё были живы и матушка, и отец. Когда Отрад только-только сходил в свой первый поход. А в какое-то другое. Искажённое водами колодца Макоши. Перепутались нити, свились пока в непонятный серый клубок, а как распутается – может, ещё и хуже станет.

Позади хлопотали женщины, разбирая вещи из сундука. Тихо охала Вея над испорченной той злосчастной ночью сорочкой из дивной цатры. А молодая челядинка, которая назвалась Мирой, молчала всё. Вдруг открылась дверь, пустив по горнице вихрь сквозняка. Елица обернулась, задвигая волок. Зимава оставила у входа свою ближнюю подругу Оляну, чей муж, кажется, служил в детинце старшим среди гридней, прошла дальше и лишь по одному её взмаху руки женщины выскочили прочь, едва поклонившись. Вот уж странно, что княгиня, всего лишившись с приходом Светоярычей, ещё сохранила здесь какую-то власть. И держала себя так, словно ничего для неё не поменялось.

– Здравствуй, Елица, – она неспешно подошла, окидывая взглядом хоромину, будто и не бывала здесь никогда. Хоть по-правде сказать, нечасто заходила даже в то время, как Елица всегда жила в детинце.

Княгиня снова вперила в неё безразличным своим взглядом: порой на Оляну она смотрела теплее. Елица встала и принялась развязывать обёрнутый вокруг лица убрus.

– Здрава будь, Зимава, – встряхнула косами.

Не от кого ей в своей горнице прятаться. Но княгиня, судя по тому, как искривилась мягкая линия её губ, этого не одобрила, словно та на людях с непокрытой головой показалась.

– Я рада, что ты вернулась, – она опустила на скамью у стола. – Одной мне здесь совсем тяжело стало. От мысли, что Борилы нет. Что он не вернётся больше. Справили мы по ним с Отрадом тризну и страву, как полагается. Княжичи тела их привезли.

Ну хоть одна благая весть за все последние седмицы. Не такими уж жестокими оказались Светоярычи: оказали последнее уважение князю и его наследнику.

– На курган к ним схожу, – она кивнула, да задумалась. – Если Чаян меня здесь теперь не запрёт.

Княгиня только бровью дёрнула – и зародился в её глазах загадочный блеск. Неужто что-то уже задумала? Она всегда была женщиной острого ума, хитрой, что лиса рыжая. И мужчинами, говорят, вертела по юности так, что Бориле едва не пробиваться пришлось к ней через толпу женихов – и не гляди, что князь.

– Не запрёт, думаю. Он тебя вовсе не страшать сюда привёл. Хоть и не жди, что жить теперь ты будешь по-старому.

– Ничто уже не будет по-старому, – Елица пожала плечами. – Чего они хотят от меня, не знаешь?

Зимава улыбнулась невесело, неспешно проводя ладонью по гладко оструганному столу.

– Знаю. Ведь с той же просьбой они сначала ко мне пришли. Да я им помочь не смогла. Да и не уверена, что ты сможешь. Но тогда, боюсь, нам худо может стать. Они уже и так у меня Радана забрали. Увезли неведомо куда, чтобы я покладистой была.

Княгиня губы вдруг сжала и опустила взгляд. Елица подсела к ней, погладила по спине, не зная ещё, как утешить её может. Оставалось только надеяться, что у братьев на маленького княжича рука всё ж не поднимется. Хотя, когда дело до вражды доходит, порой ни старого, ни малого не жалеют.

– Что они просили у тебя? – Елица заглянула в лицо княгини.

– Сама с ними говорить будешь, – она встала вдруг резко. – И надеюсь, что не станешь упрячиться, как отец твой. Он нас до такого довёл тем, что никому уступать не хотел. Хоть и неправ был когда-то. Обидел остёрского князя. А нам теперь расплачиваться.

Больше ничего у неё спросить не удалось. Внезапно взъярившаяся Зимава ушла, едва не хлопнув дверью. А Елица так и осталась сидеть на лавке, не понимая, чем её разозлила. Вот так всегда бывало, как появилась в Велеборске дочка северной женщины, а после и женой князю стала. Прельстился он её молодостью и красотой, да не учёл скверный нрав, который за пленительной наружностью казался ему мелочью незначительной. Сильно она на Елицу не нападала, но

стычки у них порой случались. Всё казалось Зимаве, что князь дочери своей больше внимания уделяет, сильнее жизнью её тревожится. Но как-то жили. Хоть порой и не удавалось угадать, как теперь, что из сказанного вызвало гнев княгини.

Вернулась челядинка Мира вместе с наставницей, которая, кажется, не хотела пока и взгляда с неё спускать – чтобы не оплошала где – и принесла поест из поварни, с пылу, с жару.

– Как же я рада, что ты вернулась, – заговорила наконец Вея, когда младшая её товарка вышла ненадолго. – Да только жаль, что в недобрый час это случилось. Но будем надеяться, что Макошь не оставит тебя и всё будет хорошо.

Елица пригубила немного разбавленного мёда и съела наваристых щей из последней уже капусты, наблюдая за тем, как вещи её находят каждая своё место.

– Ты мне баньку справь, Вея, – попросила она, едва притупив голод с дороги. – Смыть всё это хочется.

Жаль только банька, даже с самым добрым жаром, не поможет избавиться от воспоминаний и тупой боли, что засела внутри.

– Справлю, а как же, – улыбнулась наперсница. – Сразу легче станет.

Лучше той бани, что была построена в Велеборском детинце для князя и его семьи, Елица никогда и нигде не встречала. Может, банник жил в ней особенно добрый: никогда не шалил, не норовил ошпарить или напугать – то ли сложена она была так хорошо и правильно, что пар в ней рождался поистине целебный.

Вечером, когда уж разлился по небу сулящий тепло закат, как стихли последние ристанья дружинников перед вечерей, Елица вышла из бани во двор и правда обновлённой. Едва накрыв голову платком и даже не запахивая свиту, она пошла до терема, не дожидаясь наставницу и челядинку, что, напарившись до одури, еле волокли ноги где-то позади. Она уж почти вывернула на нужную дорожку, как едва не столкнулась с кем-то кто вышел ей наперерез со стороны дружинных изб. Подхватило налетевшим ветром платок с головы – но его поймали.

– Осторожнее надо быть, княжна, – первым она узнала так и засевший в памяти мягкий голос Чаяна, а уж после разглядела в сумерках и его самого. – Застудишься. Погода ещё коварная.

Елица подняла на него взгляд, спешно прибирая за спину разметавшиеся по плечам волосы. Княжич, внимательно оглядывая её лицо, накинул ей на голову платок. Она сквозь землю тут же захотела провалиться – столько в его жесте оказалось странной заботы. Кажется, и понимала она умом, что муж этот много бед натворил, пока до Велеборска вёл своих ратников. И сколько ещё натворит, если наперекор ему пойти. А всё равно злиться на него не получалось. Что за напасть? Бывают же такие люди. И самые они опасные, потому как знают о своей силе.

– Если быстро до терема добегу, так и не застужусь.

Елица обернулась, с облегчением заслышав голоса женщин.

– Тогда беги. После приходи в общину, – голос княжича стал серьёзным. – Пора бы нам уже и обсудить дело важное.

Он ещё немного подержал концы платка – даже сердце на миг замерло – и отпустил. Быстро скрылся вдалеке, а после уж и Вея с Мирой нагнали.

Пока собиралась Елица, чтобы хоть на княжну, а не холопку стать похужей, уже и стемнело почти, как она ни торопилась. В общине её ждали все: и братья Светоярычи, и Зимава со своим верным Эрваром, как будто она что-то решить могла. Был тут и воевода Доброга, который появлению Елицы будто и не обрадовался вовсе. Верно, его уж больше беспокоили становища остёрских воинов под боком, чем то, зачем княжичи вообще сюда прибыли. И лишь взглянув на верного соратника отца, она поняла, что у него-то и можно найти подмогу, спросить совета.

– Ты садись, княжна, не стой у двери, – подозвал её Чайн, и тогда только она заметила, что и правда застыла на месте, как вошла.

Елица села рядом с Зимавой как раз напротив Ледена: едва о взгляд его, точно о самый лютый лёд, не обожглась. Но он быстро отвернулся, ожидая, что брат его говорить станет – и странное чувство прошло.

– Ты, верно, знаешь, княжна, – снова заговорил старший. – Твой отец давно уж забрал с наших земель оберег, что князю Светояру принадлежал. Сердце Лады он называется.

– Знаю, и потому они так долго воевали и мира найти не могли, – Елица кивнула, уже догадываясь, о чём пойдёт разговор дальше. – Да только отец мой на то право имел. Богами одобренное.

– Не знаю, какие-такие Боги ему добро на кражу дали. Наш отец – потомок самого Милогнева, – оборвал её уверенную речь Леден. – А Борила служить ему клялся. Побратимом назвал – кровью единой. А после предал!

Слышала Елица о Милогневе – первом князе-волхве по прозвищу Вепрь, что поселился на этих землях несчётные зимы назад. Выбрал он для этого озёрный край, богатый лесами, среди рек, что текли во все стороны. И благоволили ему всегда Рожаницы. А после потомок его милость эту потерял, сиречь забрал её Борила. А уж почему то случилось – о том он дочери никогда не сказывал. Говорил только, что никого тем обидеть не хотел и против воли Богов ни шагу не сделал.

– За давностью лет уж не поймёшь, кто кому предком приходится, – возразила она. – Все мы правнуки Богов. Разве не так?

Младший княжич сощурился недобро, а Чаян лишь удивлённо усмехнулся. На лицо его вернулась уже знакомая улыбка, от которой, верно, растаяло не одно женское сердце. Вон и Зимава глядела на него совсем благосклонно и всё будто размышляла о своём.

– Ты, княжна, не спорь, – он примирительно поднял ладонь. – Наш род владел Сердцем во все времена. Тут уж тебе кто угодно это подтвердит. А ссора с другом не давала права твоему отцу обкрадывать его. Да не только его, а всех людей, что живут в Остёрском княжестве. Но нам нужно вернуть Сердце на ту землю, где ему быть положено. И кому как не тебе знать, куда Борила его запрятал.

Елица сжала крепче сомкнутые в замок пальцы. И страшно стало в душе, гулко – пронеслись слова княжича в ней раскатистым эхом и не нашли отклика.

– А если я не скажу, что будет?

– Будет плохо всем, – пожал плечами Леден. – Нам терять нечего. Сама понимаешь. Займём эти земли, каждую избу перевернём, но отыщем, что нам нужно.

И правда ведь: терять им нечего. Многие из Остёрского княжества пытались счастья в других краях снискать, но нигде, говорят, его не находилось. А там, где прознавали про странную недолю, что преследовала их, и вовсе с опаской глядели на “проклятых”. Боялись, что всем от их соседства худо сделается. Может, и помочь хотели бы, да не знали, как.

– Может, не так тебя тревожит судьба людей тебе незнакомых, княжна. Но уж судьба твоего брата меньшего уж должна беспокоить, – вот при этих словах и стало яснее белого дня, что за наружной добротой Чаяна скрывается большая жестокость нрава.

Зимава губу прикусила и упёрла взгляд в стол. Эрвар коснулся коротко её плеча, бросая на княжичей, словно камни, тяжёлые взгляды. А у Елицы аж в груди похолодело. Нешто можно жизнью дитя несмышлёного помыкать? Да, верно, как судьба за горло схватит, и не то себе спустишь.

– Я не знаю, где Сердце искать, – мысли забились в голове, словно попавшие в силки птицы. – Я не знаю...

Отчаяние напополам с паникой заполнило всё нутро. Елица шарила взглядом по лицам княжичей: бесстрастному – Ледена и как будто сочувственному – Чаяна.

– А если подумать хорошенько? – пронизанный разочарованием голос младшего Светоярыча пробил по спине ознобом.

И Елица думала. Она перебирала в голове всё, что могло быть связано с Сердцем, всё, что когда-то говорил о нём отец. И не находила нужных нитей. Как бы он ей ни доверял, а самое главное утаил. Может, считал, что так надёжней. А может, просто хотел уберечь.

– Этого просто не может быть, – вдруг хрипло проговорила Зимава. – Не может быть! Ты врёшь. Он должен был тебе сказать! Смерти Радана хочешь? Чтобы стол княжеский тебе одной достался?

И не успел Эрвар остановить взбеленившуюся княгиню, как та вскочила и, ухватив Елицу за волосы прямо через убрус, дернула её со всей силы вверх. Та едва через скамью не кувыркнулась. Вышибло от боли и неожиданности слёзы из глаз. Короткий взмах руки Ледена – и блестящий, словно рябью покрытый прихотливым узором истинной булатной стали меч упёрся Зимаве прямо в грудь. Взрезалась висящая на ней нитка ожерелья, и крупные стеклянные бусины посыпались на пол с тихим звоном.

– Ты что, княжич? – гаркнул, вставая, Эрвар. – Бабе угрожать?

И тут же клинок плашмя прижался к его подбородку снизу, срезав несколько волосков с бороды варяга. Леден окинул всех взглядом, в котором не билось ни единой искры хоть каких-то страстей.

– Зато смотри, как быстро охолонула, – он кивнул на тут же опустившую руки княгиню. – А то устроили бы тут курятник.

Растаскивай их. Сядь, варяг. А то морду тебе и с другой стороны располосую.

Эрвар опустил взгляд на меч и медленно сел рядом с мгновенно помертвевшей княгиней. Чаян, единственный кто со своего места и не двинулся, только усмехнулся довольно. Но не преминул отчитать брата:

– Ты всё ж с женщинами полегче. А то так и не женишься никогда.

– Можно подумать, мне это надобно, – хмыкнул тот, убирая меч в ножны.

Елица ничуть не удивилась тому, как Леден решил успокоить Зимава. Скорее теперь её удивляло, как он оставил в живых Денко и его уцелевших товарищей. И в этот миг он чем-то неуловимо напомнил ей Отрада. Хоть и были они настолько разными, как живая, согретая Дажьбожьим оком земля отличается от холодного гранита скалы.

И вдруг эта мысль прояснила что-то в голове. Словно вспышкой пронеслось воспоминание о том, что было ещё до замужества Елицы. И о странных отлучках отца в те края, где он и нашёл для дочери супруга. О том, как он настаивал на свадьбе с парнем кровей простых, даже не боярских. Всего-то за сына старосты дочь отдать решил. И отбыла она после обряда рука об руку с мужем в те края, где старые, укутанные в леса горы окружали россыпь больших и малых весей. И так Борила наказал давнему другу своему Остромиру, отцу Радима, беречь самое ценное, что есть у него. Может, и не дочь он вовсе имел в виду? Одно сложилось с другим так ладно, что можно было лишь поблагодарить Зимава и Ледена за эту короткую встряску.

– Кажется, я всё же знаю, где искать Сердце, – негромко пробормотала она, но все вдруг смолкли и вперились в неё с ожиданием. – Только ехать далёко.

– Поедем, куда надобно, – тут же оживившись, Чаян едва не привстал.

Елица покусала губу, ещё сомневаясь, не ошиблась ли. Она посмотрела на каждого, кто сидел здесь, встречая во взглядах нетерпение.

– С тобой одним буду о том говорить, Чаян, – проговорила она, едва не ёжась от того, как близко к ней сидит Зимава, окутывая своей

злостью, словно задушить пытаюсь.

Княжич кивнул и склонился к плечу брата, что-то тихо ему сказав. Леден, не сводя напряжённого взгляда с Елицы, встал первым и пошёл прочь. Ему-то, конечно, Чаян обо всём потом расскажет. А вот другим лучше бы пока ничего не слышать. Княгиня фыркнула тихо и презрительно, но возражать не стала – ушла тоже вместе с варягом и воеводой. Осталась Елица одна в общине со старшим Светоярычем, который так и сидел, разглядывая её внимательно и открыто. И от этого почему-то жарко становилось. Что за невыносимый человек?

– Для начала я хочу уговориться о том, что вы сделаете, если Сердце я отыщу и вам верну, – справившись с лёгким дрожанием голоса, вновь заговорила Елица.

Чаян вдруг встал и вышла из-за стола, словно ноги размять решил. Он неспешно двинулся по общине, ничего пока не отвечая. Вернувшись от дальней стены, остановился рядом и опустил на неё спокойный взгляд.

– Я мог бы сказать, что ты сейчас не в том положении, чтобы торговаться со мной, – в его тоне неожиданно послышалась улыбка. – Но, знаешь, и мы с Леденом тоже в полоне того, что натворили наши отцы. Потому я тебя слушаю.

Елица тихонько, чтобы было незаметно, повела плечами, едва не кожей ощущая, как княжич её рассматривает. Захотелось поправить убрис и ворот. Пригладить выбившиеся из-под платка пряди. Она уже вскинула руку, но только коснулась прохладных колтов у виска.

– Вы уйдёте из Велеборска. Заберёте своё войско. И никогда больше не появитесь на этих землях, если только вас не позовут. И вернёте Зимаве Радана, конечно.

Она выдохнула, едва не лишившись всего воздуха, что был в груди, пока говорила это. Чаян тихо усмехнулся и сел рядом с ней. Его широкая, с красивыми длинными пальцами кисть легла на стол, почти касаясь руки Елицы.

– Сама княжить тут будешь? – показалось, просто любопытствовал он. – Смотри, безмужних женщин на столе княжеском не очень-то привечают.

– Как и бездетных мужчин, – она взглянула на него искоса. – Велеборск – моё наследство. Как Сердце – ваше. Это равный обмен.

– А если нет? Мы за Велеборск бились и шли сюда не одну луну, – начал упрямиться княжич, но, кажется, лишь для вида.

– Тогда можете сидеть тут или искать Сердце сами. Может, состариться не успеете, прежде чем отыщете.

Она улыбнулась сдержанно, чувствуя, как за один только твёрдый свой голос цепляется, чтобы не потонуть в чистых, словно водная гладь горного озера, глазах Чаяна. А отведёшь взор – считай, проиграла. Княжич поразмыслил немного, и вдруг накрыл ладонь Елицы своей, жесткой и тёплой. Она хотела стряхнуть её, но он лишь сильнее прижал к столу.

– Что ж, на том порешим. Как отыщется Сердце и в наших руках окажется, мы уйдём. Если сама захочешь.

Сердце подпрыгнуло, словно в грудь ударившись. Обдало горячей волной всё тело. Княжич сомкнул пальцы, мягко сдавливая ладонь Елицы. Она всё же вырвалась и встала тут же, глядя на него сверху вниз, надеясь, что он не видит во взоре её смятения. Наказание это страшное, верно, для тех девиц, кто неосторожно попадался на неоспоримую притягаемость Чаяна: быть с ним рядом и знать, что он, коли ответит взаимностью – погубит.

– Тогда скажи своим людям, чтобы в дорогу собирались. До Радоги поедем.

Глава 5

Нитки сегодня страшно путались, никак не желая укладываться одна с другой в ровное полотно. Зимава последний раз гневно дёрнула уток и опустила руки, опасаясь и вовсе всё испортить. Она украдкой посмотрела на челядинок, что сидели вместе с ней в светлице и, кажется, они не подняли даже взглядов от своих рукоделий. Только Оляна перестала пряхсть и обеспокоенно покосилась на неё. Служанкой её считать Зимава давно уж перестала: сроднились за годы житья в Велеборске почти как подруги. Да и по летам Оляна годилась ей скорее в наперсницы. Помогала часто, когда по неопытности своей подопечная только-только училась княгиней быть.

– Пойдём, – Зимава встала.

Если уж работа не ладится, то лучше отвлечься, а то потом только переделывать. Не давало ей покоя возвращение в Велеборск Елицы, до того, что аж из рук всё валилось который день. Хоть и сама указала Зимава на неё княжичам, а как приехала в детинец дочь Борилы, так и пожалела о том сразу.

Они с Оляной вышли во двор и прогулялись по ожившему саду. С каждым днём всё теплее становилось. Как сгорело чучело Мораны в огне вместе со старыми вещами велеборцев, пыльными тряпками и рухлядью, так весна сразу на прибыль пошла. И теперь так сладко дышалось в оттаявшем саду – аж голова хмелела.

А может, ещё от чего. Шла Зимава по сырой дорожке между теремов – а взгляд сам будто бы обращался всё к княжескому. И внутри замирало от ожидания, что в любой миг оттуда может выйти Чайн. И нельзя было сказать, что влюбилась она, словно девчонка в Купальскую ночь, а то, что сердце её старший княжич тревожит крепко – этого не отринешь.

Как вошли братья в ворота Велеборска, как встретились они во дворе – Зимава сразу поняла, что так просто она не отступится. Оба Светоярыча хороши были – глаз не отвести. Оба пышущие силой и удалью, только, верно, возросшей после долгих месяцев битв во всех краях княжества. Да лишь взглянув на Ледена, Зимава поняла, что сколько вокруг него ни вейся, сколько ни пытайся окрутить, а он не

поддастся. Правду о нём говорили – всё до единого словечка – истукан ледяной. До сердца его не достучишься: у него разум всегда впереди.

А вот приветливый и улыбчивый Чаян – совсем другое дело. Кошачий взгляд его аж до нутра самого пробирал. А как говорить начнёт, даже где-то под сердцем ёкает. И показалось в первые дни, как пришлось с ним бок о бок жить – что молодого княжича к Зимаве влечёт заметно. И часто смотрит он на неё задумчиво, а как взглянешь в ответ – так не отворачивается.

– В становище остёрское с утра с братом уехал, – словно прочитав её мысли, буркнула Оляна. – Кметей, говорят, отбирать, что с Елицей до Радоги поедут.

– Да уж уехала бы она скорей, – вздохнула Зимава.

Едва не вздрогнула, как услышала в глубине сада чьи-то шаги. Обернулась – Эрвар. Казалось бы, чего опасаться в детинце, за двумя рядами крепких стен? Но варяг, даже если его не просили, всё равно за своей княгиней присматривал.

– Да чтоб тебе провалиться, окаянному! – прикладывая руку к груди, выдохнула наставница. – Напугал аж до икоты. У-у, ходит, как навь какая.

Она притворно замахнулась на Эрвара, а тот и бровью не повёл. Прошёл по тропинке чуть в стороне – да и скрылся из вида. Зимава проводила его взглядом.

– Ворожея мне нужна, – проговорила тихо, ещё сама сомневаясь, что из того выйдет что хорошее.

Оляна покачала головой, будто знала, что до этого дойдёт.

– Грядущее знать хочешь или похуже чего?

Нет, никаких заговоров или порчи Зимава творить не собиралась. Ну его, такой груз на душу брать: такое только девицам неразумным и буйным от неумной крови в голову прийти может. Да отчаявшись. А она ещё не отчаялась, хоть порой и чувствовала себя близкой к тому. Разрывало её изнутри от того, что сына нужно спасти от незавидной участи. И себя – от неизвестности впереди. Вроде, и живёт продолжает в своём доме, и с уважением с ней все обращаются. А всё равно понимала она прекрасно, что всё поменялось. Срублена под корень старая жизнь, и повисла она будто бы в мутной пустоте – всё плывёт, плывёт куда-то, а конца этому не видать. Ещё один шаг, а там – пропасть. А теперь, с появлением Елицы, о ней скоро и вовсе все

забудут. Ведь та, получается, наследница всего, что создал князь. И потому хотелось посмотреть за грань времён хоть краешком глаза.

– Грядущее знать хочу, – согласилась Зимава.

– Так к Елице сходи, пока не уехала, – как будто совершенно серьёзно посоветовала Оляна. – Кому как не волхве Макоши уметь в колодец судьбы заглядывать.

– Ты ополоумела враз, что ли? – Зимава даже приостановилась. Но та её гнева словно и не поняла, захлопала глазами. – Тебя за такие слова языка бы лишить.

– Тогда тебе к Анисье надо, – обиженно пробурчала женщина. – Коли княжич тебя в посад отпустит.

Зимава слыхала, конечно, об Анисье, известной на весь Велеборск ворожее и ведунье. Но, признаться, её побаивалась. Зато все бабы – и в детинце тоже – говорили, что лучше неё не сыскать. Зимава вздохнула – так нехорошо внутри стало – но деваться некуда.

– С княжичем я поговорю.

Ей бы и самой положено ведать ворожбу. Самую простую могли почти все девицы творить. А уж княгине – и подавно не зазорно. Но, видно, не всем дано. Зимава в себе подобных умений никогда не находила. И поэтому она в тот же день, как появился вновь в детинце Чаян, сказала ему, что нынче в посад отлучится ненадолго. Княжича это, видно, не слишком встревожило: сейчас его мысли занимало совсем другое. И хотелось бы, чтобы это была не Елица.

– Ты только возвращался скорее назад, Зимава, – сказал он напоследок, уже возвращаясь в терем, на пути к которому она его и поймала. – Ещё не хватало за тебя беспокоиться.

И так это проникновенно прозвучало, что всё внутри сладостно замерло. Да укрепились лишь уверенность, что попытать счастья и попробовать приблизиться к нему насколько возможно, ей просто необходимо.

Как начало смеркаться, Зимава собралась в дальний конец Велеборска вместе с Оляной. Та ворчала, конечно, да указывать ей не могла. Стражники лишь для вида строго спросили, куда это женщины направились, но всё равно отпустили. Напомнили только до закрытия ворот вернуться. Хотел было пойти с Зимавой и Эрвар, да удалось его уговорить остаться. Только лишнее внимание к обычным посадским

женщинам привлекать станет – зачем? Поворчал, конечно, варяг, но послушаться не решился.

Оляна повела княгиню от детинца всё дальше. Туда, где жили уже люди, что откололись от своих племён и родов да пришли искать в городе счастливой доли. Случались, конечно, среди них лихие и не слишком-то честные, но больших бесчинств в Велеборске от них никогда не бывало.

Посадские всё шумели на улицах, никак не торопясь завершать дела. И оттого спокойно было идти, слушая поскрипывание мостовой под ногами, голоса людей и далёкий стук копыт по брёвнам. Уж показалась впереди тёмная громада стены и ближней башни, как Оляна придержала шаг, словно сама вдруг оробела. Дошла до одной из вытянутых на два яруса изб и огляделась: не перепутала ли?

– Ну, пришли? – нетерпеливо подогнала её Зимава.

– Кажется, пришли, – служанка пожала плечами. – Я и сама толком не знаю...

Но она всё же постучала в дверь, за которой явно бурлила обычная жизнь обычного дома. Створка приоткрылась немного, выглянул в широкую щель мужчина, не молодой да и не старый – таких встречается за день порой не один десяток. Увидев двух женщин, похоже, обо всём догадался, но всё же спросил:

– К Анисье?

Зимава только за спину подруги спряталась – а ну как узнают?

– К ней, родимой, – улыбнулась хозяйину Оляна. – Примет нас?

Мужик, который назвал себя Мирогой, пожал плечами и открыл дверь поболее, пропуская в дом. И до того показалось внутри тесно после княжеских-то хором, что захотелось тут же уйти. Но это было обманчивое ощущение: изба на самом деле была большой. На многочисленную семью. Детей тут сновало – не сосчитать: Зимава только и успевала уворачиваться от них, пока шла до лестницы, что вела на второй ярус.

– Вот же, ушла уже, – виновато буркнул мужик. – А я и не заметил. Видно, готовится.

И он повёл их обратно. Прошли они через двор в сторону охранной стены. Там, как и положено, в отдалении от дома, среди других таких же соседских срубов, стоял приземистый овин. Мирога заглянул в сенцы и махнул рукой гостям – проходите. Первой под

хлипкую крышу ступила Оляна, а за ней уж и Зимава. Пахло внутри сеном и немного – дымом, в прикопчѐнных стенах было сумрачно, даже страшно. На небольшом столе горело всего две лучины в слегка ржавом светце. А рядом сидела простоволосая женщина того возраста, когда украшенные зернью колты да узорные перстни снова меняют на простые колечки, как у малых ребятишек. Она подняла взгляд от пряжи, которую сматывала в аккуратные клубки, и тут же отложила своё занятие.

– Ты, значит, княгиня, ко мне холопку присылала?

Зимава и рада была провалиться сейчас в ямник, но пришлось кивнуть.

– Я. Хочу, чтобы ты в грядущее заглянула.

– Что, жить страшно? – Анисья встала и прошла до притулившегося в углу небольшого короба, сложила туда нитки. И ответила сама себе: – Сейчас всем страшно.

– Так от Светоярычей этих не знаешь, чего и ждать, – решила вступить в разговор Оляна. – Они, вроде, пока не буйствуют, а войска своего из-под стен не убирают.

– И не уберут, – отрезала ворожея, теперь доставая из короба какие-то мешочки. – Пока не дадут им то, что им надобно. То, что снова жизнь в них вдохнѐт. Сильные они оба, да только судьбой уж больно обиженные, – она взглянула на подругу. – Ты иди, оставь нас с княгиней вдвоѐм.

Оляна заметно растерялась, но перечить не стала: показалось даже с облегчением вышла из сенцов. Внутри и вовсе всё замерло, когда Зимава осталась с ворожеей одна. Та дождалась, пока стихнут шаги снаружи и жестом поманила к себе.

– Снимай с головы всё и распоясывайся, – велела Анисья. – Силу свою выпускай, без неё не будет толку.

Медленно подходя к столу, на котором стояла широкая чара с водой, Зимава скинула свиту, распоясала рубаху и сняла платок. Всё это ворожея аккуратно сложила в стороне и опустилась за стол, приглашая сесть рядом.

– Что узнать из грядущего хочешь?

– Жива ли буду, с сыном моим всё ли станет хорошо... – Зимава почувствовала вдруг, как подкатывают к глазам слёзы. – И суждено ли замуж снова пойти.

– Ты ж вдовица теперь. Замуж только через семь лет идти можно, – показалось, ворожея удивилась, а то и не одобрила этих слов.

– Семь лет, – Зимава усмехнулась невесело. – Чтобы мужи в мою сторону и вовсе смотреть перестали? А пока я ещё в силе детей родить да взгляд привлечь... Лада простит мне, а Леля поможет.

Так и встал перед глазами Чаян. С бедой он пришёл, сына забрал, да как себя заставить не думать о нём? Как отказаться от жизни, что ещё можно вернуть? Разве может она вдовой, сиротой безмужней теперь домой вернуться? И не попытаться силами своими вернуть Радана?

Анисья вздохнула, покачав головой и сомкнув морщинистые губы, коротко сжала её руку своими сухими узловатыми пальцами, будто поняла горечь, что прозвучала в голосе. Убрала – и в ладони её оказался ловко снятый с пальца перстень. С тихим плеском он упал в полную воды чару и замер на дне, поблескивая. Зимава так и вперилась в него, словно могла и сама что-то увидеть в спокойной прозрачной глади. Анисья склонилась над посудинкой, подняла её над столом, обвела ею над головой своей, а после и гости, тихо бормоча заговор. Она встала и обошла сенцы, всё так же нараспев произнося слова, к которым и прислушиваться-то не хотелось – страшно. И как будто ещё сумрачнее стало вокруг, хоть и так пара лучин давали совсем уж немного света.

Обойдя клеть от стены до стены, Анисья вернулась за кособокий стол и вновь поставила на него тяжёлую чару. И жуть какая – вода в ней будто бы помутнела, пошла белёсыми разводами. Ворожея заглянула словно в самую её глубину и замерла, беззвучно шевеля губами. И точно тихая капля зазвучала снаружи – хотя откуда бы ей взяться? Ведь с крыш уже сошёл снег. Зимава прислушалась к этому тоненькому звуку, забылась на миг. Моргнула – и натолкнулась на пристальный взгляд Анисьи.

– Ну?

– Смутное у тебя будущее, княгиня, – проговорила та сипло, будто во рту у неё вдруг пересохло. – Пришли Светоярычи, спутали все нити. Пришла волхва – и войлоком их скатала. Замуж ты выйдешь снова и даже дитя родишь. Это я увидела.

– Кто отец будет? – нетерпеливо подогнала её Зимава, несказанно обрадовавшись и позабыв совсем, что перебивать ворожею не стоит.

Анисья губами покривила недовольно.

– Кто отцом будет его и мужем твоим, то я не видела. Только человек этот сильный. И ты ему дорога очень. Да ты, верно, знаешь уже.

Зимава закивала, так и задыхаясь от облегчения, что свалилось на неё. Значит, всё же Чаяну не безразлична, как и думала. Сразу он, как приехал, на неё взор обратил. Только не то время, чтобы о чувствах думать. Да как она ему дитя родит, коли он проклят? Так, может, с проклятием тем разрешится всё как-то?

Погрузившись в светлые размышления, она не сразу и услышала, что Анисья снова заговорила.

– А вот сына ты потерять можешь. – И тут же внутри всё оборвалось. – Если и дальше выбранным путём пойдёшь. И даже сказать не могу, жив ли он будет тогда. И стоит на твоём пути княженка. Всюду тень её тебя преследует. И другая девица, крови с тобой одной – появится скоро рядом.

Зимава совсем запуталась в туманных предсказаниях Анисьи. Уж лучше и не ходила бы к ней, в самом-то деле. Кто та девица одной крови, что станет ей препоной? Вокруг неё не было никого из родичей.

– Что ты ещё видела? – она сжала в пальцах подол.

– Больше ничего. Да и то, что видела, всё зависеть будет от того, что ты сама со своей жизнью делать станешь. И от решений, какие примешь.

Анисья встала, обрывая разговор едва не на полуслове. Отвернулась, давая понять, что спрашивать ещё что-то бесполезно. Зимава посидела немного в растерянности, борясь с желанием допытаться у ворожеи подробностей. Но решив, что делать этого всё же не стоит, она снова покрыла волосы, оделась и вышла наружу. Прохладный воздух пронзил лёгкие после духоты овина. Зимава, всерьёз опасаясь заблудиться в сумерках, отыскала нужный дом и, забрав встревоженную Оляну, быстрым шагом отправилась назад, в детинец. Та молчала всю дорогу, да и в тереме лишь помогла собраться ко сну, а сама улеглась в своём углу. Знала она Зимаву хорошо, а потому сразу, как её увидела после ворожбы, так и поняла, что лучше ничего не выпрашивать.

И до того было зябко и страшно этой ночью, будто духи кругом шептались, посмеивались. А то и сам оwinник за гостями пришёл, не

побоялся домового. Слушая мерное сопение Оляны, Зимава помалу успокоилась, а там и уснула.

А с самого утра зародились хлопоты в детинце: собирались кмети из ближней дружины Ледена, да и из Доброговой тоже, в дорогу отправляться, к западной окраине Велеборского княжества, откуда в своё время приехал будущий муж Елицы. Борила всегда водил со старостой Остромиром, что отцом ему приходился, крепкую дружбу. Дороги были для княжества те дремучие, но и благодатные для выпаса скота и пахоты земли. Да не слишком-то хотели подчиняться князю и платить дань те, кто там жил ещё до того, как само княжество появилось.

А мира с ними и щедрого полюдья Бориле очень хотелось. Наверное, потому и решил князь за сына Остромира, парня роду невеликого, отдать свою единственную дочь. И Елица-то, которая часто с ним в те края ездила, вовсе не противилась. Радим ей приглянулся. Да кто бы мог подумать, что и другую свою самую большую ценность князь решит укрыть под присмотром своего товарища. А вот княженка, хоть доподлинно ничего не знала, а о том догадалась.

Зимава вышла на крыльцо – провожать Елицу и Ледена в долгий путь. Пока царит на прокатанных дорогах и диких тропах весенняя распутица, придётся им трудно. Да и пусть – дольше здесь не появятся. От младшего княжича аж холодок по спине скользил – до того веяло от него неприязнью и подозрительностью. А княженка просто раздражала и злила одним только своим видом.

А ещё больший гнев вспыхнул в груди, когда Чаян, о чём-то напоследок с ними разговаривая, обнял брата, а после бережно сжал плечо Елицы, прощаясь, склонился к её и лицу и сказал что-то тихо, как будто только для них двоих предназначенное. А та лишь зыркнула на него запальчиво своими глазищами болотными, но улыбка княжича оттого стала, кажется, только шире. Никак не могла принять княженка, что теперь он здесь хозяин, как ни крути. Всё думала, что изменить что-то может. Что ж, ей от этого хуже.

– Не ярись, – шепнул рядом Эрвар. – Перила поломаешь.

Зимава тогда только заметила, как сильно стиснула ладонями гладкое дерево. Вздохнула, успокаиваясь. Варяг её локоть легонько сжал, будто не мог теми же пальцами легко переломить толстую

ветку – или задушить врага. Он и княжичей предлагал убить, как только те здесь появились. Но слово Зимавы для него всегда значило всё.

Спускаться к Елице на прощание она не стала. Только встретилась с ней взглядом и кивнула. Челядинку, что её в дороге сопровождать будет, она сама княженке выбрала. А та уж за ней присмотрит да и за Леденом тоже.

Княжич и хотел было помочь Елице в седло подняться, да та нарочно плечом к нему повернулась, словно и не видит. Леден на её холодность только головой качнул, хоть и показалось на миг, что по лицу его проскользнула тень досады. Сам он легко, так, что залюбуешься, запрыгнул на своего гнедого жеребца и выехал из ворот первым, а за ним уж остальные.

И сразу на душе будто немного полегчало. Зимава дождалась, как на крыльцо поднимется Чаян и пошла нарочно рядом с ним внутрь.

– А не боишься, княжич, что брат твой, если Сердце отыщет, то не захочет с тобой им делиться? – проговорила она тихо.

Чаян шаг приостановил. И странное дело – отразилось в его глазах сомнение, словно, сама того не ведая, Зимава озвучила его тревоги. И тут стало ей понятно, что не всё так хорошо между братьями, как могло показаться.

– Леден знает, как важно это для нас обоих. Да и тебе, княгиня, лучше обращаться к Богам почаще, чтобы помогли сыскать Сердце поскорей.

Зимава прищурилась, когда внутри кольнуло от явной угрозы, что прозвучала в голосе княжича.

– Всё от Елицы зависит, – она уняла вспышку негодования и улыбнулась. – Ей ты тоже доверяешь?

– Ей деваться некуда. Хочет, чтобы мы в покое её оставили – придётся нам помочь. А пока все вы здесь в моей власти, – Чаян вдруг провел ладонью по её щеке. – А особенно ты.

Зимава едва удержалась, чтобы не накрыть его руку своей. Недовольно кашлянул Эрвар, но на него и не стоило внимания обращать. Пусть Елица ищет свой путь, а она своим пойдёт. И там ясно станет, кто скорее впереди окажется.

– Может, это и странным покажется, но я на твоей стороне, княжич, – она чуть приподнята подбородок, храня ещё обрывки хоть

какой-то властности.

И взгляд Чайна потеплел. Он обвёл им лицо Зимава – и в груди жаром пыхнуло.

– Это очень хорошо.

Княжич отвернулся и пошёл дальше. А Зимава потеряла последний покой. И никакая работа, никакие прогулки в саду уж не могли унять отчаянного желания всегда видеть его перед собой. И вечером, только улегшись, она долго ворочалась на лавке, не зная, как и заставить себя заснуть. И раньше-то было на душе тревожно, а после предостережения ведуньи, так и вовсе – хоть топиться идти. Радан был где-то от неё далеко. А Елица неведомо что задумала – кабы назло не сотворила чего дурного. И княжичам ненавистным насолить, и от брата младшего избавиться.

Чем дальше, тем мысли становились всё дурней. Зимава всё же встала, и расчесала пальцами спускающиеся до пояса волосы, заплела их в небрежную косу, но снова распустила, пытаясь унять волнение. А после, сунув ноги в мягкие черевички, накинула на голову узорный платок и вышла прочь из горницы. Только успела услышать, как проснулась Оляна и окликнула её в спину. Кусая губы, она проскочила по крытому переходу между теремами и юркнула за дверь. Прижалась спиной к стенке, пропуская спешащую куда-то челядинку, прислушалась к голосам стражников снаружи. И пошла по узкой лестнице на второй ярус. Чайн при себе гридней не держал – уж настолько беспечным был или бесстрашным – не боялся, что кто-то может со злости на его жизнь покуситься. А может, и показать всем вокруг хотел, что хозяин он здесь и никто ему противником быть не может.

Зимава постояла ещё немного перед его дверью и вошла. Опешила даже, когда поняла, что княжич ещё не спит, хотя на дворе уж достаточно поздно. Однако укладываться он уже собирался. Только-только закончил умывание и потянулся за брошенной тут же на стол рубахой. Но лишь услышав, как открылась дверь, быстро обернулся. Его брови так и поползли вверх от удивления. А Зимава будто к полу приросла на полшаге: до чего же хорош! Борила помнится, и до солидных лет не растерял крепости тела и мужской силы: иначе не стал бы себе молодую невесту выбирать. Но, конечно, не мужу в годах равняться с княжичем, что ему в сыны годился. Чайн

не был столь высок, как брат, но тело его буквально излучало воинскую силу. Блестящая от влаги кожа плавно обрисовывала крепкие мышцы, и даже несколько шрамов на плече и под рёбрами выглядели настолько притягательно, что хотелось немедленно их коснуться, лаская. И сразу вылетало из головы всё, что недоброго он сделал, оставалось только покалывание где-то в глубине души.

– Сказать чего хочешь, Зимава? – Чаян улыбнулся так, как он только умел.

Его глаза хитро блеснули, а от уголков их разбежались едва заметные морщинки. Нарочно он Зимаву княгиней не назвал: какая уже из неё княгиня теперь. Она наконец очнулась и подошла, не торопясь. Остановилась близко, но ещё сохраняя расстояние между ними – и коснёшься, если захочешь, и передумать можно – отступить, сказав, что случайность всё, ошибка.

– А что говорить? – она всё же подняла руку и забрала у Чаяна так и не надетую рубаху. – Сказано уже многое, княжич.

Тот раздумывать долго не стал: за талию её обхватил и рывком прижал к себе. Ну и что, что старше его? Зато видела она сегодня в Чаяновых глазах понятный интерес. Возможно, даже восхищение. Он жадно впился в губы, не стремясь доставить удовольствие – но и так было хорошо. Всё тело будто вспыхнуло вмиг от ощущения силы и воли мужчины, что прижимался к ней так тесно. Она обвила его шею руками, отвечая с готовностью и пылом. Обхватила лицо ладонями и отстранилась на миг, любуясь им. Всё сделает, чтобы её был! Чтобы не прогнал и захотел её княгиней своей взять. Жаль только понести от него нельзя – так вернее было бы.

– Опасно играешь, Зимава, – прошептал Чаян прерывисто. – Не пушу ведь назад.

– Так не пусти.

Он смял в горсти её волосы, оттягивая, заставляя запрокинуть голову. Скользнул губами по шее вниз и дёрнул завязки на вороте. Треснула ткань, мазнула прохлада по груди, а за ней – дыхание княжича.

– Не торопись, Чаян, – удерживая стон, проговорила Зимава и чуть оттолкнула его. – Не с челядинкой ведь обжимаешься.

Но он далёко, до застеленной лавки, идти не желал. Подхватил её и усадил на стол, смахнув с него какие-то плоски.

– А это уж я сам решу, – пробормотал и навалился всем телом.

Зимава тихо охнула, грянувшись спиной о твёрдое дерево. Раскинула колени, позволяя княжичу запустить руки ей под рубаху. Он обвёл грубыми от ласк оружия ладонями её бёдра, смял, рванул на себя. И ртом накрыл оголённую в разорванном вороте грудь. Зимава и припомнить не могла, чтобы было у неё когда-то так – чтобы всё внутри изнывало от нетерпеливого желания отдаться мужчине. Чтобы торопить хотелось – давай же! И неважно, где это случится – на мягкой перине или вот так вот.

Она сама развязала гашник его штанов, спустила их с твёрдых, словно каменных бёдер, наслаждаясь прикосновениями к его гладкой, горячей коже. Чаян вошёл рывком, задвигался бешено, заставляя забыться, обезуметь вместе с ним. Он упёрся ладонями в стол по сторонам от плеч Зимава и вперился в неё, будто не хотел пропустить ничего, что отразится на её лице во время соития. И притворяться вовсе не было нужды. Ей было настолько хорошо, что даже жалко стало, когда всё закончилось. Когда схлынуло одуряющее блаженство. И дыхание начало помалу успокаиваться. Зимава открыла глаза – и едва не вздрогнула: в направленном на неё взоре Чаяна не было ничего, кроме удовлетворения. Но и его в следующий миг заменило нечто вроде раздражения. Словно он сам укорил себя за что, что случилось.

Чаян выскользнул из неё и тут же отвернулся, поддёргивая штаны. Зимава медленно села, опуская подол, и запахнула ворот на груди. По всему телу горели остатки его прикосновений, и она сомкнула бёдра сильнее, пытаясь удержать ощущение его внутри.

– Травок выпей каких. Чтобы, не дай Лада, дитя не случилось, – отстранённо проговорил княжич.

– Да не боюсь я... – начала было Зимава.

И так остро захотелось подойти, провести ладонью по его блестящей от испарины спине.

– А зря, – хмыкнул Чаян и обернулся. – Но право твоё. Теперь иди.

Она распахнула глаза, не веря, что слышит это. Гонит её и впрямь, словно челядинку какую, от которой только и надо было, чтобы семя излить. Но пришлось удержать резкие слова, что так и норовили сорваться с губ. Взыграла внутри жгучая обида. Окатила душной

волной уязвлённая гордость, с которой и так пришлось поступиться, придя сюда.

Зимава спрыгнула со стола и, подхватив свалившийся ранее с головы платок, ушла. Не вешаться же ему снова на шею. И пожалела она на миг, что не обратилась к Анисье за приворотом. Вот уж он сейчас поплясал бы, сам бежал бы за подолом. Да только от мысли одной о такой любви тошно становилось. Сильного мужчину ломать, в игрушку свою превращать – разве в этом радость? Привыкла она совсем к другому – когда муж почитает и заботится. Когда ласковым словом никогда не обделит. Такой был Борила: не только из одного лишь тщеславия и самолюбия за юной невестой поехал, а потому как нужна она была ему.

Она захлопнула дверь горницы так, что совсем проснувшаяся Оляна подскочила на своей лавке. Наперсница окинула её взглядом и цыкнула укоряюще: сразу поняла, где была, да что делала. Зимава скинула платок с головы и, скомкав, швырнула его в дальний угол.

– Зачем ходила к нему? – всё же буркнула Оляна. Другой бы служанке она такого не простила бы, велела бы убираться прочь за грубость. – Видно же: ветер в голове. Глазищами так и зыркает, какую бы девицу в углу прижать.

– И что, много у него девок побывало за эти дни? – Зимава сощурилась зло.

Оляна замялась, припоминая будто бы.

– Ни одной.

– Вот, а ты мне говоришь. Значит, подружимся ещё, – она ободряюще улыбнулась больше себе. И правда – как будто полегчало.

– Подружились уж, гляжу.

Зимава покривилась притворно. А по телу пробежали отголоски удовольствия, что было столь необъятным, будто несчётные месяцы у неё мужчины не было. Прогнал – и что ж. Ещё видно станет, за кем последнее слово окажется. Уж ей Чаян нужен до зарезу – там и попытаться можно уговорить с Раданом повидаться хотя бы.

Наперсница, кряхтя, встала и сходила за тёплой водой. После короткого умывания Зимава снова легла и, несмотря на не утихшую ещё обиду на Чаяна, уснула на сей раз так крепко, что утром Оляна её едва растолкала.

На утренне довелось и с Чаяном встретиться: отсиживаться в своих хоромах она не собиралась вовсе. Не пленница, чай. Княжич уж уходить собрался из трапезной, но задержался как будто нарочно. Кмети из его ближней дружины начали расходиться понемногу. Зашёл Доброга, и от его приветствия содрогнулись стены хоромины. Он как будто с каждым днём всё больше к Чаяну привыкал. Зыркал порой, конечно, всё так же сердито, но иногда их уже можно было увидеть за разговорами или за тем, как они вместе участвовали в разминке кметей на поле. Это удивляло, но и радовало отчасти: кому нужно, чтобы в детинце мужи враждовали? Одно дело – за городской стеной друг другу кулаками морды квасить, а внутри – только хуже от этого. Борилу не вернёшь, а сейчас впору присмотреться, насколько хороши те, кто на его место пришёл. Пусть и силой.

За всё время утренни Зимава не сказала ни слова Чаяну, а тот на беседу и не напрашивался. Лишь мелькал его взгляд из-под тёмных бровей, колкий и внимательный. Как встала она из-за стола, княжич следом пошёл. Решил Эрвар его оттеснить, не подпустить близко – тот, дело ясное, ничуть не отступился.

– Ты прости меня, Зимава, – заговорил, поравнявшись с ней в переходе между теремами. – Что прогнал вчера.

Она остановилась даже и повернулась к нему: не насмешничает ли? Но нет: княжич смотрел серьёзно, как будто и правда сожалел о вчерашней своей грубости. Она покосилась на заметно побагровевшего Эрвара и рукой махнула – отойди. Варяг в первый миг и с места не двинулся, но всё же отступил на несколько шагов и даже отвернулся.

– Всяко бывает, княжич, – Зимава улыбнулась, не скрывая облегчения.

Чаян кивнул, отводя взгляд.

– Мне хорошо с тобой было вчера, это правда. Но ты всё ж травок выпей. Опасно это.

– Я слышала о твоей беде, – Зимава провела ладонью по его щеке, стараясь не потонуть в мглисто-серых глазах княжича. – Не тревожься. Выпью.

Он вздохнул и, развернувшись, ушёл снова в свою сторону. Зимава будто застыла, глядя в закрывшуюся за ним дверь, пока не кашлянул за спиной варяг.

– Быстро ты мужа забыла, – никогда в его голосе не было столько упрёка. Да и говорил он, признаться, не так уж много. – Молодым прельстилась или власть сохранить хочешь?

Она повернулась к нему, сдвигая брови, прошла мимо, не желая ещё и его нравоучения слушать.

– Твоё какое дело, Эрвар? Злишься, что на твои порывы я в своё время не ответила? Уж тебя тогда то, что я жена мужняя, не останавливало. А тут, ты погляди, в том, что вдовая, но лучшей доли себе и сыну своему желаю – укорил. Как прикажешь мне Радана вызволять? Сила тут не поможет, а на Елицу надежды у меня нет.

– Можно, верно, и другой путь найти, а не подол перед ним задирать.

– Коль найдёшь ты или Добран, так скажите мне.

Варяг пробурчал что-то на своём языке. И совестно вдруг стало, что столько лет он рядом с ней мается. Уж и отослать она его обратно к отцу пыталась, как узнала о страсти его. Но ни в какую. Сказал, как отрезал: с тобой буду всегда. И руки распускать перестал тут же, как получил один-единственный отказ. Челядинками не брезговал, конечно, да они его и сами не сторонились, но чувствовала Зимава, что за всё это время он ничуть не остыл. Только вернее стал, как и люди его, что с ним приехали и давно уж смешались с велеборскими кметями.

Зимава вернулась в дом, оставив Эрвара снаружи. Хорошо стало внутри надёжных бревенчатых стен, будто ото всех опасностей и напастей они защищали. Одно только покоя не давало: что сын её далеко по-прежнему, живёт среди незнакомых людей, у которых на уме неведомо что. Но теперь, коли с Чаяном не так всё и плохо обернулось, можно было и подумать, как дальше его к себе привязывать – а там уговорить его поступить так, как нужно ей самой.

Глава 6

Сумрачный еловый лес обступил тропу со всех сторон. Ворочался среди них тяжёлый сырой ветер, трогая рябью лужи на дороге. Подрагивали словно тиной увешанные ветви, и сыпались с них крупные капли вместе со старыми иголками. И пора было искать место для ночлега, да никому не хотелось останавливаться среди древних лохматых стражей, в тени которых мог скрыться кто угодно, а особенно – сам Леший. Неспешно накрапывал дождь, ещё мелкий, холодный, порой напоминающий снег. И вместе с тем, как он усиливался, кмети во главе с Леденом невольно ехали чуть быстрее. Елица одной рукой плотнее запахнув плащ возле шеи, тоже то и дело ударяла свою кобылку пятками, чтобы не отставать.

Страшная распутица на дорогах задерживала. Как удалились на десяток вёрст от Велеборска, даже прибитый копытами лошадей и колёсами большак, что вёл до другого городка – Белича – стал почти непроходимым. С пологих, поросших густыми березняками холмов сюда стекались большие и малые ручейки. Поттапливали изрядно. Нынче-то зима задержалась, а после теплом накрыло – такого никакая дорога не выдержит.

Брашко, сидя на козлах первой в небольшом обозе телеги, без устали понукал крепкого тяжеловоза, выносливую, казалось бы, животину – но и тот уже измотался за целый день. Рядом с ним, недовольно нахохлившись, сидела отправленная вместе с Елицей челядинка Мира. Поначалу она даже болтала о чём-то с отроком, а после замолчала. И всё в спину княжича поглядывала.

– Всё, хватит. Становимся здесь, – приказал Леден и первый съехал с дороги в сторону показавшейся неподалёку прогалины.

Никто возражать не стал. Кто спешил сразу и пошёл помогать с телегами, кто поспешил за княжичем. Елица, уворачиваясь от широких мокрых ветвей, оказалась на поляне одной из первых. Здесь виднелись почти неразличимые следы давнего кострища, устроенного между старых обломков стволов. Но и для палаток место обещало найтись. Нехорошо здесь было: да и как бывает среди недобрых деревьев, хоть по имени они были ей почти родня. Леден тоже осматривался

настороженно. Да деваться им всем было уж некуда. До веси, где заночевать хотели – не успели добраться.

Скоро лагерь был готов, огонь, разведённый хитрым образом, чтобы не залило дождём, вспыхнул, освещая плотно сомкнутые стены ельника и даря хоть какое-то тепло в столь промозглый вечер. Едва повечеряв, все разошлись по укрытиям. Только дозорному не свезло: пришлось ещё мокнуть под плотным рогожным плащом, дожидаясь, пока его сменят.

Теперь уж Елице беспокоиться не пришлось, а княжичу её заверять в безопасности: для женщин поставили отдельный небольшой шатёр. Не разбежишься, но и места для всего хватает. Они вместе с Мирой улеглись, как стихли почти все голоса кметей. Изрядно устав за день, Елица заснула быстро, всё размышляя о том, что скажет при встрече Остромиру, как объяснит, зачем после стольких лет приехала. Вот уж подвели её Светоярычи под нелёгкую заковыку. Потому как сама она в своих догадках вовсе не была уверена.

Только разбудил её ночью будто бы чей-то приглушённый голос. Стон или хрип то был, понять она спросонья не смогла. Но встала, повинувшись вспышке тревоги и страха. Прислушалась, опустив босые ступни на расстеленный перед лежанкой половичок. Над лагерем нависла полнейшая тишина, лишь дождь шуршал по плотной ткани шатра. Мира спала неподалёку и даже не шевельнулась от шороха. Елица уже хотела было снова лечь, как звук чьего-то беспокойного бормотания повторился. Странно только, что оно не разбудило никого больше и не заставило даже часового сдвинуться с места.

Елица обулась, натянула свиту прямо поверх сорочки и вышла наружу, на ходу накидывая платок на голову. Часовой – уж не тот, что оставался у костра вечером – поднял на неё сонный взгляд. Она снова замерла, как из шатра княжича донёсся громкий стон.

– Не ходи, княжна, – шепнул кметь. – Брашко справится.

Но судя по тому, что тише за плотным пологом укрытия не становилось, отрок не слишком хорошо справлялся. Елица покачала головой и, не слушая больше предупреждений дозорного, вошла в шатёр Ледена. Внутри было сыровато: вырытый в земле очаг почти потух. Брашко и правда не спал: он сидел на корточках возле лежанки княжича и пытался разбудить его, держа в одной руке кружку то ли с водой, то ли с отваром каким. Но Леден метался в силках кошмара,

никак не просыпаясь от его торможения. На лице отрока читались растерянность и испуг, будто такое случилось впервые.

– И часто с ним так? – Елица подошла ближе, теребя от волнения углы платка.

От жутковатого вида тут же стало душно; она сняла свиту и положила на сундук. Брашко вздохнул, печально и устало посматривая на княжича.

– Бывает, – развёл руками. – Но сегодня прям худо. Зря мы в ельнике остановились.

– Отойди, – Елица опустила перед лежанкой на колени, слегка отталкивая его. – Пойди лучше на костре воды согрей. Он ледяной весь.

Княжич и правда был холодным, будто не бился сейчас в лихорадке сна, а лежал в снегу. И верно ведь – Леден... Елица коснулась его покрытого испариной лба, смахивая липкие пряди. Наклонилась к лицу, искажённому неведомым мучением.

– Проснись, княжич, – шепнула, легонько потерев его за плечо.

И снова по голове погладила, запуская пальцы в светлые вьющиеся волосы. Губы Ледена разомкнулись, выпуская новый стон. Он дёрнулся, отворачиваясь, и лоб его в капельках пота взрезался морщинами. И что же снилось ему такого? Почему не отпускало? То и дело мышцы по всему телу его напрягались будто в судороге, он комкал шкуры, что укрывали его, и пытался сбросить надоедливые руки.

Елица обхватила его лицо ладонями, провела большими пальцами по бровям и зашептала: “Сон дурной, словно дым пройдёт. Развеется, раскудрлатится, растворится в свете утреннем, разовьётся ветром буйным. Ленты ткуются, узоры рисуются, нитки в судьбу-жизнь сплетаются. А сон-от в тканьё не пуцу, вырву – выброшу, в костре пеплом обращу... Услышь, Макошь – матушка сыра земля, развеи муть колодезную, явь от сна отдели...”

И не успела она ещё заговор закончить, как встала от неё в стороне высокая тень, упираясь будто бы в стену шатра. Подумалось сначала, что померещилось. Елица, осекшись на полуслове, повернула голову и едва не отпрянула. Там, укрываясь от тёплого света лучин, стояла женщина в богатом уборе, в белой расшитой рубахе и понёве, увитой узорами из чёрной нити. В опущенной руке её поблескивал

застывшим льдом острый серп. Другой рукой она прижимала к себе толстый сноп тёмных, сгнивших колосьев. Длинные волосы её, перевитые нитями паутины, спускались до пояса, и даже здесь их как будто тревожил студёный ветер.

– Не трать тепло, – проговорила Морана участливо и спокойно. – На него не хватит. И Макошь не поможет.

Она вскинула руку – блеснуло наточенное железо серпа. Врезалась ткань шатра, и в прореху посыпался, блестя мокрой пылью, дождь. Леден содрогнулся всем телом и распахнул глаза. Хватанул воздух ртом, словно из-под воды вынырнул.

– Княжич, – позвала его Елица.

Он вскинулся и, вперившись невидяще, вдруг схватил её за горло. Она отпрянула, но он удержал. Попыталась вдохнуть – и не смогла. Вцепилась в его широкое запястье обеими руками, пытаясь отодрать ладонь от шеи – но куда ей с воином тягаться. Он этой рукой и подкову, небось, согнуть может. Одним рывком княжич, что-то сбивчиво и совершенно неразборчиво бормоча, опрокинул её на лежанку. Сдавил сильнее – и в глазах заплясали цветные пятна. Кровь словно остановилась, застыла во всём теле сразу. Елица пнула Ледена под рёбра из последних сил.

– Пусти! – прохрипела, извиваясь в его хватке.

В висках гулко стучало, пальцы княжича впивались в кожу. И казалось вот-вот уже захрустит, сломается гортань. Она пыталась вспомнить хоть один заговор, что унимал бы буйство. Хоть что-то, что могло бы помочь ей сейчас. И ведь не крикнешь, не позовёшь никого – так и придушит, не дав испустить и писка лишнего. Елица, едва находя силы, подняла руку и прижала ладонь к щеке княжича.

– Леден. Очнись, – пошевелила губами.

Его лицо померкло, подёрнулось серой дымкой. В лёгких что-то сжалось, загорелось огнём. Но сковывающие горло тиски неуёмной силы вдруг разжались. Воздух резко заполнил грудь. Елица закашлялась, хватаясь за ворот сорочки.

Леден словно обмяк, повесив руки вдоль тела и уронив голову на грудь. Его плечи тяжко вздымались, по виску катилась капля пота.

– Прости, княжна, – пробормотал он. – Зря ты сюда пришла. Только Брашко узнаю, как просыпаюсь после такого.

Леден взглянул на неё опасливо, словно страшась увидеть, что сотворил. И вдруг взял её за плечи и приподнял, помогая сесть. Она вцепилась в его рубаху, чтобы не опрокинуться теперь вперёд. С каждым мигом дышать становилось легче и не так больно. Княжич вдруг обнял её, прижал к себе, чуть покачивая и всё шепча беспрестанно: “Прости”. Она уткнулась в его грудь, чувствуя, как из ворота его рубахи веет прохладой. Как же он живёт так? С вечным холодом внутри. Ни живой, ни мёртвый – верно, получается, говорят?

Она тёрла шею, понимая, что останутся на ней следы – прятать придётся. Леден отстранился, сдвинув брови, осмотрел её лицо, провёл кончиками пальцев осторожно по заходящейся жжением коже под подбородком.

– Как же девицы с тобой ночи проводят? – неведомо зачем пошутила Елица, часто моргая, чтобы не расплакаться.

– Никак, – бросил он. – Не проводят. Не приходи больше, даже если кричать буду. Особенно тогда не приходи. Все уж привыкли.

– Но как? Неужто ты не пытался избавиться от?..

– От чего? От кого? От Мораны, которая меня отпустила? – княжич усмехнулся. – Не забрала, когда я подо льдом в речке задыхался? Ты не знаешь ничего обо мне, княжна. Ты...

Он взглянул ещё раз в её лицо и отпустил. Встал, отворачиваясь. Одним взмахом руки он отшвырнул стоящий рядом с его лежанкой столик. Тот закувыркался, загромыхал и рухнул у стены шатра. Прямо под тем разрезом в ней, что Морана оставила. Елица, обхватив себя за шею, с ужасом наблюдала за ним. Откинулся полог, и в проходе, держа перед собой ведро с горячей водой, застыл Брашко. Он ошарашенным взглядом обвёл шатёр, задержавшись на большой прорехе в нём.

– Я тут принёс... – только и нашёлся, что сказать.

Елица встала и, схватив по пути свиту, выбежала прочь. Не глядя на дозорного, который с любопытством на неё уставился, она юркнула в свою палатку. Встала, тяжело дыша и сжимая ворот на груди. Платок оставила в укрытии Ледена – да и пусть. Не возвращаться же. Она подошла к ушату, на дне которого ещё осталась после умывания вода. Зачерпнула ладонью и прижала к шее, медленно выдыхая от облегчения. Не обращая внимания, как намокает рубаха, она всё черпала и черпала, обмывая пострадавшую кожу. И пыталась забыть безумные, залитые гневом и ужасом, глаза Ледена.

Какими разными они всё же бывали. Сколько всего довелось уже увидеть в них, пусть даже княжич и казался бесстрастным изваянием. И чем дальше, тем становилось тревожнее рядом с ним. Не страшнее... А просто беспокойнее, потому как не знаешь, что он выкинет ещё.

Очнулась она от того, что Мира коснулась её плеча и окликнула. Елица задрожала всем телом: ткань давно уж промокла, прилипла к груди и животу. А в шатре к утру становилось всё прохладнее.

– Что это с тобой, княжна? – челядинка озабоченно заглянула ей в лицо.

И охнула, заметив, видно, отметины от руки княжича на её шее.

– Молчи, – приказала Елица, отталкивая её руку, когда она хотела дотронуться. – Слово от тебя об этом услышу...

Она так и не придумала, чем пригрозить служанке, но та, верно, вообразила себе всё сама. Закивала рьяно и поспешила к сундуку – выискивать сухую сорочку. Небо неумолимо светлело. Послышался первый посвист птиц где-то в глубине неприветливой еловой чащи. Закончился дождь, и встал повсюду, словно разбавленное молоко – туман. Протяни руку – и её не увидишь, а заблудиться и вовсе стараться не придётся. Елица переплела косы, умылась, пытаюсь прогнать вязкую пустоту из головы. Как будто стояла внутри неё такая же, как и кругом, муть. Выходить наружу не хотелось. Она видела только, как мелькают будто бы обсыпанные мукой фигуры кметей мимо входа в шатёр. Слышала грозный голос Ледена – и в груди ёкало. Забежал Брашко, смущённо пряча глаза от челядинки, которая ему, кажется, за время пути приглянулась. Он отдал забытый у княжича платок и извинился ещё раз от его имени. И передал приказ Мире зайти к Ледену. Девица зарумянилась тут же, пригладила и без того аккуратно причёсанные волосы. Елица даже спрашивать не стала, зачем та ему вдруг понадобилась. И заметь она на лице той хоть малое неудовольствие, тут же вступилась бы, не пустила. Но Мира сияла так, будто к одной ней обратился сейчас свет Дажьбожьего ока.

Чуть погодя Елица всё же собралась с духом и вышла к костру, радуясь, что платок надёжно скрывает следы ночного буйства Ледена. Скоро появилась из укрытия княжича и девица; она уже привела себя в порядок, но шалый блеск глаз, бруснично алые губы и блуждающая по ним улыбка выдавали её всю с потрохами. Она быстро скрылась в

женском шатре, видно, чтобы любопытные взгляды кметей и скабрзности её не достали. А вот Леден вышел будто бы совсем такой, как обычно, хотя этому не и стоило удивляться. Только глядеть на него стало совсем уж неловко. Елица старалась не винить его в том, что произошло в миг пробуждения, но то и дело замечала за собой, как смотрит на княжича неподвижно. Он тоже это видел, и каждый раз пробежала по его лицу гримаса сожаления. Кмети ничего о том не говорили: видно, получили от него строгое распоряжение.

Утренняя прошла напряжённо и тихо. Самые мелкие звуки тонули во влажном мареве тумана, но зато можно было не сомневаться: дождя нынче больше не случится. Катилось Дажьбожье око по небосклону, опираясь на ветви елей, поднимаясь и заливая поляну непостижимо колдовским золотисто-алым светом.

– Вот же место паршивое, – не удержался один из кметей, рыжий Истр. – Так и знал, что наведёт морок на кого. Хоть выберемся? А то вдруг дороги уж и нет тут.

– Тьфу на тебя, – буркнули зло ему в ответ сразу несколько воинов.

Леден поднял взгляд от носков своих сапог и покосился на него исподлобья.

– С нами жрица Макоши. Не пропадём.

И так сказал это, будто приободрить всех хотел. А больше всего – Елицу. Первый раз сверкнуло в его голосе внешнее тепло, а не колючая стужа. Словно дохнуло из приоткрытой двери натопленной избы. Окутало, успокоило. Что случилось, того уж не вернёшь, чтобы поправить. Теперь она и правда осторожнее станет, слушать будет что ей говорят, а не полагаться только на свои домыслы и желание помочь всем вокруг.

Помалу туман поредел, а там и вовсе рассеялся. Кмети и отроки оседлали лошадей, собрали палатки и засыпали землёй огонь. Теперь, глядишь, ещё долго здесь никто не появится, а после дивиться будет, завидев кострище.

Скоро миновали и другой городок – Белич. Задержались там ненадолго, просушили одежду у печей, переночевали – да и дальше отправились.

Каждый день, что ещё ехали до Радоги, Елица мазала шею снадобьем, что приготовила жена Беличанского старейшины – Годана.

Правда, для кого на самом деле оно предназначается, рассказывать ей не стала. А уж тем более показывать багровые следы мужских пальцев на шее. Сказала Елица только, что для княжича. Мол руку сильно ударил – хоть какое-то к нему сострадание. И так, где ни появись, на остёрцев смотрели с нескрываемой злобой, а пуще всего доставалось Ледену. И постоянно вставало колом в груди ожидание, что вот-вот люди не выдержат и нападут на небольшой, в общем-то, отряд княжича, порубят всех, навалившись толпой. Но они роптали, ворчали и кляли остёрцев, а в схватку вступать не торопились. Среди кметей воеводы Доброги, коих Леден тоже с собой взял, иногда ходили недобрые разговоры. От неприятельских воинов они их скрывали – дело понятное – а вот перед Елицей не стеснялись. Она и не знала даже, радоваться тому или тревожиться. Порой ей хотелось, чтобы Ледена не было. Чтобы просто не было братьев Светоярычей, которые поставили с ног на голову её жизнь. Но то, что случилось, уже не поправишь, оставалось только решать, что делать теперь. И пока самым мирным путём казался поиск Сердца, о котором Елица хоть и слышала много, да никогда не видела его в глаза.

Мелькали день за днём веси, одна на другую похожие. Сменялись обширные луга и лядины дремучими, похожими на сердитые всклокоченные чудища, лесами. С того памятного дня Леден сторонился ельников. Даже на короткие дневные привалы они старались не устраиваться под их густыми лапами. Как будто сходил помалу след с шеи, но отчего-то Елица чувствовала себя всё хуже. Показалось сначала, что просто застудилась. Но скоро к слабому ознобу, что наваливался чаще всего по вечерам, добавилась ещё и тошнота. Мира испугалась было: мол, дело в том, что Леден княжну едва не придушил, повредил ей что-то. Но, конечно, тот досадный случай был ни при чём. Елица пила бодрящие отвары из сушёной малины и рябины с листьями смородины. Но от вечного питья можно было и лопнуть, пожалуй, а легче от него становилось ненадолго.

Поначалу никто из отряда не замечал, что с ней что-то не так. А вот княжич начал обращать к ней подозрительный взгляд раньше других. Только не спрашивал ничего. Но теперь при каждой остановке он торопился спешиться раньше неё и подходил, чтобы помочь спуститься наземь. Елица упрямылась всё ж, не позволяла себя коснуться, не давала себе повода проявить слабость. Но однажды,

когда прибыли они в последний погост – Житиху – перед тем, как добраться уже до Радоги, она едва не кубарем рухнула из седла в руки княжича – так сильно повело голову.

– Брашко! – кликнул он отрока. – Беги к большухе, спроси, есть ли у них травница или лекарка какая.

Тот кивнул и, бросив повод своего тяжеловоза ближайшему из кметей, умчался.

– Пусти, княжич, я устала просто, – Елица попыталась оттолкнуть его.

Но тот только под колени её подхватил, взял на руки и понёс в одну из гостиных изб.

– Много я видел усталых людей, – проворчал с укором. – Но ты, вроде, спишь получше моего, и голодом тебя никто не морит, а из седла валишься.

И никак-то с этим не поспоришь. Она и сама не понимала, что с ней творится. Подумала бы, что пьёт вместо нужных отваров отраву какую. Да она ведь травы тоже ведала – недаром жила пять лет со Сновидой – и уж распознала бы в питье что-то вредное.

Леден уложил Елицу на незастеленную ещё в ожидании гостей лавку. Вошёл следом кметь Балуй, пробурчал, погода-де нынче промозглая, шмыгнув носом громко и уставился на них исподволь.

– Ты мне тут не зыркай да уши не востри, – одёрнул его Леден.

Балуй хмыкнул и принялся растапливать печь-каменку, что стояла в противоположном от двери углу. Княжич присел рядом с Елицей, поглядывая на соратника, а как тот вышел помогать остальным разбирать нужные на ночном постое вещи, расседлывать лошадей, склонился к ней. Она, пытаясь успокоить сбившееся от накотившей мути дыхание, взглянула на него.

– И долго же ты скрывать собиралась, что дурно тебе, княжна? – заговорил он тихо. – Я уж какой день только и думаю о том, что стряслось с тобой. И почему молчишь.

Елица нахмурилась, подумывая, не решил ли он зло над ней пошутить. Но княжич и правда смотрел на неё с тревогой и как будто злостью. Может, за то, что с той, чья помощь ему была нужна, случилось вдруг несчастье. А может, потому что она ничего ему не сказала до сих пор.

– И что же ты понял, княжич? – она усмехнулась одним уголком рта.

– Сегодня понял, что ты подступила к самой грани, – он покачал головой. – Только не пойму, как так случилось.

– Я тоже не пойму.

Совсем жутко становилось от осознания правдивости его слов, что находили смутный отклик в душе. Елица размотала платок на шее, стянула его, мучаясь оттого, что он будто бы слишком колючий. Раскинула в стороны, уже не смущаясь, что останется с непокрытой головой перед Леденом. Будто не видел он её всякой. Княжич поймал её руку холодными пальцами и склонился ближе.

– Разве синяки не должны были уже сойти?

– Ты сильно меня придушил, видно.

В дороге никак не доводилось рассмотреть себя получше, а потому Елица и не знала толком, что там творится. Мира утверждала, что всё уже почти прошло.

– Сильно, не сильно... – неопределённо проворчал Леден.

Он приложил ладонь к отметинам – Елица дёрнулась, не желая, чтобы он её касался. Но от прохлады, что исходила от его кожи, становилось как будто чуть легче. Развеялся туман в голове, и нутро перестало тошнотно вздрагивать. Распахнулась дверь в избу – дунуло из сеней прохладой. Вошёл Брашко, а за ним – Мира, и женщина, только переступившая порог зрелости, что уж на старость поворачивала. На ходу распахивая изрядно поношенную свиту, она быстро обогнала отрока и челядинку, не слишком почтительно оттеснила княжича, даже не разбираясь, кто он такой. Блеснули украшенные узорами колты её перед взором, и глаза, тёплые, что земля под солнцем.

– Здравствуй, красавица, – улыбнулась женщина. – Меня Жданой кличут. А ты, стало быть, княжна Елица? Слыхала о тебе много. Говорили, у князя нашего Борилы Молчановича дочка диво как хороша. Теперь вижу, не ввали ничуть...

Продолжая болтать о разной неважной чепухе и вгоняя тем Елицу в странную дремоту, Ждана оглядела её, хмурясь и покачивая головой. Её лёгкие, словно пушинки, пальцы ласково скользили по коже, а голос журчал в голове ручейком, успокаивая, унимая мучения.

– Что скажешь, знахарка? – нетерпеливо окликнул её княжич.

Вокруг уже начали собираться кмети – отогреваться после долгого дня под ветром и сырой моросью. Они вносили вещи и припасы, скидывали одежду в начавшей прогреваться избе. И все то и дело с любопытством поглядывали на Елицу.

– Хочу увидеть снадобье, которым её лечили, – совершенно спокойно ответила Ждана. – Ведь лечили же эти синяки на её шее?

Она внимательно взглянула на Ледена, а тот желваками дёрнул и отвернулся. Опять ударили по его вине, заставили ощутить с новой силой. Он махнул челядинке, подзывая, а та подошла, едва не на полусогнутых ногах, испуганно пригибая голову. Княжич схватил её за ворот и тряхнул, что сказал – нельзя было услышать, но Мира вся с лица спала.

– Закончилось снадобье, – пискнула.

– Тогда горшочек от него неси, коли не вымыли, – улыбнулась знахарка без тени злобы.

– Проследи, – приказал Леден отроку, и тот вышел вслед за девкой.

Скоро они вернулись, и Мира отдала Ждане пустой горшочек, где раньше мазь была. Той на дне и правда оставалось всего ничего – только наскрести, может, получится. Елица медленно села, борясь с дурнотой и слабостью, что нагнало на неё монотонное, словно заговор, бормотание знахарки. Та внимательно заглянула в посудину, поддела пальцем остатки снадобья и понюхала осторожно.

– Хорошая мазь, – Ждана отдала горшочек обратно челядинке, а та будто просветлела от её слов. – Быстро помогла бы... коли не было бы на ней заговора. Он её силу другой стороной оборачивал. Из целебной – ядом сделал. А княженка ослаблена очень. Будто кто силы из неё не так давно пил – вот и довела её эта мазь до беды.

Мира и руку к груди приложила, охнув. Зато Леден её удивлению не поверил: схватил за локоть и дёрнул к себе.

– Ты княжну извести хотела? – рявкнул прямо в ухо, а та так и присела. – Отвечай!

– Не хотела извести, – запричитала та. – Я и заговоров толком не знаю. Так, кровь остановить немного да головную боль унять...

Княжич развернул её к себе лицом и встряхнул. Кмети зароптали, подходя ближе и прислушиваясь к переполоху. И судя по тому, каким

страшным холодом повеял направленный на девку взгляд княжича, ничего хорошего её не ждало.

– Подожди, княжич, – Елица встала, покачиваясь.

И так вдруг захотелось, чтобы снова прохлада его кожи остудила жжение, что волнами пробегалось по шее. Да, получается, он из неё силы выпил, когда в прошлый раз касался – больше некому. Теперь вдвойне осторожнее надо быть да подальше от него держаться.

– Что? – хмыкнул тот. – Попросишь, чтобы я и эту змею отпустил с миром? Своя жизнь не дорога вовсе?

Елица подошла и положила ладонь на его запястье, ощущая гладкость стальной наручи на нём и призывая отпустить Миру. Он прищурился, даже не двинув рукой и не ослабив хватку.

– Снадобье это тебе предназначалось, – продолжила Елица. – Не хотела я, чтобы жена старосты в Беличе увидела, что со мной случилось. И на мысли нехорошие наводит. Остёрцев и так всюду не любят. Сказала, что мазь для тебя нужна.

– Вот спасибо, – он покачал головой.

Гнев тут же сошёл с лица княжича, уступив место заметному недоумению. Получается, его отравить хотели, извести. Против него Годана зло удумала, а Елица случайно пострадала. Леден выпустил плечи челядинки и отступил на шаг. Та закрыла лицо ладонями и всхлипнула жалостливо. Но всё ж она видела, что синяки вовсе не сходят с кожи Елицы, а лгала, получается. Зачем?

– Прости меня, княжна, – захныкала Мира. – Я сказать тебе должна была, что мазь эта не лечит совсем. Только хуже делает. Не думала, что до такого дойдёт. Просто припугнуть хотела. Чтобы...

Она и вовсе разрыдалась. Леден нахмурился, неподвижно глядя на неё, а после рукой резко махнул, ничего не говоря, и вышел прочь. За ним поспешили и несколько кметей, самые ближние. Видно, допытаться хотели, что всё ж случилось. Ждана вздохнула понимающе и сунула руку в свою суму, что висела у пояса на перекинутом через плечо ремне, что-то выискивая. Брашко сел на лавку, с укором посматривая на девку, с которой за время пути успел, кажется, сдружиться – и теперь в его взоре виделось нечто вроде омерзения.

Припугнуть хотела... Чтобы Елица и вовсе подходить к Ледену боялась. Неужто придумала себе, что хоть сколько-то ему интересна, кроме как потешиться порой, почувствовать, как девица его ублажает?

Уж стары, как сам мир, эти пустые надежды, что вот на этот раз княжич, а то и князь сам обратит внимание на ту, которая прислуживает ему. Да так редко такое случается, что и не вспомнить ни единого сказания о том даже на девичьих посиделках.

– На вот, возьми, – Ждана наконец отыскала в своей холщовой суме какое-то снадобье и протянула его Елице. – Оно точно тебе поможет.

Вложила в руки прохладный горшочек и к двери направилась, не дожидаясь вознаграждения.

– Спасибо, – только и успела сказать Елица перед тем, как она скрылась в сенях.

– Пойдём, княжна, – Брашко встал, пряча взгляд от Миры, которая сейчас, кажется, искала на его лице хоть каплю понимания. – Тебе избу поменьше приготовили. Натопили уж и вещи твои туда снесли. Подождём теперь, как оправишься. Только как тебя теперь с ней оставлять?

Он качнул головой в сторону челядинки. Та вдруг бросилась к Елице, едва на колени не падая, схватила за рукав, пытаясь встретиться с ней взглядом.

– Прости меня, княженка! – затараторила сбивчиво. – Ума лишилась, не знаю, что в голову мне взбрело. Только не прогоняй. И не отдавай на наказание княжичу.

Елица высвободилась резким движением. Как бы знать, что и дальше не случится от Миры какой-нибудь подлости. Боится ведь, едва удерживает новые слёзы, что дрожат, грозясь пролиться, в покрасневших глазах. Знает, что многие мужчины наказывать умеют так же страстно, как и ласкать ночами. Таков ли княжич – Елица не знала. Но раз девка так испугалась, то раньше ей с Леденом было очень хорошо. Неприятно кольнула эта мысль.

Но больше всего кололо недоверие, что поселилось теперь в душе к Мире. И правда – как жить теперь рядом с ней, в одной избе, полагаться на её помощь...

– Как скажет княжич, так и будет, – бросила она, отступая.

Всё ж не отправлять её теперь одну обратно в Велеборск. Пусть попытается оправдаться, если и правда сожалеет о сделанном. Елица вздохнула, крепче сжимая в ладонях согретый теплом рук горшочек. Вокруг шеи до сих пор словно верёвка пеньковая вилась, и слабость во

всём теле не давала забыть о пережитом недуге. Она кивнула Брашко и вышла за ним во двор, оставив взбужораженных кметей шуметь, осуждая поступок челядинки. А та, испугавшись, поторопилась следом.

У самой избы они едва не столкнулись с Леденом. За ним спешил невысокий, крепко сбитый мужчина, что-то на ходу ему объясняя. По тому, как он был одет, по добротному мечу, что висел у его пояса вместе с ножом, уж можно было догадаться, что не из простых оратаев. Может быть, кто из старейшин или из дружины местной десятник. Завидев Елицу, княжич поднял руку, останавливая поток слов, что изливался из уст его сопровождающего. Тот быстро закрыл рот и вперился в неё, а через миг расплылся в улыбке.

– Здрава будь, княженка, – он поклонился почтительно да не так низко, как кланялся бы её отцу.

Она наклонила голову в ответ, старательно запахивая платок, ещё не завязанный толком.

– Ну, что ты решила? – Леден окинул её суровым взглядом. – Оставишь Миру при себе? Или другую спутницу тебе здесь найдём?

– А разве эта тебе уже надоела? – не удержалась она от колкости. Глаза княжича вмиг заледенели, словно родник морозной ночью. – Не надо другую. Уживёмся как-то.

Леден хмыкнул, покривившись, и всё его выражение лица как будто говорило: я так и знал. Мягкой её считает и доброй слишком. Может, оно так и хорошо?

– И что? Просто так ей всё спустишь? Если бы мазь та не закончилась, да не случилось тут Жданы, так она и отравила бы тебя насмерть, бестолочь.

– Наказать её можешь так, как нужным посчитаешь, – Елица с трудом заставила себя произнести это.

Княжич вдруг ослабился недобро. Переглянулся с мужем, что так и стоял рядом.

– А чего это я вместо тебя наказывать её буду? – резанул его голос издёвкой. – Я в каты тебе не нанимался. Княжить хочешь в Велеборске, а значит, и силы имей карать тех, кто против слова твоего идёт. Да жизнь твою и в куну не ценит.

С этими словами он вместе со своим спутником скрылся в избе. А Елица так и уставилась ему вслед, зная, что он прав. Самой нужно что-

то решать. Вся сущность её противилась наказанию челядинки, но и понимала она, что это необходимо. Всё ж до беды она могла довести, то ли по злости, то ли по незнанию. А вышло бы всё равно плохо. И коли попустить такой проступок, дальше от безнаказанности только хуже может сделаться, как бы сейчас Мира ни плакала и ни причитала.

Брашко проводил Елицу до избы, что для неё предназначалась. Прежде чем она успела зайти в сени, придержал её за локоть, шепнул:

– Позвать кого из кметей Доброги? Приказ отдашь?

Она кивнула благодарно: всё ж отрок у Ледена гораздо более понимающий, чем он. Скоро зашёл Прислав – воин из велеборской дружины – выслушал не слишком смелый приказ о наказании Миры с таким видом, будто заранее всё знал. На душе стало немного легче, хоть и прознает всё равно княжич о её слабости.

Как только кметь ушёл, Елица умылась и сама, не доверив Мире, намазала шею снадобьем, оставленным Жданой. Слушая напряжённую возню служанки, она прилегла, дожидаясь, пока мазь впитается. И сама не заметила, как уснула: до того хорошо стало. Только поздним вечером открыла она глаза, как услышала резкий вскрик, что донёсся из двора. Поморгала, ничего толком не сумев разглядеть в тёмной избе: лучины давно прогорели, да и печь почти уже потухла. Визг повторился и потонул в молчании. И снова вспыхнул среди тишины через мгновение.

В голове мутно сделалось, а во рту горько от осознания, что сейчас творится снаружи. Но на счастье скоро всё закончилось. Загомонили глухо мужские голоса, кто-то прошёл мимо избы. Елица наконец встала и разожгла огонь повсюду, отгоняя нехорошее, липкое ощущение, словно замаралась. Вспомнилась насмешка в глазах Ледена: хочешь править, умей и наказывать, если нужно. Пока она возилась с едва не потухшей печью, открылись в сенях двери, а после и в избу вошёл кто-то. Шаркая ногами по полу, Мира доплелась до ближайшей лавки и села на неё, уперев взгляд в пол.

Елица встала, вытирая руки полотенцем. Служанка не выглядела совсем уж обессиленной: видно, Прислав отстегал её кнутом не так рьяно, как мог. Ну, лежать будет неудобно первую ночь, а так – ничего особо страшного. Кметь хоть брови хмурил сердито, а разумел, что, если служанку сильно избить, то ехать дальше она не сможет ещё много дней. А это всем препона лишняя.

Ни единым словом до самой ночи они с Мирой не обмолвились. Повечеряли тихо да и спать разошлись. Только успела Елица увидеть, когда девка переодевалась, яркие алые полосы, что пересекали её спину.

Ещё на день пришлось задержаться в Житихе. Хоть Елица убеждала Ледена, что чувствует себя уже хорошо, но тот никак не пожелал отправляться в путь с утра. Его самого целый день не было: пропадал у старосты, о чём-то с ним разговаривая. Уж каким тот приветливым оказался, даже беспокойно становилось: как бы не решили снова княжича отравить.

Но всё обошлось. Следующим утром кмети собрали скарб, что успели вынуть из телег на постое, да снарядились ехать дальше. Елица нынче чувствовала себя и вовсе так, будто ничего и не было. Да и Мира уже бегала в хлопотах так же бодро, как до наказания. И безмолвно решено было между ними случай тот глупый и досадный не вспоминать более. Если повода больше не случится.

Вместе они вышли во двор. Челядинка устроилась на облучке телеги рядом с Брашко, который весь день накануне воротил от неё нос. Нынче отрок, кажется, даже оттаял слегка, заговорил с ней тихо, но быстро отвернулся, ещё храня обиду. Кмети погрузились на коней, улыбаясь ясному дню, что обещал лёгкую и приятную дорогу до Радоги. Оставалось до него пути всего суток двое, коли не задержит снова какая напасть.

Вышел последним из сеней гостинной избы Леден. Окинул всех взглядом придирчиво и вновь к Елице подошёл, которая в этот миг здоровалась со своей покладистой кобылкой, потчuya её солёной горбушкой. На сей раз она не стала противиться тому, чтобы княжич помог ей в седло подняться. Вытерпела и его руки, что крепко обхватили талию, опёрлась на твёрдое плечо. Раз важно ему такую заботу оказать – то что уж упрямитесь нарочно.

Они выехали по хорошо просохшей за день дорожке. С границы обширного пала подступал зеленовато-серой стеной лес. В груди так легко делалось от смолянистого духа сосен, что перемежались здесь с нарядными берёзами, которые как будто задышали тихо, когда пустился по их стволам сок. Чудно было ехать в проснувшемся святилище Хозяина, что с каждым днём весны будто сияло ярче. Заливались кругом птицы на разные лады. Мелькали, вспархивая с

земли или веток среди рыже-бурых стволов и тоненьких остовов прошлогодней иссохшей травы.

И, хвала всем Богам и духам, что окружали отряд путников все дни пути до Радоги. Ничего скверного больше не приключилось.

А вскоре Елица начала узнавать так запавшие когда-то в душу места. Древние скалы, что прятались в чаще, то и дело показывая на свет мшистые бока. И заливные луга, что раскидывались просторными равнинами в пойме реки Сойки. И защемило где-то под сердцем от воспоминаний. Как ехала Елица впервые к жениху – знакомиться. И как после навещала его с отцом, увязываясь за ним так часто, как могла. Радим сразу пришёлся ей по нраву, и ничуть она не пожалела, что таким стал выбор Борилы жениха для дочери. Да и мало она тогда жизни знала. После только поняла, что многое в ней случается вовсе не так, как хотелось бы. Мыслила она себе счастье рядом мужем любимым, а оборвалось оно едва через луну после свадьбы.

И казалось теперь, что каждый куст в окрестностях Радоги, каждая тропка и каждая поляна напоминают о несбывшемся. Не хотела она сюда возвращаться. Думала, утешение в другом найдёт. А вот теперь словно по живому её резало.

Скоро показалась впереди охваченная светом предзакатного Дажьбожьего ока весь: стена невысокой скалы среди леса – и раскиданные полукругом у её подножия избы. Въехал отряд на кишашую людьми, точно летний воздух – мошкаррой, улицу – и плеснула по ней весть о чужаках, что понеслась вперёд к самой избе старосты.

И потому встретил их у высоких ворот в окружении ближней дружины, что напоминала городскую, сам Остромир. По Ледену, что впереди ехал, он только взглядом мазнул, а вот Елицу сразу заметил. И пробежала по его лицу тень – как будто и обрадовался, но и опечалился тоже. Потому как понимал, что вряд ли она приехала сюда просто погостить-повидаться.

– Здрав будь, Остромир, – громко поздоровался с ним княжич, обращая на себя внимание.

Остановил коня прямо перед ним и склонил голову чуть набок, ожидая подобающего ответа.

– Здрав будь, княжич, – чуть поразмыслив, кивнул староста. – Вижу, с делом важным приехали, раз не поленились столько вёрст

отмахать.

– Тебе важнее сейчас должно быть, что мы приехали с добром, – Леден усмехнулся и спешился.

Встал перед ним, возвышаясь на добрую половину головы, и кметям своим махнул, приказывая проезжать дальше.

– Тоже верно, – согласился Остромир. – Раз никакого зла с собой не привезли, то будете гостями.

Глава 7

Остромир жестом пригласил всех проходить в сени. Только когда Елица с ним поравнялась, за локоток придержал – и тут же обернулся Леден, словно почуял. Староста улыбнулся ему, и княжич мешать разговору не стал.

– Ты как тут вместе с остёрцами оказалась, Еля? – проговорил он тихо, склонившись к ней.

Она едва не дёрнулась, точно от удара. Продрало изнутри груди словно бороной от того, как Остромир её назвал. Так Радим любил имя её ласково шептать, касаясь губами уха, в тот самый миг блуждая ладонями по телу и разгоняя по нему искрящиеся волны желания. Как давно она об этом не вспоминала, а вот сейчас снова залило щёки жгучим румянцем от одной только мысли.

– А судьба меня не спросила, когда с ними свела, – она приостановилась у дверей и посмотрела в светло-карие, такие же, как были у его сына, глаза Остромира. – Они говорить приехали. И своё забирать, коли отыщется.

Лоб старосты пересекли морщины, как будто он не догадался даже, за чем остёрцы пожаловали. И от столь явного непонимания во взоре бывшего свёкра на душе стало тягостно, будто путь весь был проделан зря.

– Ладно, – буркнул Остромир. – Разбираться, значит, будем с княжичем этим.

Он пропустил Елицу вперёд себя и затворил дверь, как только все внутри оказались.

Леден уже сидел за столом в окружении двух кметей, которые с ним остались, и Брашко. Свет от печи бледной каймой очерчивал фигуру княжича, отчего затенённые глаза его казались тёмными, что два провала в земные недра. Жена старосты Сияна, чуть располневшая за пять лет, с растерянностью смотрела на внезапных гостей. Она перевела взгляд на мужа, а после на Елицу, и её лицо вытянулось. Она быстро обошла мужчин и обняла её так стремительно, что та не успела и поздороваться.

– Я уж думала, не увижу никогда тебя. Скучала так страшно, как ты уехала, – забормотала Сияна, прижимая к себе всё крепче.

– На стол накрывай, – быстро и сердито распорядился Остромир, прерывая её причитания.

И сам Елицу к столу отвёл. Усадил на свою сторону, прямо напротив Ледена, который наблюдал за встречей женщин, что раньше были друг другу родичами, с лёгким любопытством. Вышла к гостям и младшая дочка Остромира – Убава. Как Елица тут жила, бегала она девчонкой, еще не опоясанной понёвой, в рубахе, перешитой из материнской. А теперь перехватывала её чело нарядная лента, расшитая бусинами, поблескивали у висков бронзовые кольца, похожие на лучистое солнце – такие носили только здесь. В руку толщиной золотисто-русовая коса её спускалась почти до колен – истинная гордость. Девушка обошла стол, ставя перед каждым, кто за ним сидел, деревянную миску, а парни так и смотрели ей вслед, толкали друг друга в бока и многозначительно переглядывались. Они и шептаться, верно, принялись бы, ничуть не стесняясь родителей Убавы, но один грозный взгляд Ледена, которым он обвёл соратников – и оживление среди них тут же пропало.

Пока женщины хлопотали кругом, выставляя угощение на такую большую ораву мужей, Остромир внимательно оглядел Ледена, а тот вытерпел, ничего пока не говоря.

– Так зачем приехали? – поинтересовался староста. – Чего вам в наших краях понадобилось?

Княжич кивнул на Елицу.

– Она нас сюда привела. Сказала, что ты помочь нам можешь. Потому как дружбу крепкую водил с Борилой Молчановичем. Такую, что тот аж за твоего сына свою дочь, княженку, выдал. За обычного скотовода. Не странно ли?

Остромир плечи расправил, и с лица его сошла вся притворная приветливость. Он поиграл желваками, заметно удерживаясь от резких слов, а Леден смотрел на него невозмутимо, словно никаких дерзостей с его губ и не срывалось.

– Таково было решение Борилы, а Елица ему не противилась. И не тебе, княжич, о том судить, – ответил староста, слегка охолонув.

– Не мне, конечно. Но я всё ж правду сказал...

– Скажи, Остромир, – прервала их перепалку Елица, опасаясь, что может выйти ссора, – отец мой ничего не говорил тебе про Сердце Лады? Многие люди обвиняют его в том, что когда-то он забрал его...

– Украл, – поправил Леден.

Елица покачала головой. Неприятно было говорить так о собственном родителе, но за давностью лет она не могла ни в чём быть уверенной.

– Он забрал его у князя Светояра и укрыл где-то. И, говорят, оттого в Велеборском княжестве не было за много лет ни одного неурожайного лета. И дела здесь идут хорошо, – она помолчала, разглядывая озадаченное, напряжённое даже лицо старосты. – Мне батюшка о Сердце рассказывал мало. Да и то в детстве больше. Но я подумала... В то время, когда вы нашу с Радимом свадьбу устраивали, он часто здесь бывал. И дружба ваша давняя...

– Думаешь, я Сердце укрываю по его просьбе? – Остромир наконец улыбнулся.

– Я не знаю, что думать, – Елица повела плечом.

И так хотелось взмолиться о помощи, объяснить всё так, как есть, а на глазах у Ледена и его кметей – как жалко это будет звучать! Она не хотела выглядеть слабой, хоть и знала, что княжич её гораздо сильнее. За его спиной сотни воинов. А она лишилась и той дружины, что была в Лосиче. Он требует то, что принадлежало его роду по праву, и что бы о них с Чайном ни говорили – у них своя правда.

– Если ты знаешь, где Сердце, – неожиданно пришёл ей на выручку Леден, – то лучше тебе рассказать. Так ты и княженку убережешь от беды. И весь свою.

Открытая угроза прозвучала в его голосе, но настолько уверенная и веская, что становилось от неё много страшней.

– Так вас, кажется, немного и прибыло, – решил позубоскалить Остромир. – Чего же ты меня тут стращаешь, княжич?

– Со мной воинов немного, верно. Так я и не воевать приехал, – тот кивнул благодарно жене старосты, когда та поставила перед ним телятину с укропом и репой. – Зато под Велеборском войско стоит немалое.

Сияна тревожно посмотрела на мужа, пытаясь одним только взглядом предостеречь от долгих пререканий. Невидимым, но

тяжёлым туманом повисло в избе напряжение. Кмети принялись за еду, почти неслышно, боясь помешать, ударяя ложками по стенкам мисок.

– Раз Елица сама ничего о том не знает, где Борила свою ценность спрятал, то я уж и подавно, – Остромир вздохнул, глядя на жену, которая села рядом с ним. – Да, княже часто здесь бывал. Ещё когда дети наши малы были и ни о какой свадьбе речи не шло. И дружили мы с ним крепко. Но ответить мне, княжич, больше нечего.

Он замолчал, а Елица только голову опустила. Как разгадать загадку, о которой всю жизнь ни разу не задумывалась? А вот отец – наоборот – всю жизнь тайну свою хранил. И с какой стороны к ней подобраться, она больше и не знала. Отчаятся братья Светоярычи, обозлятся – и примутся каждую вещь перетряхивать, как и грозились. А то и прогонят всех с земель, которые так давно Рожаницы хранят, считая, что им здесь жить больше положено. А то и Радану какое зло учинят – отыгаться.

– Может, и не знаешь ты многого, Остромир, – помолчав маленько, снова заговорил Леден, явно не собираясь оступаться. – Но плату же ты хорошую получил за что-то, – он указал взглядом на Елицу. – И хоть режь ты меня сейчас на куски, не поверю, что просто так это случилось.

– Я как плату свою получил, так и потерял её... Вместе с сыном, который погиб, с остёрцами сражаясь, – начал вновь закипать староста.

Сияна накрыла его сжатую в кулак ладонь своей и по губам её пробежала испуганная улыбка. Она перехватила взгляд Елицы и вдохнула, собираясь говорить тоже.

– Борила не просто так сюда приезжал, – её чистый голос сразу заставил мужчин посмотреть на неё. Остромир глянул на жену ошарашенно, но не в силах был уже остановить. – Он со своими людьми ходил по волховьей тропе в лес. Давно. Ещё Велеборск строился. А Елица родилась только. Брал нашего человека в проводники. Кто лучше всего эти леса знает. Куда ходил, мы о том не спрашивали. Да и хотел бы сказать – сказал. Да только в той стороне, знают многие, есть святилище Велеса старое. Ещё пращурами устроенное. Наши туда не ходят совсем – болотом всё заросло. Может, и затопило его уже. Но, может, Скотий Бог сможет ответы дать? Не к нему ли Борила тогда ходил?

– Что ты выдумываешь? – всё же остановил её рассказ Остромир. – Ну, ходил он куда-то. Как это может быть с Сердцем тем связано?

– Ты сам знаешь, – бросила Сияна и поджала губы.

Елица из того, о чём жена старосты рассказала, и не помнила ничего, конечно. Куда ей, мала была совсем. Но не зря догадка привела её сюда, получается. Будто самыми дальними, глубинными уголками памяти она чувствовала, что здесь, в этих окружённых старыми горами лесах и лугах, может крыться отгадка. И не сказать, что она обрадовалась тому, но всё ж на душе стало немного легче. Княжич, выслушав Сияну, вновь на неё посмотрел. И от взгляда его по спине словно беличьим хвостом мазнуло: столько было в нём задумчивости и чего-то ещё, зыбкого, неуловимого, отчего хотелось ёрзать на месте.

– Ну, вот, – проговорил он мягко, обращаясь к Остромиру. – А ты упрямылся. Женщины, они много мудрее нас. Ты мог до вражды довести. До крови. А жена твоя того не хочет – и она права.

И казалось бы, не было в его тоне угрозы, а староста всё равно побледнел. На щеках его проступил неровный румянец.

– Можете в лес сами идти той тропой. Только не знаю, чего вы там сыщете.

– Пойдём, не сомневайся. И Елица с нами пойдёт. И человек тот, кто Борилу в места заветные водил.

– Тот человек не пойдёт, – хмыкнул Остромир. – Помер он в тот же год. Медведь в лесу задрал.

Леден головой досадливо качнул, но его намерений, видно, это никак не изменило.

– Ничего, у нас жрица Макоши есть. Проведёт через недобрые места.

– Проведу, – уколола его взглядом Елица. – И надеюсь, что после вы с братом нас в покое оставите.

Княжич ничего на это не ответил. Взял ложку и принялся за еду, уже почти остывшую. К тому времени кмети его уже сели, сложив руки на колени и лишь прислушиваясь к разговору. Они то и дело переглядывались, а порой и прешёптывались о чём-то.

После вечера ушёл княжич вместе со своими людьми в гостинные избы. В своём доме остаться Остромир ему не предложил, а тот и не осерчал вовсе. Звала Сияна Елицу у них переночевать, но Леден на это

твёрдо ответил, что княженку из-под своего надзора не выпустит – и деваться ей было от того некуда. Только осталась она ненадолго в доме старосты: поговорить, расспросить, как жили они эти годы, ведь так долго не виделись. Княжич разрешил, но напоследок всё же сказал, что Брашко за ней отправит – чтобы допоздна не задерживалась: с утра рано снова в путь отправляться.

Елица села на лавку к печи поближе, греясь живым её теплом. Оглядела избу спокойно – и показалось, что каждая вещь здесь на том же месте, что раньше была. Сияна опустила рядом, всё разглядывая её, будто до сих пор ей не верилось. Остромир проводил последних гостей и устроился за столом, с которого единственная в доме холопка убирала пустую посуду.

– Так ты что же теперь, с остёрцами дружбу водишь? – с явным упрёком проговорил староста, словно она предала память Радима, который погиб от руки кого-то из них.

– Да что ж ты? – всплеснула руками Сияна, напугав задумавшуюся о своём служанку. – Не видишь разве, что вовсе она с ними не знает. Беда её с княжичем этим окаянным связала.

Староста вздохнул тяжело, продолжая разглядывать Елицу исподлобья. Заглянула в хоромину из своего закутка Убава, прислушалась и тоже рядом подседа. И так тревожно посмотрела, смущаясь будто бы, что нехорошо на душе стало. Много сегодня она молодцев один другого пригожее увидела. Тут не захочешь, а взволнуешься. А если они ещё на много дней здесь задержатся, так и остальные девицы в веси покоя лишатся. Отец, похоже, заметил странное настроение дочери – и нахмурился пуще.

– А Еля пусть сама мне скажет.

– Они Радана забрали, увезли, – заговорила она. – Городу угрожают. Может, и сжечь захотят – кто их знает. Я помочь им согласилась. Так они только Велеборск оставят и брата вернут.

Больше сказать было нечего. В этих словах только заключалась та беда. Простая кому-то, да невеликая – но что разрывала сердце необходимостью идти на поводу у тех, кто жизнь её уж второй раз рушил.

– А давай мы вои соберём. Пока княжич этот по лесам мотается, ищет сам не зная что, – чуть поразмыслив, вдруг предложил Остромир. – Вокруг нас весей много, люди не откажутся бока

остёрцам намять. Уж сколько наших не вернулось из сечи этой бесконечной, что два князя меж собой затеяли.

Елица приняла из рук Сияны кружку с горячим, только нынче сваренным киселём, отпила – и пропитанная ароматом лесной малины гуща разлилась по телу домашним теплом.

– Убьёте княжича, – возразила она как можно мягче, но и уверенней, – и брат его, Чаян, сюда такое войско поведёт, что никого в живых не останется. Они с виду мирные, а Зимава вон за горло взяли. Да и меня, получается, тоже.

Староста посмурнел, конечно, но на своём не настоял, да только думу некую как будто всё же затаил. Больше они о княжичах говорить не стали. Принялась Сияна расспрашивать о том, как жилось Елице все эти пять лет. Да чему она у волхвы той обучилась. Та рассказывала охотно, погружаясь в благодатные времена, когда было всё спокойно в жизни, тягуче. И хоть всегда она знала, что схватки князей то и дело случаются, а казалось, что никогда до отца не дотянется меч противника. А уж тем более – до Отрада.

Засиделись допоздна. Задремала холопка под спокойные разговоры, прислонившись виском к стене. И мысли в голове потекли вяло, уставшие, смешанные. Пора бы и спать собираться: Мира уж, верно, волнуется, а то и Леден сам гневается. И не успела она о том подумать, как затопотали в сенях, загремело что-то, опрокинувшись. В хоромину ввалился Брашко, запыхавшийся, будто за ним свора одичавших собак гналась. Остромир даже привстал, чуя недоброе. А Елица и вовсе чуть кружку пустую из рук не выронила.

– Возвращаться тебе надо, княжна, – выдохнул отрок и шапку скомкал, зажатую в руке. – И помощь твоя нужна, староста. У нас княжич пропал.

Остромир, кажется, не поверил сначала. А вот Сияна сразу вскочила, но присела назад, повинувшись резкому взмаху руки мужа.

– Может, прогуляться вышел? – староста усмехнулся даже.

Но Брашко головой замотал и уставился на Елицу, будто она только его понять могла. Сблизил их немного тот случай с буйством Ледена после нехорошего сна.

– В избе был. Уж спать ложиться собрался: устали мы нынче все. Я только отлучился до колодца. Тут он, близко совсем. Вернулся, а нет

его. Кмети сказали, и правда вышел. А снаружи кто был – его не видели.

– Вы сами-то его искали? – не слишком поторопился на выручку староста.

И едва не подпрыгивающие на месте женщины, которые готовы были уже броситься на подмогу даже неприятелю, вовсе не заставили его спешить.

– Искали, конечно, – отрок даже обиделся будто. – Всю весь обошли уже. В каждом дворе спросили. Потому я и пришёл так поздно. Никто его не видел.

Теперь уж наконец Остромир встал и пошёл к двери, прихватив плащ. Елица тоже накинула суконный распашень и спешно вышла за ним, едва попрощавшись с хозяйкой. Запахиваясь на ходу, она догнала старосту и Брашко уже у калитки.

– Если до утра не сыщем... – Остромир вздохнул, покусав ус. – Значит, снова Чарина злобствует.

Имя это показалось знакомым, будто слышала его когда-то, а вот где и кому оно принадлежало – вспомнить не могла.

– Кто это? – Брашко глянул на старосту искоса. – Мавка какая-то, чтоль?

Тот головой неопределённо покачал, словно задумался, как бы рассказать лучше. Опустил взгляд на Елицу и снова уставился куда-то в конец ночной улицы, что вела к гостинным избам. Там уж царила небывалая суматоха – издалека видать. Мелькали зажжённые факелы и тёмные фигуры местных вперемешку с кметями. Остромир, не задерживаясь, вошёл в избу, где должен был ночевать Леден, и, привлекая к себе внимание растерянных воинов, гаркнул:

– Кто старший у вас?

Тут же вперёд выступил десятник Стоян – самый ближний княжичу человек в отряде.

– Ну, я, стало быть. Пока княжич не сыщется.

– Что ж вы такие растяпы, что своего предводителя упустили? – Остромир прошёл дальше, озираясь. – Как он так проскочил мимо вас? Смотрите, где-то девицу в углу прижал, развлекается. А вы тут уже все переполошились.

Десятник нахмурился, явно осерчав на небрежные слова старосты. Другой кметь, Истр, парень вспыльчивый и вечно

встречающий в любые перепалки, уже и уши наострил, готовый уцепиться за что угодно, чтобы поспорить, а то и кулачищи почесать.

– Если мы не видели его, – ещё спокойно ответил Стоян, – значит, у вас тут дело нечистое творится. Твои козни, староста? Уж я видел, как ты зыркал на него.

– Не его это козни, – вступилась Елица. – Я всё это время с ним рядом была. Ни с кем лишним он не говорил даже!

Стоян и её взглядом хлестнул. Они княжича потеряли, так теперь против всех “не своих” ополчатся. Остромир обошёл избу от печи до двери и повернулся к десятнику снова.

– Есть у нас тут заковыка одна, – он вздохнул, а стоян прислушался, понемногу остывая от первых упрёков. – Больше четырёх зим назад у нас тут девица от любви несчастной со скалы бросилась в реку. Чарина её звали. Тело её много ниже по течению, в другой веси выловили. Вроде, и погребли, как полагается, и оплакали. А она повадилась появляться снова да парням головы дурить. То уведёт куда в лес, то в реке утопить попытается. А двоих так и погубила. Уж волхвы бились, заговоры плели, у Богов заступы просили. А ничто её не берёт. То пропадает надолго, то снова появляется – никакого покоя нет. Тут одного молодца ещё в начале просинца пыталась в лес свести. А после притихла. Вот и думается мне, может, она княжича вашего увела? Раз никто не видел, как он уходил. Она глаза отводить ох как умеет.

Стоян с Брашко переглянулся, что за плечом старосты стоял. Вздохнул, раздумывая, и решая, видно, верить тому, что тот рассказал, или нет.

– Ваши бабы тут тоже Чарину эту упоминали, – наконец проговорил он. – Как так вышло-то? Почему его?

– Да кто же её знает. Она выбирает всегда разных.

Начали помалу сходитьсь в избу и другие кмети. Вставали у порога, прислушиваясь к разговору, чесали затылки: перед неведомым, перед духами или навью даже воины волей-неволей оробеют. А Елица всё понять пыталась, о чём имя беспокойной умертвии ей говорит, какие воспоминания вызвать силится.

– Но она же не всегда губит? – с надеждой заглянул Брашко в лицо старосты.

– Если успевали похищенного поймать, то не всегда. Да и то, думается, она сама их отпускала. Позабавится, напугает да и скучно ей становится. Но, говорю ж, и смертью порой оканчивалось. Тут не угадаешь.

– Надо искать идти, пока она его куда не завела, – Стоян поправил пояс с оружием и запахнул плащ, готовый немедленно броситься на выручку княжичу.

– Мы поищем, конечно. Хоть ночью и бесполезно, – покачал головой Остромир. – Никого и никогда мы ночью не находили. Только поутру, как встанет Дажьбожье око. Его любая навь сторонится. И чары их слабее становятся. Вы лучше отдохните. Попробуйте поспать. А мы тут окрестности прошарим.

– Да что б я тебе дозволил Ледена искать? – хмыкнул десятник.

– Ну, с нами пойти можешь.

– И мне идти? – без особой охоты уточнила Елица.

– Нет уж. Ты тут до утра точно останешься! – вмиг взъярившись, одёрнул её староста. – А утром посмотрим. Коли и правда не сыщем, может, помощь твоя и понадобится. А сейчас кыш в свою избу и спи.

Он отвернулся, показывая, что разговаривать больше с ней ни о чём не намерен. Ты ж посмотри, точно отец ей приказывает. Словно маленькая она. Елица сжала кулаки, рассерженная его внезапно резким тоном, но осторожно за локоть её тронул Брашко.

– Ты и правда пойди, отдохни до утра. А мы тут пока справимся, – он потянул её прочь. – Мира ждёт давно. Волнуется тоже.

Ещё бы она не волновалась! Уж прикипела к княжичу накрепко. Хоть и наказали её после случая того скверного с мазью, а всё ж ходила она к нему порой – Елица своими глазами видела. Простил ей Леден проступок неосторожный. Так тешиться с ней, оно что ж – не мешает совсем. Ещё больше злясь от таких мыслей, Елица всё ж вышла вслед за отроком прочь, продолжая напоследок прислушиваться к тому, как кмети судят, кому первому на поиски идти, а кому – утром.

Во дворе толпились люди, переговариваясь и от души перемывая кости пришлым. Больше всего, конечно, Ледену доставалось. Похоже, не слишком-то они хотели ему на помощь идти. В сенях другой избы уже встречала Мира – глаза на мокром месте. Уж так, видно, за княжича испугалась, что и места себе найти не могла. Брашко

попрощался, оставив Елицу на её попечение, что-то тихо сказал девке и вернулся к своим.

Вместе с Мирой они укрылись в тепле избы. Елица скинула платок, отлепила от висков влажные пряди: так нехорошо внутри всё вздрагивало, что аж сердце трепыхалось, словно загнанное, и жарко становилось даже прохладной ночью.

– Что говорят – жуть, – захныкала челядинка. – Неужто погубит?

Елица раздражённо откинула убрус на скамью и сама села тут же.

– Что будет, там увидим. Может, сыщут ещё.

– Ты так об этом говоришь, княженка, будто не жалко тебе его совсем.

Елица и брови вскинула, подняв взгляд на челядинку, которая едва удерживала слёзы.

– А кто он мне такой, чтобы я о нём печалилась? Из-за него отец мой погиб. И брат. Он Радана пленил, Зимаву запугал и меня пытается. Почему я переживать должна? И плакать. Сыщется – значит, повезло ему. Удачливый. А нет – не я его судьбу ткала. Макошь так посудила. Чем смогу помочь – помогу. Но и сердце себе рвать из-за него не стану.

Она встала и, отвернувшись, начала ко сну переодеваться. Под тяжёлым взглядом обиженной невесты чем девки, умылась и юркнула под шкуры на твёрдую лавку. Не хотелось ей, чтобы Мира сейчас её глаза видела. Пыталась она холоднее о Ледене отозваться, чтобы не думала та, что судьба его как-то её тревожит. А совесть за такие жестокие слова всё ж подгрызала. Скоро и Мира улеглась, потушив лучины. Стих во дворе всякий шум: кмети и те местные, что на подмогу им вызвались, уже в лес отправились, ночью совсем неприветливый и страшный. А остальные спать разошлись: коли не повезёт, так силы на поиски им утром понадобятся.

Елица замерла, отвернувшись к стене и слушая, как беспокойно ворочается челядинка на своей лавке. Мира вздыхала и всхлипывала, вызывая тем удивление и любопытство даже: чего такого Леден с ней сделал, что так накрепко в душу её въелся, раз вовсе не скрывает она, как он ей важен? Вспомнила и вечно невозмутимое, суровое даже лицо княжича с грубоватыми, мужественными чертами. И глаза его дивные, то хлещущие ледяной плетью, то вдруг озаряющиеся теплом – лишь иногда. А в довесок вспыхнул в памяти тот случай короткий, когда она его обнажённым до пояса видела. Вот ведь, всего мгновение, а как

отпечаталось – и жарко стало от пят до макушки самой. И разве лучше она глупой челядинки? Лежит, образ его перед взором вызывает. Ничего – сыщется. Что ему сделается, чурбаку ледяному, его сама Морана охраняет...

Разозлившись на себя, Елица зажмурилась и неожиданно быстро провалилась в сон. Была в нём спокойная чернота, да вдруг подёрнулась рябью, осветилась пылью звёзд, отражённых в колодезной глади. Целая бездна, омут, на дне которого хранится то, что смертным людям неизвестно. Проступило на спокойной поверхности лицо, но не Елицы, которая смотрела сейчас вниз, не видя ничего, кроме тёмного неба. А была эта женщина в годах, но как будто задержавшаяся в некоем возрасте навечно – потому как в глазах её виделась неизбывная мудрость и зелень самого Мирового дерева. Голову её венчала красная расшитая бисером кика, спускаясь пологом на плечи.

– Не злись на него, – шепнула женщина. – Все нити княжичи тебе запутали, что сотканы мной когда-то были. Да и свои тоже. Отцы ваши ещё дело то начали, своих детей на многие испытания обрекли. И распутывать теперь этот клубок вам вместе придётся. Иначе не будет никому хорошей жизни.

– Может, лучше, если... – Елица даже осеклась от звука своего голоса. – Если сгинет он в лесу. Всё равно, кому какая радость от него? Словно неживой он вовсе. А брат его поймёт...

Женщина покачала головой с укором. Качнулись серебряные кольца у её висков, и по бледно-синей ткани пробежала будто бы пыль искристая.

– Вот не думала, что от жрицы своей когда-то такое услышу. Душа твоя светла должна быть. И ты должна мудрее быть всех распрей и гнева человеческого, который от игры крови вскипает. И от обид застарелых. Помочь тебе надо княжичу. Тогда и себе поможешь тоже.

– А если Сердце сыщу да им отдам, разве будет на наших землях хорошая жизнь? Или так мы мыкаться начнём, как сейчас – остёрцы? – этот вопрос мучал Елицу не меньше других.

Как быть, если помощь княжичам обернётся против всех жителей Велеборского княжества? Что тогда она людям скажет?

– Сердце то – хитрость. Дар Рожаниц, которого быть не должно, – вздохнула женщина. – Потому о том, где оно, я ничего не знаю – так

оно миром людей срослось, затерялось в нём. Не я его в жизнь твоих пращуров вплетала. И мне оно неподвластно.

Лицо Макоши стало растворяться, бледнеть, и скоро осталась на воде только россыпь лунного песка, сотни глаз духов и Богов, глядящих из самого Ирия. Холодных и далёких...

Елица распахнула глаза – и оказались, что ещё почти темно за окном. Прогорланил где-то поблизости петух. Заворочалась Мира, что-то тихо бормоча. Елица осторожно, чтобы не шуметь, встала и начала собираться в путь, близкий или далёкий – там время покажет. Взяла она тёплые одеяла – связала кольцом, чтобы через плечо перекинуть. И огонь развести чем, даже бересту сухую, всегда в мешке припасённую не забыла. Мало ли что, а так спокойнее. Пока вещи свои перебирала, решая, что в лесу пригодится, поднялась и Мира. Сразу разумеет, куда княженка собралась, принялась помогать рьяно: и еды в дорогу приготовила, и платок поплотнее из сундука достала. Хоть и тепло днём, а по утрам ещё прохладой веет. Уже и не сомневалась Елица, что идти всё ж придётся. Если бы княжич сыскался до рассвета, ей сказали бы: Брашко обещал. И вещи все готовы были вовремя. Только успела она поутренничать приготовленной ещё с вечера кашей, как скрипнула тихо дверь сеней, после – вторая, и в избу заглянул Стоян. Лицо его, осунувшееся и бледное от бессонной ночи, выглядело мрачнее некуда. Но он заметно удивился, обнаружив Елицу готовой выходить на поиски хоть тотчас же. Даже растерялся как будто, позабыв, что сказать хотел.

– Там кмети уже выходят – дальше искать, – просипел, вяло моргая. – Мы ничего не нашли. Ни единого следа.

Она и так всё знала. Не обманул Остромир, рассказав о погибшей девушке. Не просто так постращать задумал. И жуть холодная всего произошедшего отражалась сейчас в усталых, покрасневших глазах десятника.

Елица, кое-как уместив на себе все вещи, что оказались совсем не тяжёлыми, вышла во двор, где шумели и толпились отдохнувшие ночью и готовые искать Ледена кмети да радогчане, что, несмотря на всю нелюбовь к остёрцам, согласились снова им помогать. Думается, многим просто хотелось убедиться, что княжич и правда сгинул Лешему на потеху, но некоторые, верно, не желали ему зла.

Сыпал на головы собравшихся нудный, словно невыспавшийся дождь. Оседал на волосах и платках мелкой пылью, тяжелил одежду и размывал помалу землю под ногами. Идти будет тяжело.

Во главе всех встал сегодня охотник Атей из Радоги. Громко, чтобы все услышали, пообещал провести по всем известным ему тропам, да только в голосе его совсем не было уверенности, что это княжича найти поможет. Смурной от усталости, подошёл к Елице Остромир, погладил по плечу, разглядывая её особенно внимательно.

– Сегодня к Утопленнику пойдёте. Мы до него ночью не добрались, – сказал тихо и как-то бесцветно.

– Что за Утопленник? – она подняла на него взгляд.

– Камень, с которого Чарина в реку бросилась. Да и не одна она. Много их было во все времена. Место недоброе. Но и ты непростая, – староста улыбнулся. – Только Атея всё же держись.

Елица кивнула и по торопилась за уходящими уже по скользкой тропе мужчинами. Плохо она понимала, чем помочь им может, кроме как поддержать дух и веру в то, что недобрые силы их не коснутся, пока она рядом. Следов она не ведала, местных троп – и подавно. И хоть леса она не боялась любила его: в детстве с нянькам, подругами и челядинками часто по грибы или ягоды ходила – а трепета перед ним за всю свою жизнь так и не растеряла.

Мужи с неё ничего и не спрашивали: оборачивались только по дороге порой, да попросили в святилище здешнем небольшую требу зерном да хлебом принести на удачный путь. А после у границы леса – Хозяину его. Жрица всё ж, обряды ведаёт. Но потом и вовсе о ней как будто позабыли.

Ещё чуть позже разбрелись кругом, перекликаясь и выискивая следы, которых могли не заметить ночью. Да только ничего не нашли и начали вновь сходиться к тропе. Елица держалась широкой спины Истра, который среди них был за старшего, но больше бездумно болталась за ним, озираясь и прислушиваясь. Иссиня зелёный лес, подёрнутый дымкой бесконечной мороси, молчал. Даже птицы не чирикали, не шумел ветер, словно захлебнулся в тяжёлой хляби, повисшей над кронами сосен и елей, над округлыми горбами старых гор. Было тихо и страшно кругом. Лишь звенела где-то вдалеке беспокойная Сойка, перекатывала камешки на дне и омывала берега, широко раскинув свободные ото льда воды в стороны.

Земля стала топкой, дождь разошёлся сильнее, что рогожные плащи уж переставали помогать, и мужи заговорили о том, чтобы устроить привал.

– Поищем ещё! – упрямылся Истр.

Глядели сумрачно кмети на радогчан, не желая прерывать поиски, пока все ещё в силе. Так и брели, переругиваясь тихо, и нарочно избегая самых крепких слов, чтобы не гневить духов леса в их Храме.

Елица зябла всё больше. И захотелось всё ж попросить Истра разрешить всем остановиться и хоть немного погреться у огня. Но не решалась всё, боясь показаться обузой – тянула.

Показалось на миг, что прозвучали шаги где-то позади, уже там, где все прошли. Она встала и обернулась, силясь рассмотреть хоть что-то среди буро-зелёного смешения стволов, ветвей и сухих метёлок прошлогодней травы. И проскользнул будто бы вдалеке то ли обрывок тумана, то ли человек в светлой одежде. Но снова всё смолкло, и подумалось, что это, верно, просто эхо от хруста валежника под ногами мужчин, а остальное – игра света и теней среди покачивающихся веток. Елица вздохнула и снова повернулась к Истру, который только что шёл впереди... Но его рядом не оказалось.

Не было вокруг совсем никого, не слышались голосов и звонких окликов. Как будто плотнее сомкнулись бронзовые стены сосняка, навис хвойный полог над самой головой. Ни примятой травы, ни звука лишнего, как-будто и не было здесь людей много лет как. Елица, всё ещё не веря, что это случилось, прошла чуть дальше, туда, где скрылись, наверное, мужчины. “Отпусти, Хозяин, не пугай. Зла я тебе не несу, храму твоему и детям твоим, – зашептала она, расстегивая сустугу плаща, чтобы надеть его изнанкой наружу. – Дары я тебе принесла у порога. Не обидь, не погуби. Дай пройти твоими тропами, выбраться к свету. Сыскать того, кто пропал в недрах Твоих”. И только произнеся до конца слова заговора, Елица вновь остановилась, бессильно опустив руки вдоль тела. Место её окружало совсем дремучее, буреломное. Торчали кругом старые зубастые пни, и валялись, топорща высохшие корни, древние выворотни, наполовину осевшие в землю.

Она окончательно заблудилась.

Глава 8

Несколько мгновений Елица просто стояла, не зная, что и делать. Потом окликнула мужей, которые ещё могли быть где-то поблизости, но никто не отозвался, словно она упала на это место прямо с неба. Дождь расходился всё сильнее, превращаясь из мороси в слабый ливень. По укрытому плотной куделью облаков небу совсем нельзя было понять, в какую сторону идти. Елица пригляделась к ближайшей сосне, надеясь хотя бы по мху распознать, где север. Весь лежала на западе от того места, где пришлось последний раз видеть спутников, а потому она повернулась в нужную сторону и пошла, высоко поднимая ноги, что путались в жухлой траве, которая, намкнув, цеплялась за них ещё сильнее.

То и дело слышались со всех сторон сквозь шёпот дождя неразборчивые шорохи. И казалось, что там идёт кто-то, вот-вот встретится знакомец и морок спадёт. Но Елица приостанавливалась – и лишние звуки пропадали. Она перебирала все известные заговоры от Лешего и от подручных его. Взялась и за те, что навь отгоняли, но путь не становился приветливей, а река, вдоль которой можно было бы выйти к Радоге, и вовсе сгинула где-то в недрах этой зелёной лесной бездны.

Иногда явственно окликал кто-то из чащи, словно напугать хотел, с пути сбить. Но Елица старалась не слушать, начинала тихо напевать, чтобы отгородиться от чужого ласкового голоса, по которому никак нельзя было толком понять, мужчине он принадлежит или женщине. Да только, несмотря на все старания, ужас мало-помалу проникал в кровь, холодил будто. Или то был виноват нескончаемый дождь?

Она совсем не могла понять, сколько уже идёт так, то и дело поглядывая на стволы деревьев, чтобы не уйти не туда. Ничего не менялось, а становилось, кажется, только хуже. Скоро путь начал уходить в гору, сначала пологую, но дальше всё более крутую. Откуда она здесь взялась, ведь на пути из веси даже холма никакого не попадалось? Но Елица решила всё ж подняться – может, так осмотреться будет удобнее?

Она долго взбиралась наверх, но ни разу о том не задумалась, чтобы назад повернуть. Ноги то и дело оскальзывались на мокрой траве, дыхание сухим комом вставало в груди. Одежда, отяжелевшая от дождя, тянула к земле; кажется, даже надёжный рогожный плащ уже почти насквозь промок – и становилось зябко от пробирающейся под него сырости. Наконец склон окончился ровным высоким местом, где Елица отыскала ближайший трухлявый пенёк и присела на него – отдышаться немного. Глянула вглубь неширокой прогалины, похожей на тропу, но нечёткую – да и откуда бы ей тут взяться – и показался впереди просвет, в котором виднелось сумрачное, пепельно-серое небо беспрестанно сыплющее на голову мелкие капли.

Елица собрала все силы и поднялась, пошла туда, где думала увидеть хоть что-то. Может, поймёт, в какой стороне весь находится или ещё что приметное, по чему отыскать правильную дорогу можно. Чем дальше она шла, тем яснее становилось, что выбралась она на утёс, который оканчивался крутым обрывом. Стелились вдалеке остриженной шерстью округлые верхушки сосен с серыми проплешинами ещё голых берёз и осин. Клубились над ними неповоротливые тучи, тянулась нитями сырая хлябь. Отяжелевший ветер едва ворочался в тесноте бора, как будто тоже прятался от промозглого, надоедливоего дождя. Но не дойдя до самого края, увидев только, как блеснул внизу изгиб серой в скупом свете реки, Елица остановилась, заметив слабое шевеление в стороне. Повернувшись, вздрогнула: у самого края обрыва лежал на земле человек. Весь в грязи и сухих стебельках травы, издалека он был похож на камень. А тут задышал, завозился тяжко, рискуя по неосторожности рухнуть вниз.

Елица подбежала к нему, спеша ухватить, остановить его, пока не произошло страшное. Упала рядом с ним на колени, только и подумав в последний миг, что это может быть и сам Леший: кто его знает, какую личину принять решил. Заманил к обрыву, а там и сбросит прямо в реку. Осторожно она перевернула мужчину на спину и охнула, узнав в нём наконец Ледена.

– Что же ты... – забормотала бестолково, пытаясь привести его в чувство. – Как ты забрался сюда, окаянный?

Княжич сморщился и попытался отпихнуть её. Страшно стало, что снова напало на него буйство спросонья – а ну как душить примется вдругорядь? Леден всё же открыл глаза и уставился

непонимающе. Обхватил ладонями, от которых всё нутро стыло, лицо Елица, вперился в него дико, будто не верил ещё, что видит её на самом деле. Хорошо же его мавка заморочила! Но с каждым мигом взор его становился всё осмысленнее, да и Елицу он, похоже, узнал – всё ж легче.

– Ты как тут оказалась? – он отпустил её, тяжело перевалился на бок и сел, а после уж огляделся. – Да сожри ж меня бешеная собака...

Он осмотрел рукава своей напрочь испачканной, промокшей насквозь рубахи, в которой, видно, и ушёл из избы, не прихватив больше никакой одежды. Провёл грязной ладонью по грязному лицу, только размазав по нему тёмные полосы. А после резко схватился за рукоять висящего на поясе ножа – и вздохнул облегчённо.

– Ты помнишь, как сюда пришёл? – Елица попыталась поддержать его под локоть, но княжич вырвался и встал сам.

– Не помню почти, – он нахмурился, пытаясь, видно, что-то вынуть из памяти. – И как уходил не помню. Только девушка там была... Красивая. И страшная.

– Мавка то была, – буркнула Елица. – Здешняя.

Леден обхватил голову руками, запуская пальцы в слипшиеся сосульками волосы, глянул за спину и пошёл к краю утёса. Елица осторожно, боясь, что неверные гладкие камни так и вывернутся из-под ног, последовала за ним. Внизу неспешно текла Сойка, вся рябая от кругов на её поверхности. По весеннему паводку затопила она уже все берега, подбираясь к самой границе леса и без конца подтачивая подножие камня, который отвесной стеной утопал в её водах. Леден опасно наклонился, разглядывая что-то сбоку.

– Дорогу назад знаешь? – пробормотал, не глядя на Елицу.

– Нет. Заблудилась, – и до того стыдно стало, что даже холодные щёки запекло.

Жрица Макоши, её милостью осенённая, и не смогла с Лешим справиться! Вот Сновида уж отругала бы её – до следующей весны припоминала бы. Княжич, видно, подумал о том же – возвёл очи горе.

– Вот и повезло же мне, что именно ты меня нашла, – он покосился на неё с укором. – Теперь вместе плутать тут будем. Но ничего, выберемся. Надо к реке спуститься. А там, кажется, склон пологий – как раз вдоль неё идёт.

– Темнеть скоро начнёт, – возразила Елица. – Укрыться где-то от дождя надо. Ты промок весь. Одежду просушить, а утром идти.

И сама задрожала мелко от холода, прижимая кулачки к груди. И не заметила, что пока они тут стояли, плащ совсем промок, и сырость проникала теперь уже и сквозь рубаху. Леден головой покачал, окинув её долгим взглядом. Ему-то как будто дождь и промозглость совсем не мешали.

– Ладно. Пошли. Там укрытие поищем. Внизу.

Он развернулся и уверенно прошёл прочь от обрыва. Только и поспевай за ним: как будто и не лежал в беспомощности только что.

Елица, до замирания сердца боясь поскользнуться, осторожно, и потому постоянно отставая от княжича, спускалась по круто уходящей вниз тропке. Оказывается, и такая здесь была, только старая совсем, заросшая. Скоро дорожка выровнялась и заплутала, постепенно растворяясь, среди деревьев. Леден шёл не слишком быстро, но и не медленно, постоянно стряхивая с себя оплывающую грязь и ошмётки прошлогодних стебельков и хвои. Не забывал он поглядывать в сторону реки, что просочилась уже вглубь чащи и заболотила низины. Понемногу сумрачное небо начало гаснуть, словно отшавший уголёк, окрасилось красноватым оттенком. Среди густого бора стало темно почти как ночью. А как потянулась в отдалении зеленоватая от мха стена скал, стало и вовсе жутковато.

Но княжич, наоборот, свернул к ней, подошёл почти вплотную и долго они ещё шли, выглядывая в каменной громаде хоть какое-то укрытие. Не успела Елица ещё замёрзнуть насмерть, как оно нашлось: под огромным выступом скалы. И, кажется, не они первые отыскивали этот гранитный навес. Остались на нём с неких стародавних времён следы копти: значит, и костры под ним разводили. А что: место удобное – почти пещера, хоть и неглубокая, да от дождя скрыться и у огня одежду обсушить можно.

– Тут и остановимся, – распорядился Леден, глянув в стремительно темнеющее небо. – Думаю, завтра к веси выйдем. Она в той стороне недалёко от реки стояла.

Он махнул рукой на запад, а Елица, совершенно онемевшая уже от холода, только вяло проследила за его жестом. Леден вдруг присмотрелся к ней внимательно, словно только что заметил, что она уже давно молчит и трясётся, как лист на ветру. Ни слова не говоря

больше, он втолкнул её в пещеру и усадил у стены, отобрав заплечный мешок и свёрнутые, укрытые рогожей сверху одеяла.

– Сейчас огонь разведём... Сейчас, – забормотал успокаивающе. – Ты сиди, не беспокойся.

От его размеренного тихого голоса сразу в сон потянуло. Княжич пошарился в мешке и удовлетворённо хмыкнул, обнаружив там горшочек и свёртки с едой да бересту. С долей уважения глянул он на Елицу и улыбнулся. Только с сомнением посмотрел наружу: где теперь сухие дрова искать? На ходу снимая с пояса нож, что чудом оказался ещё при нём – единственное оружие – Леден вышел из укрытия, скрылся за изгибом горной стены. И послышался мерный стук, от которого Елица чуть приободрилась, зашуршали ветки и трава под шагами княжича. Скоро он вернулся с охапкой нарезанного с деревьев сушняка и собранного валежника. Она и заметить не успела, как Леден, ловко уложив ветки шалашом поверх бересты, разжёт огонь. Дрова возмущённо зашипели поначалу, поплевались искрами и смолкли, ровно разгоревшись. Поползло в стороны благостное тепло и чуть едкий дым. Но и так хорошо.

– Ты раздевайся, – Леден, удостоверившись, что пламя не погаснет, обернулся на Елицу, которая уже начала потихоньку подтягиваться ближе. – Одежду развесь поближе к костру, а сама в одеяло заворачивайся. Я отлучусь ненадолго.

Он порывисто встал и снова ушёл. И стало без него вдруг так страшно: близилась ночь. И представить теперь захочешь – не представишь, как бы она одна тут в лесу, в темноте, до утра мыкалась бы. В животе тоскливо урчало: весь день она бродила по лесу то одна, то с княжичем – о еде и не задумывалась даже, настолько сильно сковал всё тело холод и хотелось уже куда-нибудь прийти. Не переставая поглядывать в тёмный сосновый бор, что окружал пещеру, Елица стянула сырой плащ, а за ним и остальную одежду, оставив только исподнее и сапожки на ногах с онучами под ними – они-то почти не промокли: на совесть сшиты. Дрожь постепенно начала спадать, запахло сырой рогожей от развешенного на каменном выступе и начавшего прогреваться плаща. Потеплел наконец даже кончик носа, и Елица зашевелилась, подумывая, как бы ей справиться хоть какую-то вечерю так, чтобы одеяло с неё не сваливалось. Ей всё же удалось кое-как закрепить его узлом через плечо и пояском от рубахи. И пока она

доставала из мешка хлеб, вяленое мясо и кашу в небольшом горшочке, что собрала для неё Мира, вернулся Леден.

Был он в одной сырой рубахе и кое-как почищенных портах. В руках нёс свои сапоги и ещё охапку веток. Сам он отмылся, видно в речке: вода до сих пор капала с его чистых теперь волос, что завивались мягкими волнами вокруг лица.

– Не боишься застудиться? – Елица с опаской посмотрела на него.

Искупался ведь в холоднющей воде да шёл ещё сколько под ветром.

– Не боюсь, – он усмехнулся. – Только не застудиться. А вот за тебя вовсе не уверен. Согрелась? Ты уж прости... – он снял рубаху и кое-как развесил её на неровных камнях. – Но так быстрее высохнет.

Елица, отводя взгляд, протянула ему второе одеяло, которое прихватила как будто на всякий случай. А вот же и пригодилось.

Пока княжич кутался в него, устраивался рядом, подогрелась у огня каша: решили повечерять пока только ей и частью хлеба. Елица присела у костра, пытаясь краями одеяла подхватить горячий горшочек так, чтобы не обжечься. Зашипела, когда жар всё же добрался до пальцев. Леден, наблюдая за ней, чему-то улыбнулся. Елица опустила подле него и подала ложку, а после только спохватилась: одеяло расползлось в стороны, открывая её едва не до подмышки самой. Княжич, коротко скользнув в прореху взглядом, нарочно отвернулся, пока она не оправилась, мысленно браня непогоду и саму себя за невнимательность.

– Так ты что же, и правда ничего не помнишь? – заговорила, пытаясь замять неловкость.

– Смутно, – Леден повёл плечом, зачерпывая кашу из горшочка. – Помню, звала она меня. Да так ясно... Словно знакомым голосом, – он смолк на миг и перехватил её взгляд. – Как и куда шёл, не помню уже. И вот ведь... Далеко забрался. Чудно, что ты меня отыскала, когда сама заблудилась.

– Леший меня водил, – Елица вздохнула. – Думала, погубить хочет, а вон на тебя вышла.

– Как выберемся, требы ему принесу, старику, – усмехнулся княжич. – В благодарность.

– Если бы я ещё знала, куда идти...

Они столкнулись ложками на дне горшочка, и Леден убрал свою, предлагая доесть. Ему одному и целого было бы мало, а тут и половины не досталось. Елица всунула посудину ему в руку и тут же отвернулась, давая понять, что возражений не примет.

После скромной вечери они выглянули наружу, постояли под дланью скалы: дождь как будто начал стихать, а потому можно было надеяться утром пойти почти посуху. Пришло время спать укладываться. На камнях, конечно, не больно-то разлежишься. Елица обречённо пощупала свою одежду: она была по-прежнему влажной. В такой за ночь замёрзнешь. Леден скинул с себя одеяло и расстелил у огня поверх куска рогожи.

– Эх, жалко, войлока ты с собой не захватила.

Он улыбнулся ободряюще, но легче совсем не стало.

– Ты как же? – спросила Елица неуверенно, страшась того, что от него услышит.

– Да как-то справлюсь, – он махнул рукой безразлично. – Только позволь хоть рядом лечь.

Она устроилась на тонкой, совсем не спасающей от мелких камней и выступов на неровном полу пещеры, подстилке. Замерла, подумывая, не надеть ли всё же рубаху, но как представила, что сырая липкая ткань прильнёт к коже, сразу отказалась от этой мысли. Леден притулился рядом, спиной к её спине, подкинув перед тем чуть подсохших веток в огонь. От кожи его сквозь одеяло поползла было прохлада, но после пропала. Кажется, он уснул даже, а может, просто застыл в неподвижности, стараясь сохранить хоть какое-то тепло. Елица чувствовала, как перекачиваются между лопаток его мышцы при дыхании, чувствовала запах реки, смешанный с его запахом. И эти разорванные, волнующие ощущения не давали даже веки смежить. Да ещё и чувство вины подгрызало: она-то хоть в одеяло закутана, а он в сырых портах и без рубахи.

Вздохнув медленно и тихо, Елица шевельнулась осторожно и, вынув из-под себя край одеяла, накинула его на Ледена, постаравшись при этом отодвинуться хоть немного. Княжич вздрогнул – и их спины снова соприкоснулись, теперь уж не разделённые тканью.

– Зря ты, княжна... – буркнул он хрипло. – От меня не согреешься.

– Зато хоть ты...

Он стряхнул с себя одеяло и подоткнул под бок Елицы. Она повернулась к нему, чтобы возразить – и Леден навис над ней, уперевшись ладонями в пол по обе стороны. Пепельно-русые пряди упали на его лоб, бросая тень на глаза, что коротко озарились отсветами костра. Сердце заколотилось испуганно, и стало душно: что делать станет? Елица уж приготовилась отбиваться, но совсем онемела, обездвижела, когда княжич чуть наклонился к ней. Он остановился, словно всего лишь хотел разглядеть её лучше, а в следующий миг перевалился на своё место.

– Спи, княжна. Мне холод не страшен. Говорю же.

Она уставилась в костёр невидяще, не веря, что всё обошлось. Пожелай он... Смогла бы остановить? Вряд ли. Леден тихо и протяжно вздохнул. Она закрыла глаза и на удивление быстро уснула, слушая его дыхание.

Но глубокой ночью или под утро уже, когда сон самый крепкий и сладкий, её разбудило лёгкое потряхивание за плечо. И голос княжича над ухом:

– Просыпайся. Мы тут не одни, кажется.

Она поморгала вяло, пытаясь понять смысл его слов, и уставилась на Ледена, едва не отпрянув – так близко было сейчас его лицо. Большая ладонь княжича лежала на плече, слегка сжимая, а спиной она чувствовала, как вздымается его широкая грудь. Эти разрозненные ощущения спросонья кололи своей неправильностью – Елица вывернулась из-под руки Ледена и села, поджав колени.

– Зверь какой? – выдохнула, приглаживая упавшие на глаза волосы.

Вгляделась в темноту снаружи, прислушалась, но там будто никого и не было. Леден встал и сдёрнул с камня уже высохшие рубахи. Протянул длинную Елице, а свою надел быстро, не переставая напряжённо осматриваться.

– Вряд ли зверь. Шаги будто человеческие.

Елица кашлянула, и княжич, быстро всё разумея, отвернулся. Она оделась, блаженствуя оттого, что не придётся теперь сгорать от стыда, хоть плащу ещё надо было просохнуть получше. Пока она подпоясывалась, снаружи и правда раздался мерный шорох, словно кто-то прошёл мимо, невидимый в сумрачных тенях. Елица вскинула голову – и в висках застучало от того, как резко подпрыгнуло сердце.

Княжич тут же встал, сжимая в руке солидный широкий нож, которым легко и тушу свиную разделать, если нужно. Он медленно пошёл ко входу, но остановился и даже шаг назад сделал, когда в сажени перед ним появилась вдруг словно сотканная из самой мглы девушка. Длинные, до колен, волосы её, влажные и зеленоватые, точно водоросли, стелились по плечам и груди, которая проступала тёмными окружиями сосков сквозь мокрую рубаху, что облепляла худощавую фигуру. С подола её и рукавов капало, а кожа поблескивала от застывших на ней навечно капель. Княжич стиснул рукоять ножа крепче, хоть и понимал, верно, что против мавки тот вряд ли поможет. Девушка улыбнулась ему ласково и приблизилась, ступая медленно и плавно.

– Не страшись меня, княжич, – промурлыкала, шурясь от огня, что осветил её и тронул теплом. – Худого ничего не сделаю. Прости уж, позабавилась слегка. Или скажешь, что плохо тебе со мной было?

Леден словно оглоблю проглотил и обернулся на Елицу, явно не понимая, о чём она говорит.

– Я не помню ничего, – буркнул, не переставая держать оружие наготове. – А ты мне голову не морочь.

– Заморочила уже, видно, – фыркнула Елица. – Только непонятно, почему ты живой до сих пор.

С любопытством наблюдая за их разговором, мавка прошла ещё чуть дальше, скользнув узкой ладонью по плечу княжича. Остановилась в стороне от животворящего огня: для неё он неприятен, потому как с миром, из которого она появилась, враждует.

– А он особенный, – пояснила девушка. – Его Морана хранит.

Аж голова кругом пошла от мыслей, что успела мавка с княжичем сотворить, и какие-такие забавы ей интересны: ведь неживая. Но это дело их, а Елицу сейчас другое волновало.

– Зачем пришла? – она поднялась на ноги и встала по другую сторону костра. – Отпустила ведь его. Что тебе ещё нужно?

– Мне помощь нужна, – Чарина повела плечами. – А я вам за это тоже помогу. Покажу то место, куда отец твой со своими людьми ездил. Тропу эту я своими глазами вижу. Сокрыта она для живых.

Княжич смятение, что явственно накрыло его от двусмысленных слов мавки, тут же отбросил, подошёл к ней, вовсе не опасаясь как будто, и даже нож за пояс убрал.

– А тебе какая помощь нужна?

– Не могу я больше между мирами скитаться, – вздохнула Чарина. – Покоя хочу. А без помощи жрицы Матери Сырой Земли, не обойтись. Здесь, в Радоге, сильных нет. Не выжить им в Нави долго, не распутать узлы, которые меня связывают. А в тебе я силу большую вижу.

Она пытливо уставилась на Елицу неподвижными, как у рыбины, глазами. И как будто правду сказала. Привязана она к тому месту, где погибла, и помощи просить у здешних жриц могла даже, да вряд ли они слушать её стали: бежали, небось, быстро прочь, если встречали когда. А тут бежать некуда. Даже огня она не побоялась, хоть и нехорошо ей рядом с ним: вон, словно прозрачной стала.

– Не большую ли цену просишь, Чарина? – с сомнением проговорил Леден. – Ты нас всего-то тропой проведёшь, которую мы и без тебя сыскать можем, если понадобится. А княженке, стало быть, придётся в Навь за тобой лезть?

Мавка повернулась к нему – и вмиг почти вплотную придвинулась. Оплела руками шею, притиснулась грудью. Княжич отшатнулся, отдирая её от себя: да не так-то это просто, оказывается.

– Да ничего ей не будет, – шепнула ему едва не в самые губы. – А тропой той без меня вы не пройдёте теперь. Болотник всё захватил. Заманит вас в свои чертоги, одарит тиной и грязью. Не выберетесь. А я с ним в дружбе хорошей.

Сказала – и отпустила, не успела ещё Елица костёр обогнуть, чтобы вмешаться. Играет и злит нарочно, но дело верное говорит. Сияна предупреждала ведь, что там теперь никто не ходит. А значит, и гати никакой нет – как пробираться по неизведанной топи?

– Хорошо, – Елица переглянулась с княжичем, а тот головой покачал сокрушённо. Не понравилось ему столь быстрое согласие.

Чарина улыбнулась светло – совсем, как живая. Будто и впрямь её радовала мысль, что она найдёт освобождение.

– Тогда вы в весь возвращайтесь, собирайтесь в путь, а там я вас встречу, как нужно будет. Только ты не обмани меня, княженка, – она погрозила пальцем. – Я хоть и добрая, а обиды не прощу.

Мавка отступила в тень, словно ветром её отнесло. Взглянула последний раз на Ледена – и пропала в разбавленном первыми лучами рассвета мраке.

Елица вздохнула медленно: со всего тела схлынул невольный страх, что застыл внутри колом. Всё ж не простая девица – мавка, мертвые, от которого не знаешь, чего и ждать. Но больше всего, кажется, Ледена встреча с ней ошарашила. Много она говорила, да вряд ли всё это правда. Хоть и бывает всякое. Елица снова села у огня, слегка дрожа от прошедшего напряжения. Во рту аж горечью мазало от волнения, и ноги не держали толком. Но окинув взглядом словно прибитого Ледена, она невольно улыбнулась – ему-то хуже пришлось. А тот, заметив это, совсем посмурнел.

– Да не было ничего, – проворчал, усаживаясь напротив. – Как можно-то?

– А то она тебя спросила бы, – Елица и вовсе прыснула. – Сам говоришь, знакомым голосом звала. А значит, и морок навести могла. Прикинулась девицей, которая мила тебе – ты и не заметил.

– Коли она прикинулась бы милой мне девицей, я бы точно это запомнил, – княжич вдруг сам улыбнулся. – Да только милых мне нет. Ведь так обо мне говорят?

И почудилось в его голосе первый раз живое любопытство, словно толки людей о нём всего лишь его забавляли. Елица взглянула на него искоса. Да, говорили многие, что любить-то он не умеет, не может ни к кому привязываться – его душа стылая к такому не годна. Но как же Мира? Не невеста, конечно, да приятно ему с ней бывать, раз она к нему бежит по первому зову. Отчего бы мавке ей не прикинуться было?

Елица вынырнула из странных размышлений, перестав поправлять веточкой свежие дрова в костре – и снова на взгляд Ледена натолкнулась. Заметила за собой, как тихо вздохнула, словно медленно вошла в только скинувшую лёд воду: обжигает сначала нестерпимым холодом, аж сердце замирает. Ринуться бы назад, закутаться в тёплое. Но вот ещё немного – и кожа горит, немеют мышцы от непоколебимой, страшной и губительной воли его. А сил двинуться уже нет. Да и не хочется.

Елица моргнула, сбрасывая непрошенное наваждение, облизнула губы, опуская взгляд и не зная, куда и деться от смутения. Леден тоже встрепенулся, встал тут же и пошёл наружу.

– Ещё сушняка принесу, – буркнул рассеянно. – Поутренничаем, а там выходить пора.

Едва подкрепившись на дороге, они вновь пошли на запад вдоль русла. И всё нынче поменялось как будто. На небоскате, помалу поднимаясь над умытыми кронами сосен, сияло нынче тёплое Дажьбожье око. И словно расступались тёмные стволы в стороны, показывая хорошо протоптанную тропу, что, наверняка, вела к веси. И, показалось, не успели они с Леденом ещё и далеко уйти от своего укрытия, как услышали вдалеке громкие оклики. Елица припустила быстрее, обгоняя княжича – и увидела вдалеке трёх мужей, которые шли им навстречу. А впереди всех – сам Остромир. Заметив её, он едва на бег не сорвался, и она поспешила к нему, торопясь поскорее вынырнуть из этого странного полусна, в котором оказалась.

– Я чуть умом не тронулся, как без тебя мужи вернулись. Сказали, была рядом и вдруг – пропала, – забормотал он, прижимая Елицу к себе. – Сами заплутали тоже, едва вышли...

– Я до утёса какого-то дошла. Оттуда речку видно.

– Так то Утопленник, – удивлённо посмотрел на неё староста. – Он не так уж далеко от нас. Чего же так долго не возвращалась?

– Леший её водил, – Леден подошёл со спины и остановился, поглядывая на мужчин, что окружили Остромира с Елицей. – А после она меня нашла. На том утёсе.

Лицо старосты тут же стало суровым и неприветливым. Он обнял Елицу за плечо, будто защитить хотел не от нечисти, а от остёрца больше.

– Одни беды от тебя, – бросил ворчливо. – Идём. Вас отмывать до завтра придётся в бане.

Так и вернулись в Радогу. И люди смотрели на них из каждого двора, словно не день их не было, а лето целое. Шептались. Судили о том – даже слышно было – что могла княженка делать целые сутки в лесу одна подле княжича. Хоть и знали, верно, что связывает их вовсе не приязнь взаимная, а необходимость. Косились, осуждающе головами качали, словно уличили уже в чём-то. Кмети, что на поиски Ледена не ходили нынче, все из гостиной избы повысыпали, даже велеборцы. А уж как Брашко, уставший и опечаленный, обрадовался – того он и словами даже передать не смог. Воины окружили княжича, оттеснив всех, кто пришёл поглазеть, да и саму Елицу тоже – и она с облегчением пошла к своей избе. Остромир не стал её тревожить – лишь взглядом проводил.

Выглянула из сеней и Мира, но подойти не решилась – лишь встала поодаль – а глаза-то засияли, пусть даже Леден и не посмотрел в её сторону. Шагнула она было к Елице – то ли обнять, то ли хотя бы коснуться, но не решилась. Обиду, что та на неё затаила, ещё помнила.

– Устала я страшно, Мира, – только и проговорила Елица, проходя мимо неё.

– Конечно, – та закивала. – Столько в лесу блукать... Чего хочешь, княжна? К старосте сбегая, принесу.

– Спать хочу.

Беспокойная ночь не принесла толкового отдыха. Елица скрылась в женской избе и тут же принялась одежду с себя стягивать: как бы и правда отмыться теперь. словно ошмётками ила пристала к коже встреча с Чариной, и говорить ли о том Остромиру, да и вообще хоть кому-то, она пока не решила. Кто знает, как то местные воспримут: может, не поверят, а может, решат навь беспокойную всё же извести – только хуже сделают.

Скоро справил староста баню, как и обещал: и грязь смыть, и от ещё чего нехорошего очиститься. Они, посчитай, за гранью побывали, после такого порой и дня три с живыми людьми близко ходить не стоит. Прислал Остромир за Елицей холопку – та проводила её заботливо, по пути интересуясь, не хочет ли она чего – всё раздобудут. И плыли её слова и заискаивающий взгляд, словно в тумане.

После доброго, лёгкого пара стало только хуже. Неподъёмной тяжестью навалились усталость и сонливость. Елица радуясь только, что после целого дня под дождём не захворала, едва дотащила ноги до избы, разделась до рубахи – и спать легла под ворох шкур, всё боясь не согреться. И успела подумать перед тем, как окунуться в темноту, как там сейчас Леден? Хотя что же ему сделается, раз он холода не боится вовсе? словно почувствовала она на миг, как его могучая спина снова прижимается к ней через ткань – вздохнула и заснула крепко.

Глава 9

Едва передохнув день, они уж собрались тропу искать до старого святилища. Вызвался с ними идти и Брашко, и десятник: решили княжича теперь одного не отпускать. И удивительно было утром, когда со двора выходили, увидеть, что среди радогчан стоит дочь старосты и на Стояна смотрит уж больно внимательно и неотрывно. Мира обмолвилась накануне, что тот частенько в дом Остромира бегал, то ругался с ним, то просил хоть чем-то ещё помочь в поисках Ледена. Вот, значит, приглянулся девице на выданье. И от мысли этой так странно сделалось. Стоян здешней старостовой дочке уж точно в пару не годится: остёрцев в Радоге только оттого терпят, что Остромир приказал. Но сердцу женскому, видно, всё равно, что о том остальные думают: друг, враг ли – если к душе пришёл. Оно тянется всё равно, и уж невозможно представить, как было бы, не случись эта встреча.

Погода сегодня, на счастье, благоволила к долгому пути. Отплакал по ночи небольшой дождь – и остатки его теперь сияли рассыпанной по жёлтой траве росой и свисали прозрачными слезами с ветвей. Кругом капало, перетекала сырая свежесть между сосен и берёз, стелилась по земле, трогала лицо. Шлось легко: после всего, что не так давно пережить довелось. На сей раз Елица умнее оказалась: захватила с собой ещё и грубовытканную свиту Сияны, чтобы не промокнуть так быстро, коли непогода вернётся. Вёл всех за собой всё тот же охотник Атей: он один из всех знал, в какую сторону хотя бы идти надо. Да только предупредил сразу, что проводит лишь до края болота, а там направление укажет да места приметные, по которым путь пролегает, и вернётся в весь.

– Я с нечистью той встречаться не хочу, которая там живёт, – сказал. – Да и князя Борилу тогда Венко водил – не иначе за это на немилость Лешего налетел. Тот медведя на него и наслал – ещё осень не прошла. Не хочу так же, как он, жизнь закончить. Недобрые вы дела затеяли.

Ледену пришлось хоть и на то согласиться – иначе куда идти-то? А Елица всё надеялась, что Чарина их не обманула, придёт, как нужно будет, да укажет верную тропинку с святилищу Велеса. Лишь бы

кмети приняли такую помощницу. Но княжич сказал, что людей своих обо всём ещё намерен предупредить. Оттого, верно, Стоян как настороженно крутил головой, озираясь, словно каждый миг ждал, что из зарослей мавка выскочит.

Чем выше поднималось Дажьбожье око, тем теплее становилось кругом. Влажной духотой наполнился воздух, словно в бане все оказались. Парни начали распахивать свиты, повеселели даже и завели разговор с охотником, расспрашивая о том, как здесь живётся. Атей отвечал поначалу неохотно, но после разболтался, стараясь, впрочем, говорить не слишком громко: лес, он не очень-то шум любит. Это только нечистых отгонять годно – блажить – а еслиходишь в Храм по своей воле и рассчитываешь на милость Хозяина, то и вести себя надо тихо. Леден, казалось, и не слушал никого, словно один шёл. Елица разглядывала его укрытую тёмно-синей рубахой спину – показалось, уж до самых мелочей запомнила. И всё хотелось спросить о чём-нибудь – да не решалась.

Скоро смолкли и остальные мужи, напряглись, за оружие невольно похватались. Светлый, пронизанный ярким солнцем лес сменился ельником, что обрушился на всех после неширокого луга, на который уже вывели скот – пощипать молодой, проросший сразу после схода снега, мятлик. Вот было ясно и радостно – и вдруг сомкнулись кругом вечно сумрачные стены зелёных елей. Зачавкала под ногами подтопленная земля, застыл воздух без единого вздоха ветра.

– Вот тут я вас и оставлю, – торопливо проговорил Атей. – Вы себе посохи возьмите – путь щупать. Болото неглубокое. А том и посуху где пройти можно. Скоро скальная стена с юга встанет – так вот вдоль неё идите. А как закончится, так снова на юг поворачивайте.

– Княженку, значит, на нашу совесть оставляешь, – впервые за весь путь высказался Леден.

И глянул на охотника вроде и насмешливо, но и недобро тоже. Тот под его взором сник и потупился, да страх его, видно, гораздо сильнее был, чем желание Елице помочь. Он распрощался со всеми скомканно и ушёл, не оборачиваясь, по едва проступающей среди травы тропе. Княжич только головой покачал, глядя ему вослед, а как тот скрылся из виду, повёл всех дальше. Благо думать над тем, куда идти, не нужно особо: Чарина поможет.

Лес становился всё дремучее: явно сюда уж давно никто не ходил, даже по грибы или ягоды.

– И что? – Стоян беспокойно огляделся. – Когда помощница наша появится?

Леден оглянулся на него, собираясь, верно, что-то ответить, но позади всех вдруг прозвучал звенящий, словно морозный родник, голос:

– А вы меня уж, гляжу, заждались, как на посиделках?

Бесстрашные воины, которых и ратью встречной не напугаешь, вздрогнули одновременно. Брашко – тот и вовсе за оберег на шею схватился. Мавка обошла его, глянув без интереса, улыбнулась Стояну, который так и встал на месте, медленно к ней поворачиваясь.

– Скучал по мне, княжич? – Чарина вытянула шею, стараясь посмотреть на него через плечо Елицы, которая встала у неё на пути.

– Да не очень-то, – хмыкнул Леден.

Чарина повела плечом, не слишком, видно, обидевшись на его слова. Она прошла мимо всех и остановилась, сторонясь пятна света, что падал на тропу рядом с её ступнями.

– Все вы парни пригожие, – обратилась она к Стояну и Брашко, – да только вернуться вам придётся в Радогу. Дальше я только княжича и княженку поведу. С ними у меня уговор был.

Десятник, совсем уж сбросив робость перед мавкой, даже вперёд шагнул.

– Вот уж придумала. Я княжича не оставлю! Кто знает, куда ты их заведёшь.

И видно, хотел бы какие слова покрепче добавить, да поостерёгся навь обидеть – она ведь и верно, навредить может.

– Хотела бы завести, – жестоко усмехнулась Чарина, – лежал бы ваш княжич сейчас где на бережку, нацеловавшись вдоволь с водами Сойки. А там, может, и сыскали бы его через пару лун. Может, раньше.

– Не перечь, Стоян, – остановил новые пререкания десятника Леден. – У нас с ней и правда уговор. Ничего с нами не станется.

– Да как навь-то верить? – возмутился напоследок Брашко.

– Приходится верить, – Елица улыбнулась примиряюще. – Только она нас через болото проведёт.

Парни повздохали, конечно, поглядывая на Чарину, что в их разговор и не вмешивалась больше, наблюдая за ним с улыбкой на

иссине-вишнёвых губах.

– Мы на лугу том вас ждать будем, – решил наконец Стоян. – Никуда не уйдём.

– Вот и ладно, – кивнул княжич.

Дальше пошли втроём: мавка впереди – неспешно, покачивая облепленными мокрой рубахой бёдрами. Словно и правда княжича соблазнить хотела. Да тот всё мимо неё смотрел, будто испытал уже на себе её чары, стал к ним вдруг совсем равнодушным. А Елица поглядывала на Чарину, маясь любопытством: неужто все мавки такие? Она, признаться, встретила только первую. А теперь предпочла бы больше с ними никогда не сталкиваться: и зла от неё большого не случилось, но веяло от неё постоянной угрозой, как бы ласково ни говорила, как бы ни улыбалась призывно.

Ельник всё густел, всё меньше света проникало сквозь богатые, словно собольи воротники, ветви. Да и версты не минуло, как сырая земля обратилась и вовсе жидкой грязью. Леден хотел было срубить пару тонких молодых осин – чтобы вернее идти было – да Чарина его остановила.

– Не бойся – проведу. Только за мной иди.

Вокруг насколько хватало глаз расплывалось зловонным озером болото. Верно, тут не помогла бы и гать, но здесь её никто укладывать и не хотел. Тропа, что когда-то пролегала через это место, не вела никуда, кроме святилища. Дальше она, как успел рассказать Атей, просто упиралась в цепь скалистых холмов. Даже сумрачные ели не могли выжить в топи: повсюду топорщились из воды корни поваленных временем стволов. Торчали из маслянисто поблескивающей воды тонкие остовы чахлых берёзок и осин, редко где виднелись сухие, встрёпанные кочки.

Но удивительно: мавка ступала уверенно и быстро, только слегка петляя, обходя самые опасные места. И чем дальше, тем яснее Елица понимала, что без Чарины они не прошли бы здесь и за несколько дней. До той самой скальной стены, которую не увидишь, пока почти не ткнёшься носом – так заросла мхом – тянулась вязкая зыбь, булькало где-то, горланила выпь, словно спутала день с ночью. И от звука её голоса внутри аж что-то вздрагивало: может, и сам Болотник кричит, выбравшись со дна?

Не соврал охотник: как только оборвалась цепь древних скал, Чарина повернула на юг, а там путь начал уходить в низину. Зашли они с другой стороны гряды – глянули в небо: солнце поднялось совсем высоко. Скоро и на закат повернёт. Хорошо бы выбраться до того, как стемнеет.

– Уже недолго осталось, – мавка обернулась.

И верно: скоро выбрались они из самой лютой топи – да прямо к месту необычному. В таких только святилища и устраивать. Две каменных щеки здесь сходились, соприкасаясь словно в поцелуе, а за ними тропа, что ещё осталась со стародавних времен, уходила ниже, в невидимую пока даль.

– Пришли, – навь махнула рукой на “целующиеся” камни. – Там старое святилище. Туда твой отец когда-то ходил. А вот зачем, может, и узнаешь.

– Спасибо тебе, Чарина, – Елица улыбнулась, не зная, нужна ли той хоть какая-то от неё благодарность, кроме уговоренной.

Мавка вздрогнула всем телом, услышав своё имя, и помрачнела вмиг, отчего походить наконец стала на опасное умертвие. Но эта тень лишь скользнула по ней, а после пропала. Верно, Леден, который в это время осматривался кругом, ничего и не заметил. Только у Елицы внутри похолодело.

– Поблагодаришь, когда поможешь мне, – ровно проговорила Чарина, словно бы в том и сомневаться не приходилось.

– Пойдём, – княжич обернулся нетерпеливо.

И вниз направился, не собираясь больше топтаться на месте. Елица с облегчением поспешила за ним: хоть ненадолго уйти из-под вечного пристального наблюдения мавки. Они минули угрожающе нависшую над головами арку и по выбитым в камнях ступеням спустились в сумрачную, окружённую со всех сторон гранитной стеной чашу. Здесь в самой серёдке ровного круга стояло потемневшее от времени изваяние Велеса: кряжистого мужа с длинной бородой и сучковатым посохом в руке. С другой стороны идола вырезанная морда медведя скалилась распахнутой пастью. Вокруг него остались следы старых кострищ: всего девять – неглубокими чёрными ямками вдоль стены святилища. Требный стол из одного плоского камня, установленного на другом, покосился, рискуя обрушиться. Под ним и

возле него валялись остатки старых подношений: осколки мисок, почти истлевшие обрывки ткани и какие-то округлые колышки.

Леден медленно обошёл святилище, внимательно оглядывая всё вокруг, и на лице его всё явственнее проступало разочарование: здесь как будто ничего не было.

– Не вижу ничего, что было бы похоже на Сердце.

Он присел на корточки и поднял с земли какой-то медный оберег. Повертел в пальцах и запрокинул голову, глядя в небо, что уже начинало желтеть в преддверии заката. Он прикрыл веки, словно ответа хотел спросить у Богов, куда идти теперь. Ведь Елица тоже этого не знала – и потому молчала, решив, что так будет лучше.

– А откуда ты знаешь, что нет его здесь? – всё же поинтересовалась она осторожно.

– Сердце я почувствую, коли рядом с ним окажусь, – нехотя ответил Леден. – Оно как уголёк меня прижжёт.

Вот, значит, отчего Чаян так охотно брата от себя отпускал. Знал, что тот не позволит обмануть, выдать за Сердце какой-нибудь оберег, кругляш бесполезный. И как хитро они это утаили. Непонятно только, почему Леден сейчас всё рассказал.

– Надо осмотреться тут ещё, – мирно предложила Елица, отчаянно пытаясь по лицу угадать настроение княжича. – Может, что-то укажет?..

– Укажет... – тот хмыкнул и встал. – Ты, верно, поиздеваться решила надо мной, княжна?

Его голос снова полоснул наточенной сталью. Леден подошёл стремительно и впился взглядом в лицо, словно и правда искал на нём следы насмешки. Елица вскинула руку к воротнику плаща, сжала застёжку – сердце подпрыгнуло и тревожно забилося, до духоты, до холодка по спине. Сколько бы она дней в пути ни провела с ним, сколько ни придётся провести ещё, а всё равно пугал он порой.

– Я думала, что оно может быть здесь, – Елица покачала головой, пытаясь не отвести взгляда, не показать робости. – Но я ошиблась.

– Ошиблась, – вздохнул княжич, остывая. – Если бы не ошибки, мы жили бы сейчас гораздо лучше, да?

Она всё же потупилась, продолжая стискивать пальцами прохладную сустугу так, что та впечатывалась в кожу до лёгкой боли. Отчаяние захлёстывало всё нутро, и хотелось плакать: и дальше её

теперь княжичи терзать будут, пытаясь выведать то, что ей и ведомо никогда не было. И запугивать будут, и угрожать.

Вдруг гладкой сталью коснулись пальцы Ледена её виска: он будто бы заправил под платок лёгкие пушистые пряди – и сразу руку убрал.

– Давай проверим тут всё, княжич, – тут же севшим от волнения голосом напомнила Елица. – Может, схрон какой есть. Не стал бы, верно, отец на виду ценность прятать.

– Давай, – согласился тот на удивление спокойно.

Дохнуло стылой влагой со стороны входа в святилище. Они одновременно обернулись: к ним спускалась Чарина, безразлично озираясь. Она подошла к изваянию Велеса и остановилась, задрав голову, а насмотревшись на него вдоволь, усмехнулась.

– Вы тут можете ковыряться в земле сколько угодно. Да ты сначала свою часть уговора выполни, княжна, – мавка повернулась и шагнула навстречу. – Велесово святилище – лучше места не придумаешь, чтобы в Навий мир перейти. Он верхний и нижний миры связывает.

– А как же мы без тебя обратно выйдем? – справедливо возразил Леден.

– Выйдете, – ласково успокоила его Чарина.

Плавно приблизилась и обхватила ладонями его лицо. Княжич дёрнулся было прочь, но мавка оказалась на диво сильной – не пустила. Провела большим пальцем по его губам, не сводя неподвижного взгляда.

– Поцелуешь, княжич, – шепнула проникновенно, – и сам дорогу найдёшь. Всё покажу – знать будешь, будто сам тропу ту разведаль.

– Ты мавка или русалка, скажи? – низким голосом, от которого и у Елицы словно ласковой ладонью между лопаток кто-то провёл, спросил тот.

– А какая разница? – Чарина вперёд качнулась и прижалась к его губам своими.

Елица опустила взгляд: уж вовсе никакого удовольствия нет на то смотреть. И не столько потому, что с умертвием лобызаться – дело распоследнее – а... неприятно просто. Она уставилась на диковинные гладкие колышки, что лежали разбросанные под требным столом, словно скатились оттуда, когда он накренился. Подошла бездумно и

подняла один. Это оказалась маленькая фигурка Макоши, вырезанная настолько умело и тонко, что даже на огромном бревне так не сумеешь порой. До самых мелких складок одежды, до строгой любви в глазах... Елица наклонилась снова, взяла другой колышек – Леля, хоть её идола попадались в святилищах очень редко. Когда-то давно, говорили, ей поклонялись едва не так же, как и самой Матери Сырой Земле, но как двинулись люди на север и восток, расселяясь по новым землям, почтение к младшей Рожанице осталось больше в их сердцах и выражалась в требах, принесённых на поле перед севом и бережно хранимых обрядах. И последний колышек, поднятый с земли ожидаемо был Ладой – старшей из Рожаниц.

Елица разложила маленькие изваяния на ладони, покатила кончиком пальца, раздумывая, что бы они могли значить, оказавшись здесь, на требном столе Велеса. И едва не вздрогнула, как Леден заговорил прямо у её уха.

– Откуда они здесь?

Она обернулась на княжича: тот с любопытством разглядывал Богинь, но почтительно не касался.

– Не знаю. Наверное, надо расспросить радогчан. Волхвов тоже – они ответят. Может, кто-то из них когда-то здесь обряды какие проводил: с тех пор и остались.

– Верно, – уже гораздо более благосклонно кивнул Леден. – Но я всё ж ещё здесь осмотрюсь... Пока тебя не будет.

– Может, и не успеешь, – Елица улыбнулась. – Там время по-другому течёт.

А в груди так всё и замерло от страха. Никогда она в Навь не ходила, хоть и знала от Сновиды, как это делается, и чья помощь для особого обряда понадобится. А иногда и не нужно никаких обрядов, если то существо, что из Нижнего мира пришло, пожелает с собой провести, мимо реки Смородины – напрямик. Елица вложила колышки в ладонь Ледена, едва коснувшись его прохладной кожи.

– Пусть у тебя пока будут.

Княжич отступил, с опаской посматривая на мавку, что уже подошла и встала едва не перед носом самым в ожидании. Явственно тянуло от неё поросшей ряской водой, а глубина тёмного омута плескалась в глазах: посмотришь долго – и утянет за собой. Неудивительно, что столько парней заморочила, едва не погубила. И

княжич-то, обычно колючий, что чертополох, вон – послушный какой рядом с ней. А может, просто не хочет навь злить и тревожить – ну её.

– Не бойся, княжна, – Чарина протянула ей узкие ладони. – Я проведу тебя. И заметить не успеешь, как обратно выпрыгнешь. Только помоги.

Елица покусала губу, последний раз задумавшись перед тем, как шагнуть в эту пропасть. Знала и верила, что Макошь поможет, не даст пропасть и подскажет верный путь назад. Но всё же тревожно было. Она, тихо вздохнув, вложила руки в стылые пальцы мавки – и будто бы в яму рухнула – даже ветер по щекам мазнул.

Всё застыло в неподвижности курганной избы. И землёй здесь пахло, будто и правда не небо сверху, тёмное и мутное, словно тинёта, а высокая насыпь – не выбраться, не разгрести.

Тёмные ели здесь стояли так же кругом – одинаковые, что в Яви, что в Нави. Они – деревья особые, оттого и не любят их люди, потому как силу жизненную пьют. А вот капище старое оказалось не в низине, а наоборот – на холме, с которого хорошо можно было оглядеть изнаночный лес, что раскинулся у его подножия. И было в святилище всё, верно, так же, как много лет назад, когда тропу, что вела сюда, не захватил в свои владения Болотник. Да только Велес – Скотий бог – выглядел по-другому: не человеком, а змеем, покрытым вместо чешуи – шерстью.

– Некогда нам тут стоять, – обратила на себя внимание мавка. Поторопила: – Идём к реке – там та кудель запуталась, что меня держит в Яви, не даёт успокоиться.

Елица последний раз окинула взглядом капище и пошла вслед за Чариной, что уже начала спускаться с холма. Трава здесь росла будто бы сразу пожухлая, всё цеплялась колючими метёлками за подол, обвивала щиколотки – и если бы не сапожки – изрезала бы уже ноги в кровь. Острые камни даже сквозь подошву кололи ступни так, что хотелось ойкать и прихрамывать на каждом шагу.

Скоро вышли они и к реке, что пряталась среди бескрайних сумрачных лесов, увитых плотными, словно самая настоящая кудель, туманами. Они стелились у самой земли, ползли следом и сходились со всех концов к двум путницам, пряча тропу. И шептались – можно было голову на отсечение дать, что Елица слышала их голоса. Но мавка точно, совсем как на болоте, знала, куда идти. Она, плавно

ступая, шла вдоль русла темноводной реки, не слушая даже смутных вздохов и вскриков, что раздавались вдалеке, где-то в глубинах непроглядной чащобы.

Наконец Чарина остановилась на берегу у самой границы воды. На противоположном берегу так же, как было в Яви, стоял недвижимой громадой тот самый утёс, на котором и нашла Елица пропавшего княжича. Мавка посмотрела на него протяжно.

– Навечно я к этому месту привязана. К тому, где погибла. Всё потому, что не отпускает меня то, что осталось в Яви, – она повернулась к Елице, которая тихо стояла за её спиной, маясь от дурнотных ощущений, что только усиливались, чем дальше приходилось здесь находиться.

– И как же мне отыскать то, что тебя держит? – она сглотнула липкую слюну.

– А ты войди в воду и посмотри вглубь. Там и увидишь.

Не очень-то хотелось ступать в потустороннюю реку. Вода особой силой обладает, миры связывает, по ней как домой можно вернуться, так и уйти совсем в другую сторону. Туда, откуда не выбраться больше. Но уговор есть уговор. Елица, не страшась промокнуть, вошла в мутную воду почти по колени и склонила голову, сиюсья рассмотреть в дрожащих отражениях нужное.

И она увидела. Да только не то, что ожидала. Возник вдруг перед взором Радим, совсем юный, только вошедший в ту пору, когда обручаться можно, невесту себе выбирать. И гулял он на день Купалы, любовался девицами, что, словно русалки, танцевали на берегу. И принимал венок из рук одной, самой милой сердцу: были ещё тогда у неё живые карие глаза, и кожа сияла, обласканная тёплым летним солнцем, и на щеках горел румянец смущения, когда, отдавая свитые друг с другом травы, смотрела она на любимого.

Чарина.

Но не прошло и лета следующего, как приехал князь в Радогу и привёз с собой дочь на выданье. Отчего не нашёл ей жениха знатнее, так то, может, лишь Боги ведали. Да сам правитель. Чарина узнала тогда, что Радим с другой обручился и ждёт теперь свадьбы, влюблённый в невесту до беспамятства. В ту, что кровью ему предназначена, пращурами, которые в эти края давным-давно перебрались: другого не дано. Одного взгляда на неё хватило, чтобы он

о Купальской своей зазнобе позабыл. И могла бы Чарина это снести, простить ему. Да вот только Елице не простила, что увела у неё жениха. А больше – что не уберегла его после. Страшное горе: весть о смерти Радима – толкнула её с утёса, который только укрепил свою недобрую славу – Утопленник.

– Думала, здесь с ним встречу, – шепнула Чарина так близко, что Елица вздрогнула. – Но развела нас недоля и в этом мире. Не нашла я его. Привязана к этому проклятому месту. Каждый день вижу этот утёс и кровь свою на его камнях. Красную-красную – аж глаза колет. И болит до сих пор по сердцем. Знаешь, каково это?

– Знаю.

Елица поймала руку мавки, что проснулась ей под ворот: обереги снять. Но та сильнее здесь была, чем в Яви, а потому за гривну тонкую её всё ж ухватила.

– Не могла тебя в Яви достать, – рванула ожерелье с шеи. Зазвенели подвески друг о друга, и витое кольцо разомкнулось, соскочило. – Макошь тебя хранит, да и далеко ты забралась: не дотянешься. И вот сама ко мне пришла, но ведь о тебя обжечься можно. А тут мы равны.

Елица извернулась, схватила пучок сушёного василька, что на груди шнурком обвязанный висел: не осмелилась она без травы особой на встречу с мавкой идти. Да не зря. Прижгла руку Чарины, когда та снова к ней потянулась. Хлестнула по щеке, оставив на ней ссадину, будто камнем ударила. Навь дёрнулась, зашипела, словно вода на горячих углях. А пучок обгорел весь тут же и осыпался в мутную воду, только пальцы испачкав.

– И в кого ты такая? – мавка встряхнула опалённую ладонь. – Словно заговор на тебе какой.

– На матушку, говорят, похожа, – Елица отступила ближе к берегу, не спуская с неё глаз.

Выйти бы из воды: она словно силы отнимала. Чарина резким движением зачерпнула полны ладони, вскинула – ослепила ледяными брызгами на миг.

Елица задохнулась, вытирая глаза. Скользкая, словно покрытая илом, ладонь обхватила шею. Сильный толчок – и бросились в лицо тёмные воды реки. Залили горло и нос, защипали веки. Елица махнула рукой, пытаясь отбиться от мавки, но та лишь макнула её глубже. И

дышать стало вовсе нечем – вырвался весь воздух из груди, и хлынула опаляющая волна дальше, вытесняя из тела жизнь.

Но вдруг хватка пропала. Елица вынырнула, совершенно ослепшая, не понимая уже, где она. Громкий плеск позади, всхлип сдавленный – и тишина. Тягостная, мёртвая.

– Дыши. Дыши, княжна, – совсем уж неожиданно раздался рядом голос Ледена.

Она вдохнула, закашлялась мучительно. Её поддержали крепкие, надёжные руки – и так приятно было просто упасть в них, ткнуться лицом в грудь княжича, облепленную мокрой рубахой. Только слегка отдышавшись, Елица поняла, что отчаянно цепляется за его плечи, почти висит на них, а Леден держит её за талию, чуть поглаживая. Но она даже не хотела противиться, не могла ступить от него и шагу.

– Не смогу выйти, – просипела.

Хоть и стыдно было признавать немочь, а никуда от этого не денешься. Разрасталась внутри такая муть, что тело слушаться совсем отказывалось. Словно жизнь вся в реку уходила. Леден скользнул ладонями по её спине, тягуче и до странности ласково, остановился под лопатками, обнимая тесно.

– Я выведу. Нас обоих, – в круговерти, что понеслась перед глазами, Елица вдруг увидела его лицо.

Серьёзное, озабоченное – всего на миг. Почувствовала, как коснулись прохладные губы её уха. И всё казалось, что эти ощущения подкидывает ей Навий мир – так не должно быть. Не должно быть так спокойно рядом с ним. Как за стеной каменной. Леден поднял её на руки и вынес из воды. Куда они пошли дальше – Елица не увидела, уже совсем погрузившись в туманную мглу беспомощности.

Очнулась она от того, что жаркий свет скользит по лицу. Тихий разговор мужчин где-то сбоку подарил приятную мысль о том, что она не может быть в Нави, слишком живо всё: и потрескивание дров в костре, и далёкое посвистывание клестов в кронах деревьев, что едва слышно шуршали – словно мурлыкали – под ласковой ладонью ветра. Она открыла глаза, осмотрела медленно небольшую стоянку, что устроили соратники Ледена под гривами берёз – и низкий гул голосов тут же стих. Княжич склонился к ней, осторожно погладил по голове, что-то сказал неразборчиво. Стоян с Брашко, сидящие с ним рядом,

встали, как по приказу, да и пошли прочь, бормоча, что на ночь надо ещё веток набрать.

– Как ты, княжна? – Леден взгляделся тревожно: видно, понять не мог, слышит ли она его, в себе ли.

– Что случилось? Как ты оказался там? – протянула Елица, словно только эти слова в голове и держала.

Княжич усмехнулся.

– А я в Навий мир давно уж одной ногой ступил. Вот и могу ходить туда. Хотя и нечасто бывал, с детства-то. И возвращаюсь потом, словно палками побитый. Почуял, что мавка эта неладное задумала. Вот и увязался за вами, а там уж смог её убить. В Нави и человекье оружие для неё опасно.

Елица несколько мгновений рассматривала его и находила будто бы какие-то новые черты в нём, каких раньше не замечала. Как будто знание, что он – навь наполовину – что-то изменило. Оттого-то и льнула к нему Чарина, тёрлась об него, словно одуревшая по весне кошка: он манил её теплом, что казалось пленительным жаром для мавки. И в то же время сродни ей. А вот живых девиц – отпугивал негожим для обычного мужчины холодом.

Елица снова закрыла глаза: по телу от его голоса растекалась нестерпимая слабость. И хорошо так было, пусть силы ещё не вернулись.

– Спасибо, – только и сумела она сказать.

Наутро они вернулись в Радогу, изрядно переполошив тем весь до самого вечера. Люди-то уже и думать начали, что теперь сгинула непутёвая княженка вместе с княжичем остёрским навсегда. Может, кто-то и радовался даже. Бросился тут же Остромир расспрашивать, как удалось им так скоро через болото пройти, и что они в старом святилище найти сумели. Но и сказать-то ему было нечего – а особенно мавку, что провела их через топь, а после едва Елицу не погубила, упоминать не хотелось. Потому Остромиру показали только те маленькие фигурки Богинь и попросили созвать волхвов – чтобы у них теперь спросить совета.

И новым разочарованием стало то, что никто из них толком не сумел сказать, что означают они и как там оказались. Только один волхв – Годун – что был старше других и служил Велесу на другом уже капище, осмотрел Богинь пристально и, поразмыслив, сказал:

– Был я однажды, ещё выучеником у другого волхва, на одном капище, – он сощурился, словно обратился внутрь себя, вынимая из помутневшей памяти нужное. – Да и то не был, а так, со стороны смотрел. Потому как женское оно и справлялись там в то время обряды, в которые мужам лезть негоже. Почитали его сильно. Место особое – говорили. И видел там изваяния точь-в-точь такие же, только большие. Но сейчас уж не вспомню, где то капище стояло.

Леден выслушал его внимательно, и в глазах его снова загорелся тёплый свет надежды. Стали они такими, какими редко их приходилось видеть – приветливо голубыми.

– А если волхва в Велебоске об этих фигурках расспросить? – он посмотрел на Елицу, которая уже совсем оправилась после похода в Навь, а потому готова была искать Сердце дальше, раз тут не нашлось.

– Возможно, он знает, – согласилась она.

И на душе просветлело. Вернуться в Велеборск, покинуть скорее это место, что причинило столько тревог и боли. Другого ей сейчас и не было нужно.

Поддались они на уговоры Остромира и задержались ещё на день. Отдохнули и уложили в головах всё, что случилось. Одно плохо оказалось: Елица проснулась ночью от кошмара, который после пробуждения и вспомнить-то не смогла. Только осталась будто бы внутри шершавым глиняным черепком часть Навьего мира. И скользнула по щиколоткам мёртвая тина чёрной реки. Она села на лавке, оглядываясь в неподвижную фигурку Миры, которая и не услышала её тихого вскрика. Отдышалась немного и снова легла.

И как бы ни был гостеприимен Остромир, как бы ни уговаривала Сияна задержаться ещё немного, а пришло время возвращаться. Елица едва дожидаться смогла. Была ей Радога домом когда-то, да ненадолго – не успела в сердце осесть.

Леден, кажется, тоже торопился назад, хоть и сказать особо брату было нечего. С самого раннего утра, когда вставшее Дажьбожье око ещё едва проглядывало сквозь набрякшие веки облаков, они погрузились на лошадей и отправились наконец в Велеборск. И задумчиво-хмурым был нынче Леден, а уж десятник его Стоян – и вовсе мшистых гор мрачнее: распрощался он с Убавой, пообещал что-то, наверное. Но не знал теперь, когда свидятся и подпустит ли его ещё Остромир к своему порогу.

Говорят, дорога назад всегда кажется короче. Так и было: то ли разгулявшаяся теплом к самому Лельнику погода благоволила, то ли нетерпение скорее добраться до Велеборска подгоняло, а вот уж большая часть пути оказалась позади. Только нехорошо стало на душе, как приехали на тот самый погост Белич, где жена старосты отравленную мазь для Ледена дала.

Елица уж как только ни пыталась заставить себя смолчать, но всё же не сумела.

– Что же теперь с Годаной будет? – спросила, поравнявшись с княжичем, который, как и всегда, ехал впереди.

Он коротко посмотрел на неё и снова вперился в даль, где проступали уже среди зелёно-бурой стены леса очертания изб вокруг крепости.

– Ты снова за старое, княжна, – вздохнул, словно уж посчитал, что она неисправима. – А ведь она меня отравить хотела. Понимаю, что тебе всё равно. Но мне-то ещё моя жизнь дорога.

– На суд её повезешь? – Елица и хотела бы чем-то оправдать Годану, но понимала, что Леден прав тоже.

– Нет, – княжич покосился на неё, явно желая видеть, как вытянется её лицо. – Виру наложу. Большую. Не пастушка ведь порешить хотела. А там как хотят пусть собирают. Не соберут в срок – тогда по-другому судить будем.

Она и говорить больше ничего не стала: всё верно Леден рассудил. И разговора того, что между ними со старостой после случился – не слышала. Зато узнала, сходяв вместе с Мирой на здешний торг – чуть развеяться – что Бошеслав едва не в ноги княжичу бросился в благодарность за то, что жену его непутёвую губить не стал. И благосклонно так местные о том шептались, что даже сомнение разобрало: неужто теперь примут, смирятся совсем с мыслью, что Ледена уважать и стеречься нужно?

Как возвращались Елица с чернавкой к гостиным избам, так ещё издалека увидели, что к ним как будто другие путники приехали: стояла тут повозка, резная, красивая, запряжённая двумя крепкими гнедыми лошадьми. А вокруг хлопотали кмети тоже, да совсем немного: от татей разве что отбиться, коли встретятся. Значит, кого-то стерегут. Заметила Елица среди мужчин и Ледена: он с кем-то говорил приветливо – не видно за спинами мужей. И, только ближе подойдя,

разглядела – едва корзину со свежим хлебом не выронила. Кутаясь в тонкий плащ и поглядывая на княжича с лёгким испугом, стояла перед ним Вышемила – младшая сестра Зимава. И как только здесь очутилась?

Елица окликнула её, не понимая ещё до конца: может, ошиблась? Но девушка тут же обернулась, нахмурилась, оглядывая пристально, а в следующий миг едва не бегом кинулась навстречу, не обращая внимания на то, что сапожки из тонкой кожи пачкаются в ещё не подсохшей грязи взбуравленного десятками ног и копыт двора. Елица под недоуменным взглядом чернавки поспешила к ней тоже и через миг обняла Вышемилу, погладила по пшеничной косе, что стала за то время, что они не виделись, ещё длиннее и толще.

– Что тебя сюда привело? – поймала её лицо в ладони, оглядела миловидное личико.

– Так спешно мне уезжать пришлось, – Вышемила опустила взгляд. – Батюшка меня с частью дружины в Велеборск отправил, как косяки на нас напали. Они быстро умчались, только скота чуть увели и зерна забрали. Но он побоялся, что станут чаще теперь у нас появляться. Как Борилы-то Молчановича не стало. И Отрада... – Она всхлипнула.

Давно уж понятно было, что Отрад ей приглянулся. Особенно тогда, как она понёву надела. Но княжич в её сторону и не смотрел вовсе: всё маленькой считал, не гляди, что по красоте и статности Вышемила норовила сестру старшую обогнать. Да ему мечи и копья да схватки с соратниками всегда милее всего были. Думал, жениться всегда успеет. А вот не успел. Но Елица всё равно уж считала боярышню почти золовкой своей. Хоть и не сбылось.

– Что же, так страшно отцу твоему стало что он тебя отослать решил? В Велеборске сейчас тоже неприятель. Думаешь, лучше там? – Елица невольно обернулась на Ледена, и едва не вздрогнула от того, как близко он оказался.

– А ты меня и брата моего уже всю порочишь, княжна, – он сощурился, но как будто не зло вовсе – и на боярышню посмотрел.

Та взгляд его перехватила и тут же потупилась, а щёки её – ты посмотри! – и румянцем тронуло. Захотелось встряхнуть неразумную девушку, чтобы опомнилась – нашла перед кем хвостом крутить!

– Не порочу, а предупреждаю, – буркнула Елица. – Или скажешь, что не права, когда не знаю, чего от вас ждать можно?

– Думал, узнала уже, – Леден пожал плечом.

Она и губу прикусила – верно, как ни мало знакомы, а уже успели через многое вместе пройти. Но сильное желание предупредить Вышемилу обо всём ничуть не пропало. А той как будто и вовсе всё равно было: не слушала их разговора. Всё поглядывала на Ледена исподволь и, всего-то придерживая её под локоть, Елица чувствовала, как трепыхается девичье сердчишко.

– Раз уж мы встретились, – решила она заговорить о другом, – то и дальше вместе поедем до самого Велеборска. Так спокойнее будет. А переночевать в одной избе можно.

Вышемила закивала с готовностью и Елицу за талию приобняла, уже утягивая прочь. Леден повернул голову им вослед и, коротко обернувшись, она увидела, как на боярышню смотрит. Они столкнулись взглядами – и княжич, словно опомнившись, тут же направился к своим кметям, которые уже всю трепались с прибывшими: делились вестями и громко бранили косяков.

– Отец решил, что рядом с Зимавой мне будет всё ж безопаснее, – продолжила объяснять Вышемила по пути к избе, возле которой, присев на скамейку у завалинки, ждала их Мира.

– Может, и будет, – не стала спорить Елица.

Всё ж погорячилась, когда сказала об опасности Светоярычей: они ведь обо всём уговорились с Чаяном. Пока в избу под присмотром чернавки Таны, что сопровождала Вышемилу, кмети переносили какие-то вещи, боярышня всё рассказывала, какого страха натерпелась, когда налетели на город косяки. Как она слышала их вопли даже за крепкими стенами, как видела огонь в одном из подождённых острогов. Благо его быстро потушили.

А после вместе с чернавками они справили знатную вечерю для всех, кого нынче дороги так счастливо свели на одном погосте. Не иначе Брашко – кто ещё среди соратников княжича мог похвалиться такой хваткой – сумел раздобыть даже небольшой бочонок пива, который мужи и распили за длинным, составленным из нескольких, столом. Как совсем стемнело, Елицу уже и в сон начало клонить. Она вяло обводила взглядом лица кметей, иногда натываясь на светлые даже во мраке глаза Ледена. Вышемила, поначалу усевшись рядом с

ней, уже незаметно перебралась поближе к нему. Теперь княжич с видимым удовольствием о чём-то тихо с ней разговаривал – и все слова его заглушал гомон раздухарившихся мужчин.

– Отдыхать уже пора, княжна, – тоже поглядывая на Ледена и явственно злясь, шепнула Мира, когда остановилась за её плечом.

Елица кивнула и поднялась. Кутаясь в полы лёгкого льняного плаща, она дошла до избы, стараясь не оборачиваться. Словно в тумане, умылась и улеглась на свою лавку, слушая тихое ворчание Миры о том, что от шума этого никак не уснуть, а ведь вставать завтра рано. Елица закрыла глаза, отвернувшись к стене – а перед взором до сих пор отсветы костра, разожжённого во дворе, плясали. Она поймала себя на том, что вслушивается в гул низких голосов, что ещё доносились снаружи, словно пытается узнать среди них один лишь. А чей, даже себе признаться боялась.

Глава 10

Всё чаще приходили тревожные вести с восточных границ княжества о нападениях косяков. Сошёл снег, выгнали они свои стада на бескрайние луга и отправили воинов поживиться к соседям после зимы. Но думалось Чаяну, что не только зерно заставляло их поторопиться с налётами. Прослышали о том, что князя Борилы, который земли свои от них справно берёг, не стало. А на его место пришёл неведомо кто и зачем – неизвестно. Они опасались вступить в схватки с дружинами на заставах и успевали удрать до того, как на помощь людям приходили воины из детинцев. Но то, что они начали щупать приграничные земли гораздо смелее, было недобрым знаком.

И Чаян понимал: коль скоро он нарёк себя хозяином Велеборска, занял княжеский стол, мечом, словом ли – то и ему теперь княжество хранить от разорения, пока Сердце не отыщется. Иначе будет он смотреться не лучше, чем получилось бы, возьмись его собственные ратники бесчинствовать во всех окрестных землях.

Поэтому-то и решил он встретиться нынче с воеводой своим, Буяром: тот и совет дельный даст, да и решать без него что-то негоже совсем.

– Что скажешь, Буяр? Надо бы людям помочь, припугнуть косяков, – он разгладил ладонями лежащую перед ним карту Велеборского княжества.

Раскинулись по ней ленты самых крупных рек с горошинами городов вдоль самого удобного пути с севера на юго-восток. Россыпью коротких чёрточек стелились болота, пятнами – самые большие озёра. Но не так много, как было их вокруг Остёрска. На миг кольнуло где-то в груди от тоски. Как бы ни было тяжело жить там, а всё равно нет ничего милее родных мест.

Воевода задумчиво провёл пальцами по неровной линии границы с косяками, за которой не было ничего, кроме обрывка Велечи, что изгибала своё русло, убегая на неприятельскую сторону.

– Начнём войско от стен Велеборска отводить – надолго его удержишь? – с сомнением проговорил он. – Говаривал я с Доброгой.

Чую, только и ждёт он, что ты хватку ослабишь. А пока Леден не вернулся...

– Зимава не позволит Доброге глупить.

Треснул громко факел в держателе неподалёку, будто сломалось что-то. Провели мимо входа в шатёр лошадь.

– Зимава – баба! – рыкнул Буяр. – За дитя своё печётся, это верно. Но власти она почти никакой не имеет. Она город сдала. И ноги перед тобой раздвинула. Разве теперь ей станет воевода доверять?

Он кивнул отроку, что поставил перед ними с Чаяном на стол кувшин только подогретого на огне сбитня и две деревянные кружки. Парень лишь мельком глянул на карту и тут же вышел наружу. Перебросился парой слов с гриднем, что стоял у полога – да и скрылся где-то в недрах шумного становища.

– Всё-то ты знаешь, – Чаян хмыкнул.

– Кто ж о том не знает, – покачал головой боярин. – Весть та быстро по городу разнеслась. И до нас долетела. Хвалить не стану. В незнакомый омут ты сунулся.

– Все эти омуты одинаковы, – Чаян хлопнул ладонью по карте. – Да только за княжество я теперь отвечаю. Не стану косяков гнать – меня скорее отсюда прогонят.

– Тоже верно, – глубокая складка прорезалась между бровей воеводы.

Они помолчали ещё, думая о своём и об одном и том же. Буяр даже обошёл шатёр, сложив за спиной толстые, что брёвна, руки, постоял у очага, который шаял едва-едва, уже почти не давая тепла. И Чаян понимал его сомнения. Столько сил и жизней положено было на то, чтобы через всё, посчитай, княжество до самого Велеборска пройти. И столько сил теперь нужно, чтобы удержать его, пока не пообвыкнутся люди и не поймут, что молодой правитель ничуть не хуже того, что был. Пусть и на время.

– Косяки большим войском пока не нападают, – снова заговорил Чаян. – Значит, и нам много людей не надо, чтобы от них отбиваться. Отправим подмогу в города. Косяки прознают – может, побоятся лезть на рожон.

Буяр остановился и взглянул на него через плечо.

– И всё же. Чего ты хочешь, Чаян? – он повернулся совсем. – Разве князем здесь стать? Ты наследник Светояра. И его место

займёшь. Кажется, ты с княженкой уговорился о том, что земли отца её оставишь, когда она Сердце тебе вернёт.

– Уговорился, – кивнул тот. – Но что-то меняется, Буяр... Может, по-другому всё обернётся.

Боярин подошёл, пристально вглядываясь в его лицо. Знал он Чаяна давно, с самой юности, когда ещё в старшую дружину Светояра только-только сотником перебрался. И сам, бывало, наказывал за проступки тяжёлой рукой. И вот сейчас проступила в его взоре знакомая подозрительность.

– Не говори мне только, что на княженку глаз положил, – прищурился и возвёл очи горе, когда Чаян промолчал в ответ. – Да она ж вас с Леденом терпеть обоих не может. Видел я, как смотрит и губы поджимает. А ты пока руку ей под подол будешь силиться засунуть, так мы тут завяжем ещё до зимы.

– Вот потому я не хочу ей быть врагом. Присмотреться хочу.

– И всё же от баб беды одни, – Буяр фыркнул.

– А то, я смотрю, ты женат уж дюжину лет как, – Чаян примирительно улыбнулся.

Ворчит воевода больше для порядка. Но и сам он понимает, что так или иначе, а князю бездетному, без жены, нигде власть не удержать. Чем Елица не годится в супруги? Красива – взгляд не оторвёшь, умна и рассудительна. Уж точно лучше её не сыщешь. И опять же сон этот...

– Коли начинает в дела вмешиваться то, что между ног у мужиков, не выйдет ничего хорошего, – махнул рукой боярин. – А жена моя княжной не была никогда. И я на её дом не нападал.

– Прав ты, Буяр. Во всём прав. Но и я уж не отрок, – Чаян свернул карту и отложил в сторону. – Поговорить надо с Доброгой. Пусть тоже людьми делится. Вместе мы косяков быстро отвадим.

На том и порешили. Скоро встретились воеводы в остёрском становище. Говорили много, выпили не один кувшин мёда, как рассказывали кмети. Воины опасались, что не случится между Буяром и Доброгой согласия, каждый начнёт одеяло на свою сторону тянуть, торговаться. Но те всё ж договорились, и скоро выехал на юго-восток княжества первый собранный ими отряд воинов. Направились они к Ждиличу – городку, где любили порой торговать люди из граничного на севере княжества.

Не успел очередной дождь смыть следы кметей, что отбыли в Ждилич, как поутру застав Чаяна за уроком тела на ристалище, прибежал отрок здешний – их имена ещё запомнились не все. Он постоял почтительно в стороне, дожидаясь, пока княжич закончит очередную цепь движений и выпадов и повернётся к нему.

– Там Леден Светоярыч приехал. С княжной Елицей, – сразу доложил отрок.

И до того захотелось отвесить ему, бестолковому, подзатыльник, что аж ладонь заломило.

– Ты бы ещё до вечера подождал, чтобы мне сказать, – Чаян покачал головой и быстро пошёл за отроком, что, виновато пригнув голову, едва не бегом бросился к главным воротам.

Ещё до того, как вывернуть из-за угла терема, Чаян запахнул свиту, подпоясался, накинул плащ на одно плечо и расчесал пальцами чуть отсыревшие от тумана волосы – и, верно, почти как правитель стал выглядеть, словно и не потел только что на поле. От чего-то Елицу не хотелось встречать совсем уж в небрежном виде.

Она как раз спешила, опираясь на плечо Ледена: надо же, как уезжала, и смотреть в его сторону не хотела. А тут как будто связало их что-то, заставило её не принять, но хотя бы немного смириться с тем, что он рядом. Чаян встретился с ней взглядом – и на губы сама собой напозла улыбка, хоть Елица и смотрела устало и рассеянно. Надо бы дать ей отдохнуть, да и брату тоже, но острое нетерпение тут же разрослось внутри, заставляя ускорить шаг – стоило только вспомнить, что они должны были привезти.

Но на лице Ледена было только разочарование, что пробивалось даже сквозь обычную его отстранённость и невозмутимость. И спрашивать не нужно – и так понятно, что вернулись они ни с чем. Но Чаян всё же не стал допытываться с порога: тёмные круги под глазами измотанной дорогой княжны и бледная кожа яснее любых слов говорили о том, что сейчас её просто необходимо оставить в покое хоть ненадолго.

– Мы не нашли Сердце, – Леден качнул головой после короткого приветствия.

Елица, что-то сказав подоспевшей челядинке, подошла – и взгляд снова уловил короткое прикосновение младшего к её локтю.

– Я уж вижу, – буркнул Чаян. – У нас тут тоже вести нерадостные. А это кто?

Он только заметил, что вернулся его отряд очень разбухшим. Сгружали с лишних телег вещи отроки и незнакомые вовсе кмети. И у нарядной, явно боярской повозки стояла девушка лет семнадцати и осматривалась растерянно, словно терем княжеский видела первый раз.

– То сестра Зимаваы – Вышемила, – Елица коротко обернулась на неё. – Спасаться сюда приехала от косяков. Слыхали вы Велеборске, что они снова буянить начали?

Чаян, не переставая разглядывать боярышню, кивнул.

– Слыхал, а как же. Мы с воеводами даже кметей отправили к границам. Поусмирить их немного.

Княжна вскинула брови удивлённо, словно и думать не думала, что он станет за эти земли заступаться. А он всё ждал, что хоть спасибо скажет, но нет – смолчала. Леден одобрительно хлопнул его по плечу и отправился в терем, скользнув ладонью по предплечью Елицы. И то ли померещилось в слишком сильной подозрительности, то ли и правда так было – а напоследок княженка коснулась кончиков его пальцев своими, тонкими, чуть озябшими с дороги.

Боярышня слегка испуганно глянула в их сторону, а после в спину Ледена уставилась, шаг сделала даже за ним, но передумала как будто. И тут выскочила на крыльцо сама Зимава, едва не столкнулась с братом в дверях – отпрыгнула от него, словно от прокажённого – и к сестре кинулась. Они обнялись, едва не расплакавшись. Княгиня что-то строго выговорила Вышемиле, а та лишь голову опустила, как будто оправдываясь.

– Пойдём, провожу тебя малость, Елица, – Чаян улыбнулся княжне.

Та не стала противиться – отвела от него внимательный взор и пошла по тропинке, где скрылись уже челядинки, к женскому терему. Он последовал за ней, невольно любясь плавной походкой и стройной её невысокой фигуркой. Отчего-то вспомнился тот вечер, как встретил он её недалеко от бани в сумерках – и захотелось вдруг увидеть снова её густые волосы, что даже во мраке явственно мёдом отливали. Пройтись по ним гребнем, пропуская сквозь пальцы... Ещё сильнее будоража, поднимая внутри чувства, словно вихрь песка со дна,

обхватил со всех сторон старый сад. Много раз за нынешний день Чаян проходил по нему, да только сейчас по-особенному всё стало. Остро, что аж нос щекотало, пахло здесь набухшими маслянистыми почками, готовыми выпустить молодую листву на свет Дажьбожьего ока, под его ласковую ладонь. И ясно так представилось, как и раньше гуляла по этим дорожкам Елица, будучи ещё юной невестой: до того ладно она смотрелась здесь, словно обнимали её старые яблони, как родную. Чаян моргнул, сбрасывая наваждение – соскучился по ней никак? Давно такого с ним не случилось, чтобы к девице, с которой и пары дней под одной крышей не провёл, так прикипеть.

– И что же, княжна, – спросил он больше для того, чтобы вымести из головы беспокойные мысли, – Ничего вы больше не прознали про Сердце? Снова не знаешь, где искать его теперь?

Елица обернулась, слегка отодвинув платок от щеки, окинула его пытливым взглядом. И снова нахлынуло чувство, будто изучает его, присматривается, решая, как вести себя с ним дальше. От этого и тревожно становилось, и радостно: всё ж не сторонится совсем, не шарахается, как Зимава от Ледена, которого с первого дня невзлюбила.

– Нашли кое-что. Но пока ответов это не прибавило, – она снова отвернулась. – Волхва хочу увидеть. Соловья.

Чаян покивал, услышав знакомое имя здешнего жреца и ведуна. Видел он его всего один раз – да и то издалека, в посаде. Воевода Доброга указал на него и сказал, кто такой. Да пока надобности не случилось его в детинец призывать, хоть и говорили, что на здешнем святилище он самые большие обряды и требы всегда справлял.

– Позовём, коли надо.

Елица остановилась перед крыльцом женского терема. Доносились сюда голоса челядинок из приоткрытого окна в её горнице, где-то слышались шаги – того и гляди какая баба выйдет из-за угла. А пока – никого. Княжна посмотрела на него вопросительно: верно, ждала, что ещё скажет. А он, странное дело, не находил слов, чтобы удержать её здесь ещё на мгновение, хоть и хотел невыносимо.

– Ты отправь кого к Соловью. Пусть завтра поутру приходит. Не вечером. Нехорошо без Дажьбожьего ока такие дела решать.

– Отправлю.

Она кивнула серьёзно и, чуть подобрав подол, начала по лестнице подниматься. Взглянула ещё раз сверху, нахмутив брови – отчего

мелькнула между ними едва заметная морщинка. Чаян схватился было за перила – за ней пойти, но так и остался стоять на месте, глядя, как покачиваются под поневой её бёдра и как мелькают аккуратные ступни в мягких сапожках из-под подола при каждом шаге.

– Я рад тебя видеть, Елица, – успел сказать он прежде чем княжна скрылась в тереме.

И едва по лбу себя ладонью не хлопнул – ну чисто мальчишка! Никогда он на слова не скупился, а тут от вида её порой забывал все до единого. А те, что приходили – всё были какими-то глупыми.

Продолжая вздыхать над тем, какой он остолоп, Чаян вернулся в свои – а когда-то князьки – покои. И едва не споткнулся о порожек, увидев там Зимава. Да что ж привело её сюда в такой час? Коль хотелось ласки, так и до вечера подождать можно было, хоть слишком часто и негоже с ней видетсяя.

Княгиня, видно, только пришла: ещё и присесть никуда не успела.

– Здрав будь, Чаян, – улыбнулась скупно – и сразу понятно стало: не миловаться пришла, похоже. – Не здоровались сегодня ещё.

– Здравствуй, Зимава.

Он прошёл дальше и взял со стола кружку, в которую княгиня только что налила свежего ржаного кваса. Мелькнула даже мысль: а вдруг отравит? Но Чаян отпил, радуясь, тому, как прохладная кисловатая влага омывает пересохшее после встречи с Елицей горло – и жестом предложил женщине испить тоже. Она плеснула и себе в кружку.

– Брата своего уйми, будь добр, – сказала совсем уж нелепое и непонятное.

Чаян распоясался и сбросил с плеч свиту, заметив, как жадно скользнула по нему взглядом княгиня.

– А что с Леденом? Он же тихий, что избушка в глуши лесной.

Зимава фыркнула, расслышав насмешку в его словах. Подошла со спины ближе, положила ладони на плечи, мягко разминая, словно устал он, хоть ещё и не успел. Но её забота оказалась приятной: Чаян даже голову запрокинул слегка, ощущая, как лёгкое покалывание разносится по телу.

– А то, что Вышемила покой теряет рядом с ним. Только ведь встретились...

– Так, может, это тебе сестрицу свою унять надо? – он глянул искоса.

Губы Зимава сжались в жёсткую линию. Она слишком сильно надавила пальцами на мышцу рядом с шеей – и так точно попала, что Чаян аж зашипел от острой боли. Неожиданно.

– Вышемила юная совсем! – Зимава склонилась к его уху. – А он... Сам знаешь, что дурит головы девицам видом своим загадочным.

– Не знаю. Я же не девица.

– Коли не хотел бы он, так и у неё надежд в душе не зародилось бы! – в голосе княгини вдруг послышались слёзы. – Все уши о нём мне уже прожужжала. Только через порог ступила.

И правда ведь, похоже, за сестру она испугалась. А ведь Чаян тоже не слепой: сразу заметил тягучий взгляд, каким боярышня Ледена провожала. Много ли молодой девице надо, чтобы сердце разгорелось? Слово ласковое, внимание ненароком и терпение выслушать болтовню.

– Да как же я его уйму, Зимава? – Чаян повернулся к княгине. – Не маленький ведь он. А я ему не отец. Брат только. Равный.

– Скажи ему, чтобы и в сторону её не смотрел! – в глазах княгини блеснул злой огонёк. – От беды она хотела спастись – и потому сюда приехала. Да только как бы в большую беду не угодила.

– Как ты?

Чаян улыбнулся. Мягко коснулся её щеки ладонью и провёл большим пальцем по плавной линии губ. И зачем так делает? Зачем душу ей берedit – и сам толком не знал.

– Как я, – согласилась Зимава. – Но я женщина. Замужем была. Мужа потеряла. Я понимаю больше, чем Вышемила.

Она слегка подтолкнула его в грудь, заставляя сделать шаг назад. Он сел на застеленную лавку, а княгиня, приподняв подол, опустилась на его колени верхом. Прижалась к губам его своими, провела ладонью по животу а дальше, задрав край рубахи – скользнула под гашник. Чаян втянул воздух сквозь зубы, ощутив требовательные ласки её тонких пальцев.

Как с некоторыми женщинами легко порой. И как сложно – коли с другой стороны взглянуть.

– Хорошо, я скажу ему, – между поцелуями проговорил он. – Но решать всё равно они вдвоём будут.

– Спасибо, – шепнула Зимава.

Чаян стащил с её головы платок, сдёрнул ленты с кос – и запустил пальцы в мягкие волосы, расплетая шёлковые пряди. Зимава приподнялась и приняла его в себя, тихо вздохнув – а дальше уж всё забылось хотя бы на то время, что они были вместе в этой пустой и чужой хоромине.

После, как Зимава ушла, он отправил отрока к волхву Соловью – с вежливой просьбой прийти наутро в детинец для дела очень важного. Тот вернулся скоро, передав, что старец согласен. А на другой день, как разлился бледный рассвет по небу, в гридницу пришёл другой парень и доложил, что Соловей уже здесь: явился как только открылись ворота. Чаян быстро закончил утреннюю, которую так и проводил каждый день: не отдельно в трапезной, а вместе с воинами – и поспешил в общину.

Волхв сидел на лавке, оперевшись спиной о стену, а как вошёл княжич – лишь голову слегка повернул и сжал сухими, словно сучья, пальцами отполированный множеством прикосновений посох. На старчески сморщенном лице его, почти невидном под богатыми усами и бородой, сияли, словно осколки неба, удивительно молодые глаза.

– Здрав будь, Соловей, – оказывая почтение старшему, первым заговорил Чаян.

Волхв пожевал губами, словно раздумывал ещё, стоит ли отвечать: вот же, жил и не знал, что здешний жрец отнесётся к нему с такой неприязнью. И так на улицах Велеборска через один все взгляды – враждебные, хоть люди и помалкивают пока.

– Здрав будь, княжич, – всё же пробурчал Соловей.

Глянул Чаяну за спину и улыбнулся вдруг, сразу помолодев на десяток-другой лет. Тот обернулся, проследив за его взглядом: в общину вошла Елица, отдохнувшая, посвежевшая после долгой дороги – что кувшинка белая в озере. Одно только омрачило невольно её появление: то, что следом, как привязанный к ней, вошёл Леден. Словно они договорились где встретиться и вместе сюда дошли. Метнулся в груди сухой комок горячей ревности – хоть и негоже это, на брата обиду держать за то, что они с княженкой за время пути, может, и сблизились как-то. Сам его с ней отправил – расхлёбывай теперь, не поперхнись.

Как все расселись за столом, Елица вынула из кошелья, что висел на её поясе, три округлых палочки и протянула на раскрытой ладони

волхву. Тот посмотрел на неё пока непонимающе и взял их – разглядеть поближе. Чаян же заметил, что на них будто лики вырезаны.

– Их мы нашли на старом святилище Велеса, что недалеко от Радоги, – пояснила княженка, пока Соловей вертел колышки в руках. – Никто из местных волхвов не смог нам сказать, откуда они там появились. Но один вспомнил, что видел такие же на одном из святилищ, да где – не разумел: много лет прошло.

Чаян тихо вздохнул от накатившего облегчения: не совсем с пустыми руками приехали, хоть за что-то да можно было зацепиться.

– Я на таких не бывал, – тут же разрушил все чаяния Соловей.

Он вернул колышки Елице – она лишь растерянно посмотрела на них, как будто не зная, куда теперь деть. Леден, что сидел рядом, только ладонь на столе в кулак сжал, пока смолчал. Но, видно, и у него терпение уже поступило к исходу.

– Так что же делать? – голос Елицы дрогнул.

– Идолки эти явно с женского капища – тут верно всё. И так, такими чертами вырезали их всегда ближе к косляцким землям, на востоке. Туда люди шли от моря, принесли с собой память о том, как прашуры их идолов резали. Там бы кого спросить.

– На востоке сейчас опасно, – буркнул Леден и на княженку покосился, словно и правда встревожился.

Надо бы расспросить его, как путь их прошёл да что они там, кроме старых капищ, видали. Просто ради спокойствия собственного. Елица поймала взгляд младшего, удержала, как будто мыслями они какими обменялись.

– У Сновиды узнать можно, – проговорила неуверенно. – Она точно должна была на то капище хоть раз сходить. С тех краёв родом.

– Вот же, – усмехнулся Леден, – зря я тебя оттуда увёз.

Елица потупилась коротко, как будто слова его чем-то её смутили.

– Всё возвращается туда, откуда началось, – Чаян перевёл взгляд с неё на брата, хоть и хотелось дальше на княженку смотреть. – Только в путь я тебя, Леден, снова не пущу. Пусть теперь из кметей кто едет. Сотника дам, если надо. А ты мне здесь понадобишься. К тому же Елица сразу не поедет. Пусть отдохнёт немного, а то вон похудела уже. Да и Лельник на носу – женщинам и девицам радость.

– А то ты знаешь, похудела я или нет, – покачала головой Елица – даже не улыбнулась. – Но ты прав. В дорогу я тут же не брошусь. Лельник встречу.

На том и решили, отпустили Соловья, а после полудня, оставив вместо себя Ледена, Чаян в становище остёрское наведалься: самолично назначить тех кметей, что отправятся вместе с Елицей в Звяницу, к волхве. Не хотелось её от себя теперь отпускать: оно спокойнее, когда рядом, на глазах. Когда можно встретиться где во дворе или в трапезной, если выйти пожелает. И хоть с Леденом было бы отправить её надёжнее, да не доверял Чаян ему больше: не нравились те взгляды, как будто не такие холодные, как раньше, что братец на княженку бросал. И то, как она едва не румянилась, перехватывая их. Можно ведь мужей разумных ей в сопровождение дать – и выйдет ничем не хуже, если рассудить.

На удивление, нашлись среди кметей те, кто сам вызвался с Елицей ехать. Оказались то десятник, что уже бывал с ней в дороге – Стоян, и друг его верный – не разлей вода – Истр. Что ж, так, верно, и хорошо, княженка их уже знала, а потому спокойнее ей рядом с ними будет. Ещё нескольких он отобрал уже вместе с десятником. Буйр поворчал малость, что снова людей куда-то отправлять нужно, да недолго. Что им? Всё равно без дела под стенами сидят, кабы скоро с ума сходить не начали да дурить. Долго войско без битв держать – опасно, да и землям здешним разорение лишнее. Но пока приходилось удерживать хватку крепкой. Хоть воевода Доброга уже, кажется, смирялся с чужаками да порой приходилось слышать, как кмети передают друг другу его слова о том, что княжичи, хоть и с мечом сюда пришли, а ведут себя вполне разумно. И это радовало душу. До того, что при мысли о том, как отсюда уезжать рано и или поздно придётся, становилось тяжело.

Пока суд да дело, вернулся Чаян в детинец лишь к вечеру и не заметил даже, как темнеть начало. Голова гудела от разговоров с воеводой и кметями, от забот таких, будто он и правда уже князем здесь стал – и все к нему обращаются, потому как больше не к кому. Пошёл он от восточной башни к княжескому терему, думая не покидать уж больше сегодня хором – и увидел в глубине сада как будто прогуливается кто. Ещё пара шагов – и узнал в фигурах, высокой, мужской, и хрупкой рядом – девичьей – Ледена и Вышемилу. Брат шёл

по тропке, заложив руки за спину, и будто бы внимательно слушал, что девушка ему говорит. Да только по взгляду его было видно, что о своём думает. А боярышня так и косилась на него, стесняясь повернуть голову и посмотреть открыто. Чаян вздохнул, вспомнив о своём обещании Зимаве – и до того муторно стало на душе: чего он будет в дела младшего лезть? Ну, хочется ему с девицей этой прогуливаться – так и пусть.

Он нарочно свернул в сторону – обойти их, пока не заметили – и увидеть успел, как Вышемила обеими руками Ледена за локоть обхватила. И, признаться, даже жаль её стало: вряд ли ей, какой бы пригожей она ни была, удастся сердце брата растопить. За много лет это ещё никому не удалось, хоть и бывали среди его случайных и не очень подруг красавицы знатные.

Скоро миновал Навий день, отгорели костры вдоль цепи курганов подле Велеборска, где покоились многие славные воины. И на отдельном – где лежали только князь Борила вместе с сыном. Елицы в тот день в детинце и не было, посчитай: всё время там провела. После вызванная к Чаяну челядинка – Мира, кажется – рассказала, что плакала княженка много, хоть и пыталась то скрыть. Зимавя тоже к мужу почившему ходила, да вернулась гораздо скорей. Хотела было прийти, но отговориться пришлось, хоть, верно, это княгиню и обидело. Да только дел было в этот день много и все нерадостные: и с других восточных концов княжества снова пришли вести о коротких, будто тычки под рёбра, нападениях косяков. Словно смыкали они помалу горячую дугу вокруг тех весей и городов. Пока что на заставах отбивались, но уже с одной, что лежала южнее всего, попросили подмоги, потому как степняков напало в последний раз дюже много – едва прогнали.

А потому пришлось до вечера засесть в общине вместе с Леденом и воеводами: велеборским и остёрским. И первый раз как будто они были единым целым, людьми, которым делить нечего – только защищать осталось. Нашли они согласие и решение того, как поступить лучше.

А уже на другой день грянул Лельник, к которому женщины и девушки готовились всю последнюю седмицу, сбивались кучками, шепчась о том, какого парня хотят в этот день к себе привлечь, заканчивали спешно вышивку новых рубах, которыми красоваться

будут в хороводах. До ночи шумели бабы в поварне, раскрашивая писанки, которыми будут одаривать родичей и друзей – да и просто встреченных на гулянии людей. Вот и Чаян, проснувшись, обнаружил у себя на столе в горнице небольшую плетёную корзинку с ярко раскрашенными яйцами. Чья-то заботливая и умелая рука украсила их птичками и знаками засеянного поля. Чаян, натянув рубаху, взял одно и повертел перед глазами, рассматривая и гадая, кто же так о нём позаботился. Вошёл отрок Радай с ушатом прохладной воды.

– Ты принёс? – бросил Чаян, едва на него взглянув.

Парень кивнул, громыхнув посудиною о лавку.

– Княгиня тебе передала. Хотела разбудить, да я сказал, что лёг ты вчера совсем поздно – и она не стала беспокоить.

Конечно, кто же ещё мог. Не Елица же, в самом-то деле. В груди обжигающим вихрем пронеслось разочарование: не слишком-то он верил в то, что княженка вдруг решит писанками его одарить. Она и в сторону его смотрит через раз. Но отчего-то всё равно хотелось, чтобы этот подарок от неё был.

В гриднице нынче было особенно шумно: собирались парни на гуляния, что разразятся нынче на недалёком от Велеборска холме среди светлого, как будто нарочно для празднеств выросшего березняка. Предвкушали они встречи с хорошенькими девицами, а то и мечтали половить их у реки да на тенистых лесных тропинках – а там и на поцелуй уговорить можно. Гомонили страшно, говорили наперебой и хохотали так, что в голове звенело, словно по горшку изнутри ложкой бьют. Чаян отлынивать тоже не собирался, хоть среди всех девушек и женщин, что сегодня, словно яркие грибы-лисички, рассыпятся среди берёз, волновала и влекла только одна. Та, которая на гулянии и появится лишь потому, что весь Лельник дома просидеть – едва не позор. А уж ухаживания принять – того и вовсе случиться не может.

Леден тоже принарядился по случаю. И, думается, понятно было каждому, почему он вообще на праздник собрался: не зря его Вышемила ласково на что-то уговаривала пару дней назад. Брат о том ничего Чаяну не рассказывал: да они о девицах вообще редко когда говорили. Не любил он душу раскрывать перед ним, хоть и кровь одна. Всё обиду забыть не мог, пусть и случилась та беда, что навсегда пустила между ними прохладный ручеёк отчуждения, давным-давно.

Когда были они ещё отроками, едва скинувшими детские бесштаные рубахи и сменившими их на порты да косоворотки, как у старших. Да и, чего таить, Чаян сам себя до сих пор винил порой за то, что по его вине Леден таким и стал. Из-за его трусости и робости, которая проявилась тогда так не вовремя. И если бы не решила Морана пощадить Ледена, то и погиб бы он подо льдом, куда провалился на рыбалке. А Чаян не смог его вытащить – ещё и сбежал, напугавшись до спёртого дыхания. Брата так и не нашли в тот день. А после он сам вернулся в детинец таким вот: словно изморозью побитым, в обледеневшей одежде, под которой даже от холода не дрожал, и с таким же отстранённым взглядом. Отец и пускать его на порог не хотел: подумали все, что навь он теперь. Но позвали волхвов – и те сказали, что живой. И неживой одновременно, словно часть его всё ж умерла тогда, осталась где-то в стылой воде реки.

Поутренничав, все, кто на гуляния собирался нынче, отправились к холму: смотреть на девичьи хороводы, любоваться да греться на солнышке. Кто-то надеялся и своё имя в песне особой услышать, хоть девушки всегда старались это скрыть. Да парни всё одно подслушивали, за что порой получали хворостинами по спинам, убегая, если скрыться не удавалось.

Покинули город и Чаян с Леденом, пошли через мост – стороной остёрского становища – через луг, укутанный туманом, рваным и седым, как борода старика. Значит, лето будет хлебородным, щедрым на урожай. Вилась где-то далеко впереди, у границы пала, вереница девушек и женщин, что шли к холму. То и дело доносил ветер обрывки их песен.

Такие же пели сейчас и в остёрском княжестве, да только угощение на праздник там нынче гораздо скромнее, чем здесь. Видел Чаян и кметей из становища: решили среди местных затеряться да тоже развеяться на гулянии. Как бы драк не случилось, коли мужи распознают в них чужаков.

Дорожка бежала-бежала по уже тронутому зыбкой зеленью молодой травы лугу – да и спряталась в приветливом березняке. Эхом разнеслись песни по нему, играя и метясь между влажных от росы белых стволов: словно девушки прятались за каждым, зазывали и обещали нынче нечто волшебное.

Падали с неба искристой пылью, дробясь в тумане, солнечные лучи – и сырые нити его постепенно таяли под их напором. Тропинка забрала в гору: зато и светлее стало, прозрачнее. А на самой вершине высокого и будто срезанного холма уже вовсю чествовали Лелю – девушку, самую пригожую, которую выбрали всем миром для того, чтобы она глаз нынче радовала да об особых обрядах не забывала. Сидела она на скамеечке, окружённая требами: хлебом да писанками – краснела от внимания. Водили вокруг неё хороводы, принимали из рук её венки, свитые из молодых трав. И много кто наблюдал за молодухами, которые чаяли загадать себе в этот день женихов: и парни, жаждущие, чтобы именно на них нынче обратился взор милой сердцу красавицы, и взрослые женщины, уже отгулявшие своё и обретшие семьи.

Среди них увидел Чаян и Елицу. Она стояла под одной из взобравшихся на холм берёз и наблюдала за хороводом – без грусти, только чуть задумчиво. И одета она была сегодня в белёную, расшитую широкими полосами узоров рубаху, в понёву с дорогой шёлковой нитью. На шее её поблескивала гривна с оберегами, переливались нитки стеклянных бус. Бросали колты золотистые блики на её лицо, окаймлённое белым повоем. Пока раздумывал Чаян, подходить к ней или нет, выскочила из круговерти девичьих фигурок Вышемила и опустила ей на голову широкий зелёный венок.

– Да ты что? – рассмеялась княженка. – Разве девица я?

И до того непривычно было видеть её улыбку, что Чаян, уже сделав несколько шагов к ней, встал, рассматривая преобразившееся лицо Елицы, боясь моргать даже, чтобы не упустить теперь из памяти ни одной черты. Как бы сделать так, чтобы и при виде него она тоже улыбалась, а не прятала взгляд, не вздёргивала упрямо подбородок...

– Ничего, скоро будешь совсем как девица, – Вышемила провела кончиками пальцев по её височным кольцам, заставив те прозвенеть тихо и мелодично. – Недолго осталось. А там замуж выйдешь ещё быстрее меня, верно.

Княженка вздохнула, вновь мрачней. И вдруг повернула голову да взглянула в сторону Чаяна с Леденом, который стоял позади, в тени тонких осин, и тоже на неё смотрел, пытаясь это скрыть. И не видно было, на кого же она всё ж взор обратила: таким быстрым он был. Может, и вовсе мимо. Елица отвернулась сразу и ушла, затерявшись

среди гуляющих. Зато Вышемила Ледена увидела и, коротким жестом проведя по знатной своей косе, что, верно, оттягивала ей голову, неспешно пошла к ним. Чаян не стал мешать, зная, что боярышне он вовек не сдался – отправился к реке, надеясь ненароком где Елицу вновь увидеть. Оттуда вернулся на холм: наблюдать, как разжигают праздничный костёр – олелию. И как девушки снова заводят хороводы – теперь уж вокруг него.

Как начало чуть смеркаться, Чаян повернул к городу: нагулялся, хватит. Не встретил он больше нигде Елицы, да и брата не увидел вместе с Вышемилой, которая теперь, верно, и до зари его не отпустит. Ещё долго будет праздновать народ, до утра самого. Будут девушки хороводить вокруг Лели, только в тайном теперь месте, у реки да под месяцем. Будут петь песни-заговоры, замыкая на сердцах имена любых им парней. Такое слышать мужчинам не надобно. А потом станут встречать парни и девушки рассвет – вместе.

В посаде было тихо: кто не гулял, те уже укрылись в домах. В детинце, слоняясь тоскливо, казалось, только стража одна осталась. Чаян забрал из горницы своей оружие и вышел на ристалище: тело, разнежившееся нынче в отдыхе и сытости, требовало разминки. Но не успел он и меч из ножен вынуть, как заметил вдалеке светлое пятнышко женской праздничной рубахи.

Оказалось, то возвращалась Елица с гуляний, зажав в руке венок, что Вышемила на голову ей надела. В золотистых закатных сумерках она казалась сейчас полупрозрачной вилой, что вышла из воды и неведомо как оказалась в детинце. Чаян ещё миг подумал, сомневаясь, стоит ли поддаваться сильному порыву пойти за ней. Девушка уже скрылась в тереме, потекли мгновения... Чаян взял с ограды рубаху и поспешил в дом, надевая её на ходу. Попались во дворе ему идущие навстречу челядинки, глянули недоуменно, но не в силах оказались даже возразить, что не в ту сторону идёт да ещё и ночью, посчитай. Он взлетел по лестнице и успел заметить, как закрылась дверь и мелькнула в узкой щели белая девичья фигурка.

Скоро он вошёл в горницу княжны, поймал Елицу за локоть, пока дальше пройти не успела – из руки её выпал снятый только что убрूस. Чаян приложил палец к губам, встретив её растерянный взгляд и закрыл за собой дверь. Успел только мельком окинуть хоромину взглядом – сразу видно, девичья: и рукоделие тут, и расшитые

рушники то на столе, то на сучке возле умывальника, сундуки даже с узорной оковкой и ларцы с украшениями на полках. И пахло здесь ею: мёдом немного да как будто васильками – свежо и дурманно одновременно. Так наполняет каждую горницу особый дух, присущий только хозяину или хозяйке.

– Терема перепутал, княжич? Или горницы? – возмутилась было Елица. – Чего здесь забыл?

Но он слушать её не стал: и так знал, что скажет, что прогонит его, а то и наперсницу кликнет. Удерживая за руку, Чаян дёрнул её к себе, обнял, не давая вырваться – и припал к манящим губам. Раскрыл их своими, пока девушка не опомнилась, вжался, удерживая невольный стон, что так и норовил вырваться из груди. Елица отвернуться попыталась, упёрлась узкими ладошками ему в плечи – и пришлось к двери её придавить, чтобы и шелохнуться толком не могла. Только не отпускать, не давать ей вздохнуть лишний раз, а там – он знал – любая строптивица поддастся.

Княжна дышала возмущённо, отталкивала его и даже пнуть пыталась. Да ему было всё равно. Он мягко прикусил её нижнюю губу, за ней – верхнюю, скользнул языком между ними. И она замерла, ещё не отвечая, но уже не силясь вывернуться, словно воробушек из ладоней.

– Не бойся меня, Елица, – прошептал Чаян, чувствуя её сомнения. – Зла тебе никакого не причиню. И силой брать не стану. Только если сама захочешь.

Он поцеловал её снова, и внутри всё так и зашлось, когда скользнула она руками по его плечам вверх, но остановилась, словно одумалась. Пахли её собранные в две косы волосы молодой травой и ромашкой, щекотали, распушившись, лицо. И кожа её, гладкая и тёплая, словно молоком текла под ладонями.

– Быстрый ты, княжич, – с укором проговорила Елица, когда он снова отстранился на миг – полюбоваться ею. – Скажи ещё, и жениться надумал. Иначе с чего пришёл?

Она усмехнулась невесело, словно сама в свои слова не поверила, бросила взгляд с поволокой – всё ж проняло её, как бы ни ярилась.

– И надумал, может, – он медленно огладил её спину поверх рубахи. – Я же во сне тебя видел. Как только сюда приехал и в детинце

первый раз на ночь остановился. Скажешь, не невеста ты мне после этого?

– В твои сны я заглядывать не могу, – княжна дёрнула плечом и начала неспешно, якобы невзначай, выскользывать из его рук. – Сновида вот могла бы. А я и не знаю, правду ты мне говоришь или выдумал. Да и когда это сны кого обручали?

Она уже почти высвободилась – и Чаян позволил ей поверить в это – но снова к себе притиснул. Елица нахмурилась, отвернулась, боясь, что опять целовать начнёт. А он и не мог удержаться. Окрасил её гладкие щёки румянец, и губы запылали так ярко, что от вида их тесно становилось в штанах, а внутри будто что-то натягивалось: сорвётся – и не будет пути назад. Нарушит своё же, только что данное обещание.

– Не выдумал ничего. Видел. Так, как сейчас перед собой вижу, – он, почти касаясь её скулы, согрел кожу дыханием.

Девушка скомкала его рукава на плечах, прикрыла трепещущие веки.

– Чего же ты хочешь от меня? Раз неволить не будешь, так отпусти, – в её голосе проскользнул оттенок мучения.

Словно шла сейчас внутри неё какая-то борьба. Он чувствовал, как её тело всё ж расплывается под его руками, как дыхание, перестав быть прерывисто-злым, становится глубоким и частым.

– Поцелуй меня, – он улыбнулся. – Просто ответь – и я уйду.

Чаян мягко придерживав за подбородок, поймал её губы – и истинным хмелем ударило в голову её согласие. Она обнимать не стала, как ни хотелось, но расслабилась и позволила наконец целовать её, не преодолевая яростное сопротивление. Он спустил руки по плечам Елицы, огладил с лёгким нажимом округлые бёдра и протиснул ладонь между ними, до одури ясно ощущая, какая она там жаркая.

Княжна дёрнулась рьяно и отпрянула бы, не мешай ей дверь за спиной. Чаян тут же убрал руку.

– Прости, – спешно проговорил, испугавшись, что всё испортил. – Я не должен был. Прости.

Он отпустил девушку, и та быстро отошла, повернулась плечом, прикрывая ладонью нацелованные губы. В глазах её стояли готовые политься злые слёзы. Зря он пришёл. Зря поторопился навязать своё влечение. Но, видно, день сегодня такой – никак не удержаться.

Особливо, как увидел он её на холме, среди девиц – знакомую и неуловимо другую одновременно.

– Я сделала, что попросил. В честь Лельника тебе подарок. Пойди вон! – сердито бросила княженка, так и не глядя больше на него. – А то гридней кликну.

Чаян и хотел бы сказать ещё что-то, да не стал – и так наговорил много. Только хуже сделал. Дыхание забилося в груди, гневное, сухое – вот же дурень! Он покинул горницу, оставив Елицу одну, и пошёл прочь, лохматя пятернёй волосы. И всё думая, как теперь быть. Но пока спускался во двор, немного охолонул, остановился на крыльце, жадно вдыхая прохладный вечерний воздух. Горели огни на стене детинца, сновали по ней редкие стражники. Слышались вдалеке голоса посадских, смех и песни. И светился на далёком холме маленьким пятнышком олелия: Чаян не видел его отсюда, но знал, что он ещё горит там. Поднял голову: через небольшую щель приоткрытого волока в горнице княженки лился тёплый свет. Она сейчас ругала его, верно, бранила за вольность. Но на ладонях словно до сих пор хранился жар её кожи, а на губах – её вкус, сдобренный едва ощутимым травяным. И в паху ломило, признаться – до злого стоны, рвущегося из самого нутра. Чаян вдохнул и выдохнул глубоко пару раз, запрокинув лицо к облитому закатом, словно малиновым соком, небу. И мучительное ощущение начало помаленьку сходить. А вместе с ним пропадали из души все остатки сожаления за сделанное.

Чаян покачал головой: первый раз такое, чтобы так остро всё внутри откликалось на близость девушки. И ничего нельзя было с этим поделаться. Вспыхнувшая между ним и Зимавой страсть – не в счёт. Ещё недавно ему дурили голову победа и власть, что свалилась словно бы с неба, хоть и было пролито много крови. Да хорошо, что не пролилось больше. И это болезненное, шалое влечение к княгине сейчас уже сходило с тела и разума вешними водами. А вот тяга к Елице – лишь разрасталась. И он понимал, что так просто её не отринешь, а потому отступить нельзя. Кто знает? Может, в княженке кроется спасение от проклятия – в жрице Макоши, пусть и недоученной. Ведь кто-то же способен его разрушить? Хоть когда-то?

Эти мысли были опасными – он знал. И знал, что не сможет даже попробовать рискнуть её жизнью, чтобы проверить свои догадки. И

потому надеялся теперь на знак от Богов, что дал бы понять, верны ли они.

Не находя в себе сил справиться с этими раздирающими нутро сомнениями и остатками возбуждения, он вернулся на ристалище: лучше бы и не уходил вовсе. Рукоять боевого топора удобно легла в ладонь, отрезвила. Чаян провёл большим пальцем по ребру лезвия и снял оружие с пояса. Прошёл неспешно поперёк поля – развернулся в резком выпаде – и замер, увидев Ледена. Тот подошёл только что, сделал последний шаг и встал у края ристалища.

– Один махаться будешь или помочь?

– Я уж думал, ты с Вышемилой до утра где пропадёшь, – Чаян усмехнулся, опуская топор. – Что, не удержала? А ведь пыталась сильно.

Брат переступил границу поля: и тогда видно стало, что гуляния он и правда уже давно закончил. У пояса его висел меч и такой же топор – с другой стороны.

– Вышемила славная, – Леден улыбнулся совсем не так, как можно было ожидать. – И ласковая. Но это всё. Всё, братец, что я могу сказать о ней.

“А о ком ты можешь сказать больше?” – захотелось вдруг спросить. Да так, чтобы с подковыркой, с подозрением. И услышать в ответ что-то, что успокоило бы душу.

– Жениться тебе надо. А там и недоля отпустит, может, – Чаян отступил дальше, внимательно присматриваясь к пружинистым и небрежным как будто движениям брата.

– Может...

Леден поднял взгляд, пронзил ледяными иглами его аж до затылка самого. Снял топор с пояса и налетел вихрем – только и успевай отбиваться. Лучшего противника из ровесников ещё не приходилось встречать. Они намахались так, что рук не поднять. После Чаян едва ноги доволоч до своей хоромины, а там и завалился спать без сновидений.

Глава 11

Как ушёл Чаян, Елица ещё долго с места двинуться не могла: такая сумятица в душе билась. И не сказать ведь, что неприятен его поцелуй был, да и он сам, а всё равно внутри так и поднималась волна негодования, намешанного едва не со страхом. И не знал он, какого усилия ей стоило замереть и просто принять – хоть на миг. А уж когда руки начал распускать – и вовсе пожалела, что кинжала того отцовского, что Леден ей вернул, при себе не оказалось. И что только вообразил себе? Что хозяин он теперь и княженку наравне с челядинкой какой под себя подмять может?

Да уж, верно, так он и думал – после того, как Зимава сама к нему на ложе пришла.

Елица прошла до окна и приоткрыла волок – заструился в горницу свежий, напоенный запахом молодой травы и реки воздух. Села на лавку возле и взглянула в темнеющее, усыпанное искрами звёзд небо. А после – во двор – и заметила, как спустился Чаян с крыльца да пошёл в сторону ристалищ, где сегодня почти целый день никого не было. Ничего, пусть разомнётся перед сном – полегчает, авось, да мысли дурные из головы выветрятся.

Скоро и она успокоилась, переделась уже ко сну было, всё поглядывая на подаренный Вышемилой венок, что лежал на столе. Травы уже немного увяли, но до сих пор веяло от него ласковым дыханием Матери Сырой Земли, её силой. Недаром в Лельник даже туман, что встаёт поутру из низин, считается целебным, а уж роса сама – и вовсе от бесплодия женщину излечить может. Да всё равно не надо было боярышне этот венок ей дарить – зачем? Уж она замуж не собиралась ни в этом году, ни в другом. А вот самой Вышемиле он понадобился бы больше: она в самой поре была, как жениха себе выбирать. И понятно было, что из дома боярышня никаких привязанностей не привезла. Оттого всё-то её веселило и на шалости толкало. Как бы беды какой не случилось. Ведь уж и в тереме бабы шептались, что к младшему Светоярычу она вовсе не равнодушна. Да и тот её не сторонится, какой бы ледышкой ни был. Сплетничали и осуждали боярышню ещё больше, чем Зимаву.

Елица погладила тонкие упругие стебельки травы, согретые близостью разожжённых лучин, зевнула: уж измоталась сегодня. Ей, как княженке, сиречь наследнице Борилы, нынче весь день внимания было едва не больше, чем той девушке, что Лелю изображала. Когда-то и она, помнится, сидела на такой же скамье, окружённая требами. И танцевали вокруг неё девицы, кружились в хороводе, подхватывали песню. А после она сама, прячась с подругами у излучины Велечихи, произносила, вплетая в песню-заговор, имя милого. Радима. И ждала, что вот-вот её заберут уже из отчего дома туда, где ждёт другой род и жизнь другая – обязательно счастливая.

Выдернули из размышлений, пронеслись, приближаясь, за дверью торопливые шаги. Короткий стук в дверь – и едва не ворвалась внутрь Вея. Испуганная и даже встрёпанная немного как будто. Елица и о сне тут же позабыла: случилось что-то.

– Там, – наперсница задохнулась. – Там Вышемилу принесли.

– Принесли? – в груди нехорошо вздрогнуло.

Елица нашарила тут же платок, накинув на голову, обернула вокруг шеи концы и пошла вслед за Веей, которая уже снова отступила из горницы, явно потарапливая.

– Да. Без чувств она. Избитая вся. Крепко. И... – женщина замялась на миг, как будто не знала, как и сказать. – Ссильничал её кто-то.

Елица так и остановилась, повернувшись к ней – подумала даже, что ослышалась, но тупой ужас, что застыл в глазах Вей, говорил яснее слов. Словно ледяным ручьём он перетекал и в душу Елицы, да никак осознать не получалось. Как такое могло случиться? Кто мог праздник светлый девичий осквернить? Она едва не бегом ринулась в горницу Вышемилы, распахнула дверь – и челядинка, что у лавки её хлопотала, обернулась с облегчением.

– Мы Зимаве ещё не говорили, – зачем-то прошептала она.

– И правильно, – Елица подошла. – Крови много?

Закусила губу, осматривая покрытое ссадинами лицо Вышемилы – и сама увидела, что крови и правда много: едва не весь подол залит. А по тому, как пятно расплывалось в стороны, она ещё продолжала идти. Это же какое буйство вело того, кто так с ней поступил... Чтобы истерзать, словно зверь!

– Я заговорить пыталась, – пожалилась Тана. – Да у меня не получается. Сил не хватает. Потому тебя и кликнули сразу.

Елица присела перед лавкой, погладила руку девушки, обхватила пальцами, легонько пожимая. Грязь и сукровицу с ссадин уже смыли: кожа ещё была влажной. Хорошо хоть об этом позаботились. Вышемила лежала без единого движения, но дышала ровно и глубоко – и этого пока достаточно было, чтобы хоть немного успокоиться. Елица осторожно приподняла её подол.

– За лекаркой позвали?

– Побоялась я... Слухи пойдут, – мучение и сомнение так и плескались в голосе Таны. – Хоть и так пойдут, конечно. Вот же недоля какая. Уехала из дома, чтобы уберечься. А тут такое...

Челядинка вдруг села на скамью у стола и, уронив лицо в ладони, разрыдалась. То ли от испуга за боярышню, то ли за себя: ведь когда отец Вышемилы узнает, а уж тем паче – Зимава – ей не поздоровится. Вея бросилась успокаивать Тану. Но и что-то строго ей выговаривать не забывала, уж понабралась суровости от мужа своего, старшего у гридней.

– Хватит, – от твёрдого голоса Елицы женщины так и подобрались. – Лучше ещё тёплой воды мне принесите. И рушников чистых.

Тана закивала и, споро подскочив, умчалась. Вея склонилась над плечом, раздражая, словно камнем тяжёлым нависла. Елица распустила платок, отбросила в сторону, косы распутала, пуская волны волос по плечам. Сейчас ей вся сила понадобится, чтобы кровь скорее унять. А перед глазами так и норовило всё расплыться от слёз. Но Елица всё ж совладала с собой, вдохнула и выдохнула глубоко да заговорила тихо и монотонно: “Смилуйся, Макошь, матушка сыра земля. Помоги, дай силы живой. Ты, кровь, встань! Встань кольчугой сила моего слова – не пусти. День под Оком, ночь под месяцем, под закатом, под зарёй. Тут стоят мать и дочь. Лада и Леля. Помогите, принесите золотые ключи. Замкните, заприте семьдесят жил, семьдесят поджилков, семьдесят костей, семьдесят подкостков у внучки Богов Вышемилы. Будь же заговор мой крепче камня, крепче булата, крепче иглы проходящей...”

Елица повторила заговор три раза, а после ещё и последние слова его, замолчала, перестала гладить ладонь Вышемилы и поняла, что всё

закончилось. Кровь унялась, прекратив забирать жизнь с собой. Вошла Тана с полным ушатом исходящей паром воды. Опустила рядом и рот ладонями прикрыла, оглядывая боярышню – будто и поверить не могла, что так быстро княженка справилась. Елица встала, тихо вздохнув, откинула ото лба влажные от испарины волосы. Тяжко оказалось. Как будто не хотела сама девушка, чтобы излечили её. Перестала сопротивляться боли и тому, как от мучений утекла часть жизни из неё.

– Дальше вы сами справитесь, – проговорила Елица сипло, словно простудилась вдруг. – Утром ещё приду.

Женщины закивали, отпуская её. Она вышла из горницы, душной, пропитанной кисловатым запахом крови. И пары шагов не успела прочь сделать, как едва не налетела на неё Зимава. Княгиня схватила за плечи, встряхнула с силой, будто Елица во всём была виновата.

– Как она?

– Теперь лучше.

– Это он сделал, – с ненавистью прошипела Зимава. – Она ж к нему ластилась... Полумертвяк этот проклятый!

И уж сразу понятно стало, о ком говорит с таким злым придыханием.

– Ты подожди Ледена винить, – Елица едва не вскрикнула, до того сильно впились пальцы княгини в плечи. – Вот Вышемила очнётся – сама всё расскажет.

Елица высвободилась резко, разозлённая грубостью мачехи. И что ж она постоянно колючая такая, словно не поделили они что? Больше ничего не сказав, Зимава скрылась в горнице – а раздражение внутри осталось. Елица, раздумывая, как могло случиться с Вышемилой такое, пошла к себе, всё крутила-вертела, кто из местных на столь страшное зверство решился. И очнулась лишь тогда, как вышла из женского терема в переход. Остановилась, обхватив себя руками. И не холодно, кажется, а всё равно озноб так и бьёт. Она повернулась было – назад идти, да всё же дошла до княжеских хором. И поднялась к горнице, в которой Леден теперь жил. А раньше – Отрад. Неправильно было это, что покои её брата чужак занимает. Как и горницу отца. Но было в этом и что-то справедливое. И невыносимо хотелось узнать, развеять призрачные сомнения, которые можно было

и за вздор посчитать, да которые покоя всё ж не давали. Хоть чего проще: дожидаться, как Вышемила в себя придёт?

Елица постучала в дверь, не надеясь даже, что услышит хоть какой-то ответ. Верно, княжич спит уж – ну и пусть его. Но когда она уже собралась повернуть назад, створка открылась, и в проёме показался Леден, всклокоченный и раздражённый. Видно, разбудила она его в тот миг, как он только уснул – это самое обидное. Остёрец резко одёрнул только что надетую рубаху и распахнул дверь шире.

– Еля? – сказал так просто, словно всю жизнь её так звал. – Что-то случилось?

Он выглянул над её плечом, будто ещё кого-то увидеть ожидал, и отступил, пропуская дальше. Едва не шаркая ногами от навалившегося вдруг бессилия, Елица вошла. Княжич быстро разжёл лучины – и свет их тёплый, скупой, обхватил одну половину его лица, когда к ней вновь повернулся.

– Скажи, что это не ты сделал, – Елица встала у двери, не в силах больше и двинуться. – С Вышемилой. Не ты?

Леден наморщил лоб, но остался совершенно спокойным – не так себя человек будет вести, который недавно девицу ссильничал и бросил истекать кровью на берегу. Хотя от него и тут невозмутимости можно ожидать...

– О чём ты говоришь, Еля?

– Не зови меня так! – она всё же шагнула к нему, едва удерживаясь, чтобы не ударить с досады. – Не зови... – помолчала, рассматривая его лицо, перечёркнутое тенью недоумения. – Вышемилу избили после гуляний... И...

Но не потребовалось договорить. Леден всё понял. Взял её за плечи – и отрезвляющая прохлада его коснулась кожи через рукава. Спустились его ладони вниз, задержались у локтей – вырваться бы надо, но Елица всё отодвигала этот миг.

– Значит, так ты обо мне думаешь, – он покачал головой. – Впрочем, я не удивлён даже. Мы прошлись с ней по берегу, да. Пока темнеть не начало. Я предложил в детинец вернуться, но она отказалась. Сказала, ещё погуляет с девушками. Я не стал заставлять.

– Больше ничего? – Елица всхлипнула неволью и совсем уж детским жестом провела пальцем под носом, боясь, что из него сейчас потечёт.

И зачем спрашивает? Что услышать хочет? Княжич вздохнул.

– Ну, поцеловал я её... И всё.

Как просто – “и всё”. И Чайн нынче приходил – целоваться. Как будто воды испить. А ведь, коли ты тронул уже девичье сердце, так нельзя тревожить его попусту. Потому как надежду порожнюю рождают в душе эти мелочи: взгляды, касания, ласки короткие. И так сложно после выбросить того, кто их дарил, из мыслей. Верно, холодность, что прозвучала в словах Ледена, и задела больше всего. Возможно, и Вышемилу она задевала, но та продолжала тянуться к нему, пытаться растопить лёд, с которым бороться вряд ли кто может. Сама Морана его накладывала. И предупреждала даже – не соваться.

– Ей плохо сейчас. Очень, – бесцветно проговорила Елица. – Ты утром к ней зайди. Она рада будет.

– Зайду, – пообещал Леден. – И найду тех, кто сделал это.

– Это уж ты сам ей скажешь.

Она дёрнулась из его рук, что продолжали крепко сжимать её локти. Леден удержал. На миг только. Стиснул пальцы сильнее – и сердце подпрыгнуло, замерло где-то у горла. А после княжич отпустил, позволяя уйти.

Наутро Елица проснулась такой разбитой, словно не на празднике гуляла, а пешком десяток-другой вёрст прошла. Она умылась нарочно ледяной, только из колодца, водой и оделась, торопясь и путаясь то в рукавах, то в завязках понёвы. Скоро она вошла в горницу Вышемилы и тут же натолкнулась на её взгляд, словно у собачонки побитой. Боярышня к ней навстречу подалась даже, приподнявшись на подоткнутых под спину подушках. Встрепенулась на своей лавке задремавшая, видно, Тана, села, потирая глаза.

– Ты отдыхай, – шепнула ей Елица.

И челядинка, похоже, и не сообразив толком, что к чему, послушно легла снова да тут же и засопела. Измаялась, видно, за ночь, только прикорнула. Вышемила руки навстречу Елице протянула, обняла, ткнувшись носом в плечо.

– Как это случилось? – Елица отстранилась и внимательно посмотрела лицо боярышни, всё в подсохших царапинах да припухших синяках, что ещё даже в цвет не вошли.

Вышемила поморщилась, словно зуб у неё разболелся. И видно: вспоминать не хочет, да только знать нужно всё. Иначе как сыскать тех,

кто так жестоко с ней поступил? Немного поразмыслив, девушка вздохнула и снова взгляд подняла.

– Я с Леденом гуляла, – начала она шёпотом. – А после, как он ушёл, с девицами встретилась, чтобы ещё на берегу посидеть да на холме рассвет смотреть. Да они, оказывается, меня с княжичем видели. Осерчали больно, кричать начали, что я по пути Зимаваы иду, под неприятеля ложусь. Да ещё и такого... Поссорились мы крепко. Я и пошла вдоль реки от них подальше. Разозлилась. Куда иду, не видела даже, – Вышемила замолчала и всхлипнула, явственно удерживая слёзы. – А там на них натолкнулась. Трое их было... Не знаю, чего в лесу рыскали... Вот и...

– Все? – просто спросила Елица, зная, что боярышня её поймёт.

Та закивала да и лицо ладонями закрыла, совсем расплакавшись.

– Я после едва до людного места доползла. Помню, нашли меня. А как в детинце оказалась – уже нет.

Елица вновь обняла её, погладила по спине, укачивая, словно дитя. Вышемила всё плакала и плакала, бормоча что-то о том, что похожи были мужики те на татей: не местные вовсе. И о том, что глаза у старшего их такие страшные были, волчьи как будто. И руки, грубые, шершавые, как неоструганные деревяшки. Замолкнув, она снова залилась слезами. Но это пусть, от этого легче становится.

Тихо постучали в дверь – и она чуть погодя открылась. Заглянул в горницу Леден, ещё не торопясь входить, словно ожидал, что его прогонят. Вышемила посмотрела на него через плечо Елицы – вздрогнула всем телом и отвернулась тут же к стене.

– Не смотри! – выкрикнула глухо, спрятав лицо в ладонях. – Уходи.

Княжич шагнул было назад, да Елица подозвала его взмахом руки. Он вздохнул, но всё же прошёл дальше. Остановился у лавки в лёгкой растерянности, окинул боярышню сочувствующим взглядом – а та лишь ещё сильнее спрятаться попыталась, услышав его шаги.

– Я найду их, Мила, – проговорил он наконец. – Обязательно найду. Уже кметей отправил лес прочёсывать в той стороне, куда ты уходила.

– Как узнал? – немного успокоившись, поинтересовалась боярышня.

Но так пока и не повернулась.

– Подруг твоих бестолковых на рассвете с лавок поднял. Спросил.

Вышемила наконец перестала укрываться и медленно повернулась к Ледену. Тот внимательно обвёл взглядом её исцарапанное, избитое лицо и дёрнул желваками. Зашевелилась снова на лавке челядинка, села, поглядывая на всех заторможенно, словно не понимала, где оказалась.

– Спасибо, – пробормотала Вышемила, словно что-то прочла во взоре княжича.

– Если приведу их, сможешь узнать?

Девушка вдруг сникла, покосилась на Елицу: вот уж вряд ли ей хотелось снова с теми супостатами видеться. Та ободряюще сжала её плечо. Если хочет, чтобы наказаны они были, то и потерпеть придётся.

– Узнаю... Наверное.

Леден кивнул и огляделся в горнице, словно и не знал теперь, чем себя занять: уходить или оставаться ещё. И понятно стало тогда, что к боярышне он по обыкновению своему равнодушен. Только из справедливости одной и гнева найти татей хочет, наказать. А Вышемила вот того, видно, не понимала ещё. А потому смотрела на него едва не с обожанием.

Елица тихо вздохнула, собираясь уходить. А они пусть ещё поговорят о чём, если захочется. Не собиралась она в их дела вмешиваться: и Зимаваы на то хватит – хоть и не рада была тому, что Вышемила не абы кого выбрала, а на Ледена взор обратила. Она встала, и оказалось, ногу-то отсидела. Взмахнула неловко рукой, не почувствовав вдруг её, да подхватил под локоть Леден. Удержал. Другая его ладонь легонько легла на талию, но тут же пропала.

Елица вырвала руку из его пальцев и, пообещав Вышемиле прийти сегодня ещё не раз, быстрым шагом ушла. Встала за дверь и приложила ладони к щекам, которые так и заполыхали почему-то. Хотя чего необычного приключилось? Вот уж свалились братья эти на большую беду всем им. Но как бы ни противилось сердце тому, что они пока здесь заправляют, а всё равно привыкалось понемногу. И даже вид их становища не больше чем в версте от города казался уже чем-то обычным.

После утренни Елица собралась уж и за дела какие взяться. Сейчас ей ради Вышемилы придётся в Велеборске остаться хоть ещё на пару дней: не сможет она спокойно уехать, не убедившись, что

пошла та на поправку. Но перед тем решила хоть подышать утренней свежей прохладой да с Чаяном парой слов обмолвиться – объяснить. Его поутру можно было повстречать на дружинном поле: обычно, говорили, он вместе с воеводой Добраном выходил за кметями и их уроками наблюдать. Воины его из становища уж многие сюда перебрались. Для спокойствия.

Елица, ведя ладонью по гладким перилам, прошла по открытой части верхнего яруса, что как раз выходила на дружинные избы. Прищурилась от яркого тёплого Дажьбожьего ока, бросающее щедрые лучи в лицо. Присмотрелась, выглядывая среди множества мужских фигур – княжича. И едва не вздрогнула, как заговорил рядом с ней тихо появившийся с другой стороны Доброга.

– Утра доброго, княжна, – улыбнулся, когда она к нему повернулась.

– Доброга. Задержаться мне тут придётся. Слыхал ведь, что с Вышемилой случилось...

Воевода покривил губами недовольно.

– Конечно. И Чаян уже знает тоже. А потому уж кметям своим сказал, что отъезд ваш откладывается до твоего слова.

– Вы с ним уже не враждуете? – Елица вновь опустила взгляд во двор.

– Если ты думаешь, что этим я память отца твоего предаю, так нет. Людям надо жить спокойно. Их и так полегло за эти годы много, – Доброга сжал лежащую на перилах ладонь в кулак. – А княжичи не лютуют, как и обещали. Да и уберутся отсюда когда-то. Как отыщется Сердце. Разве не так? Так зачем я буду нарочно морду от них воротить.

– Всё верно говоришь, – Елица покивала. – И я не сержусь вовсе. Да только не знаю, когда они отсюда снимутся и вернуться к себе. Потому как Сердце пока от нас так же далеко спрятано, как и в начале было.

Она замолчала, как увидела наконец Чаяна. Тот вышел из-под навеса ристалища, закидывая на плечо рубаху. Попотел изрядно, схватившись, видно, с кем-то из дружинников. Княжич дошёл до колодца в глубине поля, зачерпнул воды – отпил немного через край, а остатки выплеснул на себя. Елица так и поёжилась. Как будто не только Леден холода не боится. Утро, конечно, тёплое, да до летнего далеко ещё. А вот вода студёная в роднике – аж зубы ломит порой.

– Коли не уберутся, – вновь заговорил Доброга, – будем помощи искать. Соседи у нас есть, да со своих застав людей соберём. Ты не тревожься. И не думай, что я ни о чём таком и не помышляю. Только княжичи нам здесь пока спокойные нужны, а не злые.

И вдруг лёгок на помине вышел во двор Леден. Встретил брата, который уже направлялся внутрь. Они о чём-то поговорили – и Чаян аж помрачнел заметно. Поднял голову и удивительно точно взглянул на Елицу: глаза его тут же улыгнулись, хоть и осталось лицо серьёзным. Она отступила в тень крыши, решив, что идти пора: как не хотелось ей со старшим Светоярычем даже рядом стоять. Особенно после того, что накануне случилось. Да и говорить с ним нужда отпала, раз он и сам обо всём догадался.

– Эй, кто смелый? – услышала она голос Ледена. – Кто против меня выйдет, порты не обмочит?

И столько в нём было злой удали, словно грызло сейчас княжича изнутри какое-то только ему ведомое раздражение. Выплеснуть захотел, груз с души сбросить. Кмети ответили ему неясным гулом, явно не стремясь с таким дюжим противником в схватку. Доброга выглянул вниз, чуть перегнувшись через перила. Хмыкнул удовлетворённо и гаркнул:

– Я выйду, княжич. Коль не сбежишь, пока спускаюсь.

– Добро, воевода, – вновь ответил ему невидимый Елице княжич. – Только меч не забудь по старости-то лет.

Парни загоготали облегчённо. Доброга фыркнул, ничуть не обидевшись на колкость. Каждому понятно, что он ещё в большой силе и годами не стар, да только позубоскалить перед поединком, оно никогда не зазорно – кровь взбодрить, злости понабраться. Воевода хлопнул ладонью по перилам.

– Всё наладится, княжна, – сказал напоследок и пошёл к лестнице.

Елица, чуть задержавшись, тоже осторожно высунула нос во двор. И до того люто захотелось посмотреть на схватку Ледена с Доброгой, что аж сердце зашло. Княжич, пока воевода шёл к нему, снял рубаху и бросил отроку Брашко, который уже крутился здесь в предвкушении. Косые лучи вставшего над стеной светила хлынули по его спине и пепельным вихрем, падающим на могучую шею. Елица нахмурилась

и, резко развернувшись, пошла прочь. Нечего праздно глазеть. Так весь день простоять можно.

Пока шла к своей горнице, приостановилась у двери Вышемилы, невольно прислушиваясь к страшному шуму внутри. Похоже, буянила Зимава: её разгневанный голос звонко разносился по опочивальне. Что-то гремело даже, стучали резкие шаги по полу. Елица вздохнула и открыла дверь.

– Я уж многое чего в жизни видела. И не тебе мне в укор ставить. Дитя я от Чаяна не получу, да, может, хоть смилоствится он. Радана вернёт. А ты с Леденом этим... – княгиня вдруг осеклась, заметив, что в горницу вошли.

Вышемила даже заулыбалась, как увидела спасительницу от гнева сестры. Видно, не первый раз Зимава её вразумить пыталась. Да всё без толку.

– Зимава права, – неожиданно для себя встала на сторону княгини Елица. – Забыть тебе надо княжича. Я с ним в дороге была. Знаю, какой он и знаю, что таит он в себе.

– Вы что, сговорились обе?! – Вышемила так и привстала, но тут же вновь опустилась на подушки, сморщившись от боли. – Уж ты, Елица... Думала, ты понимаешь...

– Я понимаю. Но лучше бы тебе оставить мысли о нём. Он уже довёл тебя до беды. Хоть и не хотел.

И вроде добра желала. Как лучше. А всё равно вышло ещё хуже, чем было. Мало того что боярышня разрыдалась до судорожных всхлипов, так ещё и Зимава обратила на Елицу подозрительный взор. С неё станется подумать, что та себе княжича присмотрела, потому и соперницу отвадить хочет.

– Ты уж не лезла бы в дела наши семейные, – процедила княгиня, словно глухой всё это время была. – Мне перед батюшкой ответ держать за то, что с ней случилось. Не тебе. И мне объяснять, как сестра моя уехала из дома девицей непорочной, а вернулась...

Она махнула рукой, и с ресниц её сорвалась прозрачная слезинка. Мазнула по щеке и растворилась маленьким пятнышком, упав на рубаху. Княгиня отвернулась, вытирая мокрую дорожку – и так жаль стало её тоже. Но она, пожалуй, права была. Не стоило в их разговор вмешиваться. Нельзя всех вокруг осчастливить и всем помочь: уж как часто она сама в том убеждалась. Как бы Зимава ни ярилась сейчас, а

всё равно Вышемила сама решение примет, как ей дальше с Леденом быть. Оставалось только надеяться, что слова Елицы поселят в её душе чуть больше сомнения.

Елица вышла, даже не пытаясь никого утешить. Она снова отправилась к себе, но только вошла, только начала кудели разбирать, за какие скорей взяться нужно, как вернулась откуда-то и Вея. Следы бессонной ночи виднелись нынче и на её лице. Наставница помолчала немного, наблюдая, а после проговорила осторожно, почти шёпотом, как будто потревожить какое лихо боялась:

– Чаян в общину тебя зовёт, княжна. Говорит, гости какие-то к тебе приехали.

Елица выпрямилась откладывая кудель в сторону. Что за гости? Откуда бы им появиться – она никого не ждала и никого не звала в Велеборск. И что-то сжалось в груди от нехорошего предчувствия. Как бы Денко не решил вновь подурить. От него и такого можно было бы ожидать – чтобы за ней в столицу примчался. А значит, встретит он здесь только насмешки – теперь уж и от Чаяна да всей его дружины ближней. Слово мало уже получил за опрометчивость. Неприятной волной окатили воспоминания об ухаживаниях сына Звяничанского старосты. И слова его грубые, несправедливые.

– Кто приехал-то? – Елица невольно поправила платок и очелье с колтами.

– Да я и не знаю, – развела руками Вея. – Не успела узнать: в поварне занята была, как меня позвали. Говорят, всадники какие-то. Мужики всё. А откуда – того я не ведаю.

Что ж, идти надо – не спрячешься. Елица, всё размышляя по дороге, кто её в общине ждать может, прошла через двор. Обогрело, обласкало тут же лицо и плечи полуденное Око, ветер донёс из поварни запах печива. Заливисто прочирикала птичка в тронутых нежной листвой грушевых зарослях. И радоваться бы дыханию весны, что набрало самую большую силу, а грызло изнутри что-то.

Постояв немного перед дверью, за которой слышались разгорячённые мужские голоса, Елица вошла в общину. Тут же всё смолкло. Мужчины, как один, обратили к ней взоры. Уколол первым Чаянов, обдал холодом взгляд Ледена. Кроме княжичей, был тут и Доброга, злой, красный, что осинового листа. А остальных мужей Елица и не знала будто бы. Только лица у них были дюже неприветливые:

встретить таких где на дороге, так и забоишься, поди, кабы не ограбили. Встал один из них, до кого взгляд ещё добежать не успел – и внутри будто оборвалось что-то да к ногам ухнуло. Видела Елица его всего пару раз, да и не сказать, чтобы к душе он ей пришёлся. Стоял перед ней, широко и нагло улыбаясь, княжич из соседних северных владений – Гроздан Мстивоич. За то время, что они не встречались, он сильно возмужал, а был ведь юнцом совсем, как Борила с отцом его уговорился о свадьбе, как выйдет срок вдовства Елицы. Мстивой, князь Зуличанский, и на такое условие согласился, пообещал сыну другую невесту и не смотреть даже. И то, что вдовица дочка Борила – никого не тревожило.

– Здравствуй, Елица, – Гроздан даже голову склонил слегка, настолько большое почтение выказать хотел, сверкнул хитро серо-голубыми глазами. – Давно я мечтал поскорее тебя вновь увидеть. Жаль только, что повод для того случился нерадостный. А ты ведь, кажется, только краше стала.

Елица поймала хмурый взгляд Чаяна: уж на что приветлив и светел всегда, а тут и он мог соперничать с братом своим по мрачности. Словно она надежду ему какую дала, а тут – обманула.

– Здрав будь, Гроздан.

– Знакомы всё же, получается, – хмыкнул Чаян. – А я уж было взашей хотел гнать его, как самозванца какого.

– А я предупреждал. Ты говори да не заговаривайся, княжич, – Гроздан опустил на него взгляд. Подручные его, которых кметями и язык не повернулся бы назвать, тихо загомонили, поддерживая. – А то я ведь и меч достать могу. Он объясняет доходчиво и быстро.

Леден с явной угрозой шевельнулся на своём месте, поза его переменилась, отчего все воины, что окружали Зуличанского княжича, заметно напряглись. Вроде, и молчал он, и смотрел на всех по своему обыкновению спокойно, а явственно его опасались.

– На мечах разговаривать нам пока нужды нет, – поднял ладонь Чаян. Он посмотрел на Елицу и жестом предложил ей сесть подле него слева.

Она переступила с ноги на ногу, сомневаясь, что стоит занимать это место, которое говорило едва не о том, что она теперь и правда его невеста. Кашлянул воевода Доброга и отодвинулся по лавке слегка, оттеснил мужей, что рядом сидели – и Елица, явно радуясь тому,

опустилась подле него. Так она покажет, что дому своему и роду верна остаётся и ничью сторону не принимает, что бы княжичи ни успели наговорить друг другу, пока её не было, да в чём убедить противника. А то, что зуличане дружбу с остёрцами ещё не завели – то и так видно.

– Так что решать будем, Чаян? – Гроздан тоже сел обратно, поглядывая на своих соратников. – Ты невесту мою неволишь, тут силой удержишь да стращаешь, говорят, дюже.

– И кто ж тебе это сказал? – хмыкнул княжич.

А сам так и заиграл желваками, словно несправедливо его в чём обвинили. Хоть, если поразмыслить, то правду зуличанин сказал. Только в его устах прозвучало это гораздо зловещее, чем было на самом деле.

– Никто меня силой тут не держит, – вступилась Елица. – Видишь, не связана я. В своём городе нахожусь, на своей земле.

– И жизнью брата твоего он не помыкает, скажешь? – Гроздан прищурил плутовато один глаз.

– Договор у нас с Чаяном, это верно. Но тебе в него лезть не стоит. Так будет лучше для всех.

– Послушай княженку, – тихо посоветовал Леден, посматривая на неё с интересом, который всё чаще мелькал в его взгляде. – Примчался ты сюда рано. Поторопился. Коли я верно всё знаю, так вы и не обручены вовсе. Нельзя с вдовицей обручиться, пока срок вдовства не истёк.

– Наши отцы обо всём ясно уговорились, – чуть резковато пояснил Гроздан. – И Елица то слышала сама и своими глазами видела.

– Так что же ты припёрся? – всё больше ярясь, процедил Чаян.

Вот же пробрало его как. Удивительно даже. Елица перехватила взгляд княжича – и он улыбнулся тепло только ей одной. И мысль мелькнула вдруг, что глотку Гроздану вырвет, а её не отдаст. Вмиг разлился по лицу жар, и мелкие пряди вокруг шеи намокли от ясного осознания, что Светоярыч старший уж, похоже, и правда её присвоил, разрешения на то не спросив.

– Забрать её хочу. Пусть живёт там, где ей безопаснее будет, – зуличанин и бровью не повёл от его грозного вида.

Сам он, похоже, и сам был не трусливого десятка. А уж головорезы его и вовсе начали хищно усмехаться, словно почували назревающую схватку. Бывало в этой общине всякое: и кричали так,

что стены тряслись, и бороды друг другу драли порой. А вот крови ещё не проливалось.

– А это пусть Елица сама решит, – неожиданно предложил Чаян.

И вновь взглянул на неё – теперь уж испытующе и даже хитровато. Словно проверить хотел, не пожелает ли она жизнь брата и свободу земель своих променять на собственное спокойствие. И зазвенела где-то в далёком уголке разума малодушная мысль принять спешное предложение Гроздана, а то и помощи попросить, чтобы остёрцев прогнал. Но и знала она о Зуличанском княжестве немало: много лет они бок о бок живут. Земли у них не обширные, с севера их тоже подтачивают другие соседи, которые уголья свои чужакам, пришедшим с востока, отдавать не хотят. Ратей великих у Мстивоя никогда не водилось. И толкать их на сечу, на то, чтобы кровь свою проливать, она не имела права. Да и не хотела, признаться. Не хотела стать чем-то обязанной Гроздану, который смотрел на неё сейчас, как хорёк на несущку.

– И что же ты, княжич, не станешь противиться, коли Елица со мной уехать пожелает? – показалось, не поверил словам Чаяна зуличанин.

– Не стану, – беспечно бросил тот.

Леден только покосился на него так, будто посчитал, что брат его враз умом тронулся. Доброга тихо крякнул, изрядно ошарашенный, и Елицу под столом ногой толкнул: мол, глянь, что творит. И в груди всё скрутилось колючим жгутом: ничего доброго не выйдет, если поддастся она на показную доброту и уступчивость остёрского княжича. Вон как глаза его посверкивают, словно кинжалы холодные, хоть губы и растянуты в улыбке.

– Позволь с тобой, Чаян парой слов с глазу на глаз перемолвиться, – Елица встала и кивнула всем мужам, которые недовольно забурчали. – Прогуляемся во дворе. А ты, Леден, пока прикажи стол гостям в гриднице накрыть. Они небось с дороги устали. А там всё решим. Мне подумать надо.

Тот брови свёл, явно не понимая, к чему сейчас эти уловки. Зачем она время тянет, но только согласно наклонил голову в ответ. Чаян поднялся тоже и, одёрнув рубаху, пошёл вслед за ней прочь из общины. Теребя лунницу, что висела на бусах, Елица вышла на тропинку и приостановилась, дожидаясь его. Княжич поравнялся с

ней – и вместе они укрылись в прозрачной зеленоватой тени расцветающего едва не на глазах сада.

– И что же ты, отпустил бы меня разве? – Елица покосилась на Чаяна, который не спешил говорить первым.

– Нет, конечно, – он хмыкнул. – Только я думал, что ты и сама понимаешь, что не из большой любви он сюда приехал. Лодьи вон по реке прогнал, чтобы побыстрее.

– Понимаю. Был бы жив Отрад, он и не сунулся бы сюда.

– А сейчас ты – наследница. Была невеста желанная, а теперь и вовсе хоть с руками отрывай.

Чаян вдруг остановился под раскидистой старой яблоней, которая развернула в стороны свои густые ветви едва не на три сажени, тесня в стороны младших подруг. Елица повернулась к нему, оглядела лицо его серьёзное и озабоченное как будто.

– А ты разве?.. – хотела было укорить его, да передумала.

Мыслей княжича она доподлинно не знала, а обижать неосторожно не хотела.

– У нас договор. Я сказал, что мы уйдём отсюда, как только Сердце сыщется. И слово своё я держать намерен, если о другом не попросишь.

– Попрошу? – Елица покачала головой, невольно улыбаясь. – Чтобы остался?

– Да.

Чаян шагнул к ней, мягко обхватил пальцами подбородок, скользнул ладонью под убрис, к шее. Елица остановила его руку, отвернулась, когда он лицо приблизил, опаялая нетерпеливым сбитым дыханием губы.

– Ты получил свой подарок наперед, – постаралась сказать она как можно твёрже. – Другого у меня не припасено.

Чаян провёл большим пальцем по её скуле, не торопясь отстраняться. Она и смотреть на него не хотела: взглянешь – и утянет снова в свой омут, где уж Зимава давно оказалась. Ох уж эти братья Светоярычи: один всем вокруг мил быть хочет – и противиться его чарам трудно. А второй – никому – да от этого не легче.

– Что ж ты делаешь со мной, Елица... – он всё же отступил. Она спешно поправила сбившийся платок. – Уезжай в Звяницу завтра. С

утра. Я кметей предупрежу, чтобы сбирались. Вышемила и без тебя уже поправится. А тут я всё с Грозданом твоим решу. Потерпит.

Глава 12

Звяница жила, как и всегда: до того, как появилась однажды в ней Елица, да пока коротала здесь годы вдовства. Так и жить будет дальше, даже если не придётся больше здесь никогда оказаться. Обширные лядины уже давно вспахали, мужи посеяли пшеницу, а теперь пришла пора женщинам сеять горох да лён. Их светлые фигурки, словно зёрнышки, рассыпались по нивам. Слышалась издалекаих слаженная песня, которую Елица хорошо знала – и она сама начала припевать тихонько, пытаясь передать хоть каплю собственной детородной силы земле и будущим всходам.

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Я сеяла, приговаривала,
Чёботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленок!
Ты удайся, мой беленький ленок!

Вея, что поехала нынче с ней вместо Миры, к которой, как та ни старалась, веры больше не было, посмотрела на Елицу задорно и одобряюще. Кмети прислушались тоже, а Стоян даже и обернулся, чему-то улыбаясь. Радостное это время: когда засеваётся земля и люди делятся с ней своими чаяниями на справный урожай, своей силой. Приносят требы Рожаницам и Велесу. Молят о милости Отца-небо Сварога, чтобы не обижал дождём. Ярило, чтобы дарил тепло всё то время, пока он в самой буйной силе. И всё вокруг расцветает, зеленеет и дышит первозданной жизнью. И от этого на душе становилось хоть немного светлее.

Распускали белоснежные цветы яблони в звяничанских садах, пахли так сладко и томно, скрывали в ветвях одуревших от вешнего тепла птиц. Травень нынче радовал погодой: самое время для работ в поле – а потому в веси было пустынно. Только иногда можно было услышать звонкие голоса детей, которых тоже не оставляли без работы, да постук молотков и топоров во дворах. Пришло время и

дома подлатать после зимы: где кровля подгнила, как снег сошёл, где завалинка чуть осыпалась. А то и вырезать нового конька на крышу.

И как ни хотелось поскорее заехать к Сновиде, а приказ Чайна на сей счёт был яснее некуда: напрямик ехать в Лосич и остановиться на всё время в остроге, под присмотром воеводы и его людей. Всё беспокойнее приходили вести с пограничных застав и весей: косяки могут напасть в любой миг. А потому княжич отправил с Елицей только тех кметей, в чьей силе и верности уверен был. Доброга тоже двоих отрядил, а Леден, хоть и вынужден был остаться в Велеборске, отправил в путь своего ближнего отрока Брашко. Тот, конечно, княжича оставлять не хотел, но и с Елицей они за время дороги до Радоги и обратно успели сдружиться, а потому парень противиться приказу не стал.

Как минули Звяницу, до Лосича осталось рукой подать. Шла вовсю торговля у моста и за стеной недалёко от ворот. В избах, что ровными лучами улочек сходились к острогу, тоже слышались голоса. Слишком громко – после дня пути в почти в полной лесной тишине. Брашко чуть раньше уехал вперёд, оставив телегу на попечение одного из кметей – Арилы. Предупредить поспешил воеводу о том, что гости к нему едут – желанные или нет – там видно станет. Но стражники на стене, завидев всадников, ничуть не препятствовали въезду в ворота. Только окликнули Стояна, что ехал впереди всех, спросив, кто такие. Да тут же убедились, заметив следующую за ним Елицу.

Во дворе уже встречал гостей сам Осмыль: разулыбался, зашагал навстречу, да только Брашко, что рядом с ним стоял, вперёд поспел – помочь Елице спешиться, будто обязанность эту после Ледена своей считать начал. Воевода только хмыкнул, оценив расторопность отрока, окинул взглядом кметей, что спрыгивали наземь и озирались в тесноватых стенах совсем небольшого острога.

– Как же я рад тебя снова видеть, княжна, – Осмыль, ничуть никого не стесняясь, подошёл и обнял её. – Извёлся весь, как ты уехала.

– Совесть заела? – она прищурилась шутливо. – Что меня в Велеборск отпустил.

Воевода вздохнул, на миг помрачнев. Не хотела она его обидеть, да сама серчала на того какое-то время: за то, что так легко её спровадил. Хоть и понимала, что по-другому нельзя было.

– Заела, – ответил Осмыль коротко. – Да княжич мне всё ж разумным показался. По делу важному, как говорят, приехал, а не для того, чтобы буйствовать зря. Вы проходите. В гриднице для вас уж стол собрали почти, а пока в избах располагайтесь. А тебе, Елица, я покои в тереме уж распорядился подготовить.

Кмети во главе с десятником, уже зная, куда идти, направились к дружинным избам, коих здесь было не так и много – да все почти под завязку заняты. Теми, кто служил в Лосиче давно, да теми, кто недавно прибыл по приказу Чаяна – границы укрепить.

– Что, тихо у вас тут пока? Косляки не лезут?

Елица прошла за Осмылём в терем, по лестнице на второй ярус. Глянула с верхотуры на город, суетный, как забитая головастиками лужица. А после накрыли её тишина и полумрак терема, что пах деревом и хлебом.

– Да пока спокойно. Ловим иногда лазутчиков. Вот недавно одного схватили в Звянице, – воевода оглянулся. – Чего разнюхивают... Будто не знают, что под лето закрома у всех почти пустые – и мышь заблудится.

– Недавно нападали на Логост. Дочь посадская даже сбежала оттуда, – Елица вздохнула, невольно вспомнив Вышемилу.

Как она там, в Велеборске? Поправилась ли совсем? Всё ж нехорошо было оставлять её, не закончив выхаживать, хоть и позаботиться о ней есть кому – верно.

– Слыхал. Сильно их потрепало. Да и косляков порубили немеряно.

Осмыль встал перед потемневшей от времени дверью горницы – одной из лучших, что вообще можно было сыскать в Лосичанском остроге. Раньше её дочь воеводы занимала, да как пошли слухи о наступлении остёрцев, так они с женой его тоже уехали в место более тихое, где родичи той жили, да откуда и сам он родом был.

Елица вошла в распахнутую перед ней дверь. Заслышала позади шаги спешившей уже следом Веи. Наперсница проскочила внутрь мимо уступившего ей дорогу Осмыля. Тот вошёл тоже.

– Так зачем ты приехала? – проговорил, озираясь с явной печалью в глазах. – Дурное что стряслось? Или от княжичей сбежала?

Он усмехнулся, зная уже, что это вовсе не так: уж, верно, узнал и кметей из дружины Светоярычей, и отрока приметного, которого

только Леден с ней отправить мог.

– Да нет, уж не сбежала, – Елица расстегнула сусугу и повесила плащ на колышек. – А дело и впрямь важное. Ищу я кое-что. Что поможет Светоярычей из Велеборска отвадить. И забыть о них, верно.

Она осеклась, понимая, что забыть их вряд ли когда-то уж сможет. Уж какая нелёгкая их в жизни ни столкнула – особенно поэтому помнить станет.

– Радостно это слышать, – Осмыль даже в ладони хлопнул.

– К Сновиде я приехала. Да остановилась здесь. Всё ж мне теперь не надо скрывать, что я княжна.

Воевода нахмурился тут же, взгляд в пол упёр ненадолго, словно весть у него для Елицы была неприятная. Кольнуло даже страхом где-то в груди: а вдруг уехала волхва? Мало ли, куда её дела могли увести.

– Хворают Сновида уж больше двух седмиц как, – Осмыль снова поднял взгляд. – Сильно. Говорит лекарка Ванья, что сердце у неё прихватило одной ночью. А после как будто силы её покинули. Всё тает, тает потихоньку. Не ходит почти.

Елица так и села на скамью, что чудом рядом подвернулась, а то и на пол хлопнулась бы, верно – не заметила. И до того сильно в горле что-то загорелось – не вдохнуть. Словно опоздала она куда-то, не уберегла того, кому могла помочь. Может, если бы рядом с волхвой оказалась, так и обошлось бы. А если бы ухаживала за ней, то не разболелась бы она так сильно.

– Увидеть её хочу, – Елица вновь встала, чуть придя в себя. – Немедля.

Пока день ещё в разгаре, она никому не помешает, никого не потревожит на ночь глядя.

– Ты отдохнула бы хоть сама, – попытался увещевать её Осмыль, да сразу понял, что бесполезно это.

Елица велела Вее оставаться в горнице, а сама, прихватив Брашко, поспешила назад в Звяницу. Они промчались, поднимая серую пыль на дороге, до самой избы волхвы. И не замечала она теперь ни Дажьбожьего ока, что ласково грело спину, ни благоухания садов: всё застлало предчувствие большой беды, что давило в виски и заставляло сердце грохотать в горле. Елица почти по-мужски резко спешила и едва не снесла с петель калитку – так ворвалась на двор. И не успела ещё до сеней дойти, как, встревоженная шумом, выскочила ей

навстречу Веселина. Ни слова не говоря, она кинулась на шею, обняла, как сестру родную, которую не видела давно.

– Так и знала я, – забормотала. – Знала, что почувствуешь или судьба сюда тебя приведёт, а увидишься с ней до срока.

– Спасибо, что помогаешь ей.

– А кому ещё? – Веселина отстранилась, строго оглядываясь Елицу. – К ней, кроме меня, никто и не ходит почти. Только лекарка иногда. Всё потому что с тобой жила много лет, укрывала, кто ты такая. А про тебя сейчас чего только не болтают. Денко вон, как вернулся тогда... Такого рассказал. Что и с княжичем тем ты ложе делишь, и слушает он тебя, как княгиню свою...

– И ты веришь?

– Нет, конечно, – но в голосе подруги не было уверенности.

Она проводила Елицу в избу. Сразу ясно стало, что жизнь отсюда ушла уже – только войти стоило. Всегда здесь травами пахло, да только сейчас – непривычными, чуждыми. Тревожно, тягостно, душно. И казалось, чадили лучины больше обычного, и дух из печки шёл не такой добрый. И постукивал где-то домовый, словно уходить отсюда собирался.

Сновида лежала на своей лавке, чуть приподнятая подложенными под спину валиками из покрывал и тканей. Волхва посмотрела на Елицу мутно, словно не узнала в первый миг, но подняла руку с усилием и подозвала слабым взмахом страшно иссохшей кисти. Елица и рада была подойти тут же, да словно в корыте со смолой увязла. И так трудно давался каждый шаг. Громыхнув дверью, ввалился в избу Брашко, да Веселина остановила его, шикнула сердито – тот и притих, встав рядом с ней.

Чем ближе к Сновиде подходила Елица, тем яснее видела в скупом свете, как та исхудала. Ввалились её глаза и щёки, обвисла кожа вокруг губ, словно голодом её тут морили. Да недуг не спросит, не предупредит, когда навалиться, и никого ни разу он ещё не красил.

– Я хотела тебя ещё хоть раз перед смертью увидеть, – волхва неожиданно улыбнулась.

И на миг словно лучше ей стало, разгладились слегка морщины, и глаза блеснули радостью. Но этот просвет исчез, точно затянуло тучами аневу на небесном окоёме.

– Да что ты говоришь? Какой-такой смертью? – Елица присела на край её лавки и обхватила сухую ладонь своими.

Предательски дрогнул голос, а на ресницах застыли, дрожа, слёзы. Но она знала, что плакать при Сновиде не стоит – она не одобрит, а то и укорит ещё.

– Той, что уже давно у порога моего топчется, – со знакомой жёсткостью усмехнулась волхва. – И всё ждёт чего-то. Да вот теперь поняла я, чего дожидалась. И рада, что с тобой всё хорошо.

– Конечно, со мной всё хорошо.

– Я ж во сне тебя плохом видела, – размеренно продолжила Сновида. – Тогда-то со мной и беда приключилась, хворь настигла. Видела тебя в Навьем мире, в тёмной реке по пояс. А позади тебя мавка стояла и так ненавидяще смотрела, что аж по хребту продирало. А после утопила тебя.

Елица невольно прикрыла ладонью губы: всё верно волхва описала. Было с ней такое: до сих пор ночами обрывки того страшного дня приходили. Да не увидела, видно, чем всё окончилось. Что спас её Леден – может, тогда и не оборвалось бы сердце у неё, спокойна она осталась бы. И была бы теперь здорова.

– Было со мной такое, верно, – Елица погладила её сморщенную, почти хрустящую, точно тонкая береста, кожу. – Но жива я, видишь ведь. Княжич остёрский меня выручил.

– Сокол тот? – хитро прищурилась Сновида.

И похожа стала оттого на девчонку, что у подружки секрет выведать пытается.

– Тот, – Елица вздохнула.

И едва не обернулась, чтобы убедиться, что он позади стоит. Да не было его рядом в этот раз: и она впервые ощутила это до странности остро. Словно привыкла уже к нему за всё то время, что вместе они по княжеству разъезжали. Чудно...

– Так зачем приехала? – Сновида ещё немного приподнялась, опираясь на подложенные под спину валики. – Не просто же так прогуляться.

Елица покивала и достала из поясного кошелька маленькие изваяния Богинь, уже не надеясь особо, что волхва сумеет помочь распознать, откуда они. Она вложила идошки в ладонь её.

– Очень знать мне нужно, откуда эти фигурки. Я нашла их на старом капище подле Радоги. И думаю, что отец там их оставил. А вот зачем...

Сновида подняла руку и оглядела коротко резные колышки. Одного взгляда ей хватило, чтобы лицо её озарилось удивлением. Но, на счастье, и узнаванием тоже. Она провела большим пальцем по узким бороздам, не торопясь отвечать. Сердце так и замерло в ожидании хоть одного её слова, которое могло бы как подарить надежду, так и отобрать её.

– Я знаю, откуда эти идолки, – волхва наконец подняла на Елицу просветлевший взгляд. – Но место это не здесь находится. А там, откуда остёрцы пришли. На их землях. Бывала я там ещё в молодости два или три раза. Место то сильное, но и страшное тоже. С самых времён стоит среди леса на холме, как Милогнев своё племя с юга привёл. Только слышала я давно, что со временем его позабросили. Пожар там страшный прошёл, лесной. Всё сгорело. А снова устраивать никто не стал – посчитали, что место теперь недоброе.

– Все они, эти места, недобрые. Будто отец знал, что так будет. Что никто туда не станет ходить и его тайны тревожить.

– Может, и знал... – Сновида развела руками и вернула Елице фигурки. – Только тебе без княжичей туда соваться не стоит. Велеборцев теперь там не любят.

– Знаю я, что не стоит. Они и не отпустят меня.

Елица опустила голову, размышляя над сказанным волхвой. Идолки тихо постукивали друг о друга, когда она легонько шевелила их в ладони. Словно разговаривали. Только о чём – ей не дано было узнать. Может, тогда было бы всё гораздо проще. И страх такой взял, что, коли и доберётся она до того святилища, а найдёт лишь пепел один с проросшей сквозь него травой – за столько-то лет!

– Так где мне то капище искать? – она вновь подняла взгляд на волхву.

– Весь там одна стояла, как называлась, не помню. Да и не старалась запомнить-то. Но протекала неподалёку от неё река – и излучиной крутой её обхватывала. Почти вокруг. Ярынь река та. Она и по велеборским землям течёт – от истока. Коль опишешь остёрцам, что за весь – они точно узнают.

Сновида замолчала и прикрыла веки устало, словно этот недолгий рассказ отнял у неё последние силы. Елица убрала фигурки обратно в кошель и осторожно сжала её плечо.

– Спасибо. За всё спасибо, – она сомкнула губы, чтобы не расплакаться вдруг. – Если я могу тебе чем-то помочь... Если...

– Ты уже помогла тем, что приехала. Я верю, что не одно только дело привело тебя сюда. Что мы связаны оказались за те зимы, что жили здесь вместе. Ты сильная, очень сильная, хоть и не понимаешь пока этого. И то, что в душе твоей, – волхва осторожно указала куда-то под рёбра Елице, – этому не я тебя научила. Это не мягкотелость, а что-то другое, светлое. Поэтому ты и кинулась на помощь княжичам этим. Хоть и могла по другому пути пойти. И за сокола этого переживаешь тоже поэтому, хоть и ненавидеть должна.

– Не переживаю я за него, – буркнула Елица. – Что ему будет?

Сновида улыбнулась понимающе.

– Ну, нет, так нет. Только не потеряй важное. Не забудь себя ради других.

Тихо подошла Веселина, мягко положила ладонь на плечо Елицы, давая понять, что пора идти: волхва совсем ослабела – даже глаза у неё начали закрываться. Она медленно встала и пошла вслед за Брашко, который посматривал на Сновиду с опаской. Те, кто ведают Богов и мудрость их, часто нагоняют на других робость и чрезмерное почтение. Как вышли они из избы, поняли, что пробыли там не так ужа мало. Дажьбожье око уже перекатилось на другую сторону небосклона, поплыло к западу. Потянулись по улице женщины, возвращаясь с сева, усталые, но и довольные тоже: дело они нынче важное совершили. Уродится щедрый лён, будет и ткани в достатке, одежды справной.

Увидали звяничанки Елицу, что выходила со двора волхвы, да так и посерели все, как одна. Стало быть, сплетни и правда недобрые о ней здесь ходят. А пуще всего похолодело под сердцем, как заметила она, что у ворот стоит, держа её кобылу под узду, Денко. И снова пронеслись перед глазами все те года, что он рядом крутился, ни денёчка о себе забыть не давал. А после нападения того на становище даже приятные мгновения, что рядом с ним переживать доводилось, подёрнулись будто бы грязным налётом.

– Здравствуй, княженка, – он улыбнулся, мягко поглаживая морду кобылы. – Вот, как услышал, что ты приехала, так повидаться захотелось, что аж засвербило где-то в нутре.

– Я и вижу, что свербит у тебя постоянно, – одёрнул его Брашко.

Да так сердито, словно за всё время, что Ледену служит, умудрился перенять от него многое в нраве.

– А ты, сопляк, супротив меня не лезь. Я не с тобой разговариваю, – оскалился сын старейшины. – Кто ты такой без княжича своего? У меня брат младший тебя покрепче будет, хоть и моложе.

Брашко шагнул было к нему – и тут только Елица заметила, что он ничуть Денко не ниже, может, только худощавее малость. И слова насмешливые сильно отрока задели. Не научился он ещё пропускать мимо ушей колкости. Пришлось на его пути вставать, чтобы какой стычки глупой не случилось.

– Здрав будь, Денко, – заговорила Елица приветливо. – Ты так, повидаться, или что-то сказать хочешь?

– Да посмотреть хотел, не одарил ли тебя ещё княжич тот пузом. А то, говорят, он не способен на такое. А вдруг?

Кроме женщин, что шли с сева, начали собираться кругом и другие звяничане, привлечённые тихим их гомоном. Где-то пронёсся смешок. Выглянула из сеней Веселина, слышав шум собравшихся у двора соседей. Елица окинула всех зевак взглядом, решив, что ничего на такую клевету открытую отвечать не станет. Зачем подогревать интерес к злым словам, которые произнесены были, чтобы и её уколоть, и Ледена принизить. Похоже, Денко крепко за то взялся, чтобы совсем уж местных против неё настроить. Уж зачем – кто знает.

Она подошла к своей кобыле, слыша, как яростно сопит за спиной Брашко. Хотела было забрать повод, да Денко не дал. Лошадь недовольно фыркнула, когда дёрнул он её за узду.

– Что же ты, оправдываться ничем не станешь? Все вы там, в Велеборске, девки, которых только на сено и валить, когда хочется? – прошипел Денко, приблизив лицо.

Она занесла руку, чтобы ударить. Уже представить краем разума успела, как зазвенит вдоль улицы громкий шлепок. Как охнут звяничане, осуждая её – ведь негоже, а княженке-то особливо! Как

заропшут ещё громче – и останется только в стенах Лосича до самого отъезда прятаться.

Но Денко вдруг исчез с глаз – загородила его спина Брашко. Отрок схватил парня за грудки и единым движением отшвырнул прочь от лошади. Тот не упал, но сделал несколько шагов назад, едва удержав равновесие.

– Эй, да ты что? – грянул кто-то из товарищей старостова сына. – А ну-ка!

Толпа всколыхнулась, зашевелилась, пропуская кого-то. Брашко обвёл всех взглядом из-под нахмуренных бровей и снова к Денко обратился.

– Лучше и шагу больше к ней не делай. Иначе я тебя порублю мелко и в твои же кишки засуну. Мне Посвящение по осени проходить. Сам понимаешь, что я уже умею? Или показать?

Елица так и вскинула брови, недоуменно разглядывая отрока, который, вечно тихий и покладистый, вдруг показал себя совсем с иной стороны. Вот уж точно видно, что Леден самолично его учил. Понял то и Денко, больше не стал открыто яриться, хоть и побагровела его шея да вздулись венки на лбу от страшного гнева. Тот, кого он сопляком назвал, и правда мог на лопатки его уложить. Может даже, и без особого труда.

– Княжич твой меня убивать не стал. А ты, значит, дерзнёшь? – выплюнул напоследок.

– Леден с пылью дорожной тебя смешать мог так, что не нашли бы, – проговорила вдруг Елица прежде, чем осознала. – А ты только и можешь лаять, пока его рядом нет. И всё, что про меня всем наговорил, ни единого слова правды в том. Всё одна обида и злоба.

Протиснулись наконец друзья Денко к плетню, уж и кулаки приготовили – Брашко бока мять. Может, и кинулись бы, да остановились, прислушиваясь к её словам. Показался с другой стороны старейшина Благослав, муж видный и жилистый, словно светилом и ветром иссушенный до дубовой твёрдости. Встал за спиной сына, оглядывая его с укором.

– Ты прости, княженка, – заговорил громко. Тот аж вздрогнул. – Многих любовь добрее делает и мягче. А вот сыну моему только душу отравила. Но ты не виновата вовсе. Что говорят о тебе, то только твоё дело. Правда или неправда – не нам тебя судить. Хватает уже того, что

в весях наших спокойно и Чаян Светоярыч людей своих на защиту нам прислал. А там увидим, чем всё окончится.

– Что бы я ни делала, – вздохнула Елица, обращаясь ко всем звяничанам, – а всё для того, чтобы защитить то, что мой отец создал. Больше мне сказать нечего.

Она запрыгнула в седло и опустила взгляд на всех собравшихся. Они молчали теперь, пристыженные и озадаченные. Залегли морщинки меж бровей тех, кто на выручку Денко поспешил, да и сам он понурился под взором родителя так, будто цыплят по неосторожности в лохани утопил.

Вместе с Брашко Елица снова вернулась в острог – и так тягостно стало на душе. Оттого, что Сновиду придётся ей оставить хворой, оттого, что, может не увидит её больше живой. И ещё потому, что в Звянице ей вдруг стали все не рады. Теперь осталось только отдохнуть с дороги – да снова в путь. Порой казалось Елице, что и во сне она будто в седле покачивается: столько вёрст за последнюю луну проехала, сколько за все годы вдовства не довелось.

И было в Лосиче почти так, как дома: даже хоромина походила на ту, что осталась в Велеборске. И посетила перед сном странная мысль, сквозь темноту ночи, сквозь тихое дыхание Вей и отдалённые голоса стражников, что прошли под окнами: Елица уже вновь привыкла быть не вдовицей, а княженкой. А та жизнь, размеренная и чужая, осталась в тумане минувшего. Возврата к ней не будет.

Страшный грохот торопливых шагов разбудил, показалось, посреди ночи. Елица распахнула глаза – нет уже подёрнулось пасмурное нынче небо тёплым светом. Самый тихий час и крепкий сон – перед пробуждением. И лишь в следующий миг донёсся до слуха гомон воинских голосов во дворе, и суматоха, что наполняла терем непривычным, несвойственным для обычного утра шумом. Заворочалась, ворча, Вея, но резко села, как заржала истошно лошадь где-то вдалеке. Топот приблизился – и дверь горницы распахнулась. Внутри, совсем не подумав о том, что может застать женщин неодетыми, заглянул Брашко. Елица прикрылась одеялом едва не до носа.

– Собирайся, княжна. Сейчас. Уезжаем, – прерывисто выдохнул отрок, едва не давась каждым словом: так запыхался.

– Что случилось?

Елица, тут же перестав смущаться, встала и огляделась, уже думая, за что взяться в первую очередь.

– Косляки, – только и ответил Брашко.

И больше ничего не надо было объяснять. Тут и Вея подскочила, начала быстро скидывать вынутые из сундука вещи обратно. Елица принялась спешно одеваться.

– Мы ждём тебя во дворе. Уедем до того, как они сюда доберутся, – сказал напоследок отрок и вновь скрылся за дверью.

Скоро они вместе с наперсницей были готовы. Спустились, кутаясь в плащи, во двор, объятый сырым туманом: утро, оказывается, выдалось прохладным. Внизу уже ждали снаряженные лошади и телега, на которую расторопные лосичанские отроки уже погрузили все вещи. Кмети рассыпались по стенам. Кто-то собирался выезжать в Звяницу, что стояла на пути косляков.

– Много их? – Елица подошла к Осмылю, который как раз широким шагом проходил мимо.

– Не знаю пока, – бросил тот на ходу. – Но говорят дозорные, что больше, чем обычно. Тебя я здесь оставить не могу. Даже за стенами. Опасно. Успеете уйти через лес – уж не догонят.

– Может, лучше было бы тем, кто со мной приехал, вам помочь? – Елица споткнулась, но воевода поймал её за локоть и наконец чуть приостановился.

– Прости уж, но пятеро кметей не слишком-то помогут, хоть и стоят каждый по два десятка косляков. Мне тебя надо сберечь, княжна, – Осмыль осторожно погладил её по щеке. – Отец мне твой не простит, хоть и не на этом свете. Да и княжичи...

Он прислушался к голосам воинов и пошёл дальше. Елица мгновение ещё смотрела ему вслед, пока не окликнул её нетерпеливо Брашко. Она вернулась и поднялась в седло. Распахнулись ворота, стражники уставились на Стояна, который тронулся первым, взглядами призывая его шевелиться ещё быстрее, хотя куда уж больше.

Створки захлопнулись сразу, как телега выехала из острога. Вокруг было тоже суматошно. Но если за стеной вся суэта подчинялась приказам воеводы и десятников, не выплёскиваясь в панику, то здесь люди были напуганы так, что не могли, казалось, толком сообразить, что им делать. И хотелось хоть как-то помочь, хоть

чем-то убережь, но в этот миг, когда самой приходилось покидать Лосич, Елица ощущала себя до ужаса бессильной.

Скоро добрались и до Звяницы, где все мужчины уже готовы были каждый встать на защиту своего дома. Не первый раз они с косяками сталкивались, уж знали, как встречать незваных гостей.

– Сновиду... – Елица нагнала Стояна, а тот лишь едва обернулся на её оклик. – Сновиду заберём... И...

– Всю Звяницу, может, в телегу погрузим и в лесу укроем? – огрызнулся десятник. – Они люди наученные, сами справятся и решат, кого прятать, кого спасать. У них старейшины есть. И воины тоже.

Стоян снова вперился в даль перед собой, чуть подгоняя лошадь.

– Я велю тебе! Забрать Сновиду! – Елица едва удержалась, чтобы не дёрнуть его за рукав.

Но воин только хмыкнул на её, казалось бы, властный тон так, что стало понятно: ни единому слову не подчинится. Подтянулись сзади и другие кмети, прислушиваясь к их разговору.

– Я не тебе служу, княженка, – процедил Стоян. – А Светоярычам. А они мне ясно приказали: тебя хранить и в целости до Лосича и обратно доставить. Потому ты хоть из седла прыгай, а я тебя свяжу и до Велеборска довезу.

Он слегка подогнал своего жеребца, уезжая вперёд и давая понять, что больше обсуждать это не станет. Тем временем осталась за спиной околица веси и обступил, словно с неба обрушился, со всех сторон старый сосновый бор, который Елица знала очень хорошо: уж сколько за грибами и ягодами здесь ходила с Веселиной. И Сновидой тоже. И она правда готова была спешиться да броситься снова в Звяницу. Только острое осознание тщетности этого останавливало.

Пропали скоро последние отголоски людского шума, что ещё металось среди деревьев тихим эхом. Словно отгородила стена вековых сосен от подступающей опасности, но спокойнее от этого вовсе не становилось. Как отдалились от Лосича, Стоян отправил Брашко гонцом в Велеборск, чтобы о вестях недобрых княжичам доложил поскорей. Вряд ли Осмыль станет кого-то из своих так скоро в столицу гнать: ему сейчас не до того. Но братьям Светоярычам лучше поскорее узнать – а там, может, надумают чего.

И каковы бы ни были старания десятника, а почти до самого Велеборска Елица точно во сне ехала. Всё никак не могла отринуть

мыслей о том, что в Звянице творится да в Лосиче. Верно, битва там давно закончилась, а уж чем – никаких пока слухов в спину не прилетало. Спокойно было и в тех весях, где приходилось на ночлег останавливаться. Только дни казались бесконечно, нестерпимо длинными. Будто выехали из Лосича уже с луну назад, а до Велеборска всё никак не добраться.

Но скоро показалось, извиваясь среди пологих холмов, русло Велечихи: с одного из них, куда отряд забрался по тропе, было хорошо видно его, петляющее внизу, по узкой здесь, за века пробитой в земле дорожке. Нынче разгулялось ненастье: катились, меняя очертания, тучи по небу, гроыхало вдалеке, и Перунов огонь то и дело озарял верхушки холмов-братьев. Шла гроза. Надвигалась тяжёлой колесницей на долину. И укрыться-то от неё негде: одни лысые бугры кругом, без единого деревца.

Скоро дорога вновь спустилась к боку Велечихи, а там – уж и густой ивняк заслонил от наступающей бури. Но всё ж защиты от него было мало, а потому, пока ещё оставалось время, Стоян велел разворачивать лагерь: до веси следующей всё равно не добраться, коли дождь разразится. Проехали ещё около версты по тропе, всё сильнее утопая в дремучих зарослях, что вставали над головой плотным пологом. С одной стороны берег уходил в низину, с другой – вздымался плечом отступающего всё дальше холма.

Подходящего места всё никак не попадалось. Кмети начали потихоньку ворчать и тыкать коней в бока пятками, невольно стремясь поехать быстрее – может, и до веси можно успеть добраться к сумеркам.

– Не шумите! – гаркнул на них Стоян.

Обернулся, строго хмурия брови. Мелькнув в сером сумраке, его шею пробила стрела. Десятник кувыркнулся из седла и тяжело распластался на взрытой копытами тропе. Мгновение ошарашенного молчания – и кмети похватались за оружие, прикрылись щитами, окружая Елицу – защитить. Заржал впряжённый в телегу тяжеловоз: его грудь и бок пробило сразу несколько стрел-срезней. Мерин рванулся в сторону из последних сил, в отчаянном желании спастись от неминуемого – и рухнул, опрокинув повозку поперёк тропы. Выругался Влас, сверзившись с облучка; взвизгнула, испугавшись, Вея. Отступить стало некуда.

Посыпали стрелы – не слишком густо. Застучали по окованным щитам. Рядом ранило одного воина – вскользь. Зато убило его лошадь. Та истошно завизжала и метнувшись вбок, упала. Кметя Милада едва не придавило, но он успел спрыгнуть раньше. Прикрылся, отступая к своим.

– Перебьют всех к бесам, – рявкнул Истр. – Двигаемся вперёд. Княжну прикрывайте!

Помалу сгрудившийся в кучу отряд поехал дальше. Щиты, утыканные стрелами, ещё пока надёжно защищали и Елицу, и оставшегося без лошади Милада. Но путь впереди оказался отрезан – навстречу уже выезжало несколько всадников и шло не больше десятка пеших.

Стрельцы вскинули луки. Кметь справа от Елицы до скрипа натянул тетиву и пустил стрелу, за ней тут же – другую. Один неприятельский всадник вскинулся и завалился на спину с древком в груди. Со стороны холма загикали, заорали другие тати. Через миг налетели небольшой ватагой. Кого-то вытащили из сёдел – и закипела схватка, в которой – все знали – погибнет много людей.

– Беги, княжна! – выдохнул Истр, отбившись от противника. – В тебя не стреляют. Укройся в веси. Там встретимся.

Он отвернулся. Елица не стала долго раздумывать над его словами – всадила пятки под бока сходящей с ума от страха лошади и рванулась вперёд. Напавшие, видно, не ожидали такого. Да и уже раскидала их в стороны сеча. Остановить беглянку, кажется, было некому. Слепил на миг Перунов огонь, гневно ударив в землю совсем недалеко. Громыкнуло оглушительно прямо над головой. Кобыла качнулась в сторону, едва не вышвырнув из седла. Елица сжала колени до боли, до онемения – удержаться! Как стих раскат, разбросав эхо по лесу, стало слышно, что кто-то мчится следом. Она обернулась – не свои.

Застучали по молодым листьям первые капли дождя. Сверкнуло за опушкой снова, прогрохотали колёса Перуновой повозки над шапкой холма. Залило лицо, покатались холодные струйки за шиворот. Ударила, взметнувшись под ветром, мокрая грива по щеке. Елица пригнулась к шее кобылы ниже, намертво вцепившись в повод и почти сросшись с её спиной. Она ощущала, как тяжело вздымаются крутые бока, слышала резкое и сильное конское дыхание. Топот копыт позади.

И гром... Повсюду – нестихающий, свирепый – от него тряслась земля.

– А ну, стой! – приказал низкий голос, прорвавшись сквозь громкий шелест дождя.

Елица лишь содрогнулась почувствовав, что одежда уже насквозь промокла. Но не обернулась и не приостановила лошадь. На сколько её ещё хватит? Когда начнёт уставать? Ведь целый день в пути. И зря она о том подумала – животина тут же споткнулась. Елицу резко бросило в сторону. И пришлось бы рухнуть из седла, не оказись рядом преследователь. Он схватил повод кобылы, заставляя перейти на рысь. Елица попыталась снова заставить её броситься вперёд, но та не пожелала, подчиняясь воле другого всадника.

– Не ярись, красавица, – хмыкнул тать то ли лошади, то ли беглянке.

Улыбнулся в мокрую, усыпанную каплями бороду. Елица быстро скатилась с седла, не дожидаясь, пока животина совсем остановится, и бросилась в заросли ивы. Мужик громко выругался. Хлюпнула вода, когда спрыгнул он в лужу и поспешил за ней. Обдирая ладони о ветки, цепляясь подолом за траву и кусты, Елица неслась, не разбирая дороги. Лишь бы подальше, лишь бы укрыться с глаз того, кто сейчас, громко пыхтя и бранясь, прорывался за ней. Топот стал ближе. Торчащий в сторону сучок едва не выткнул глаз. Осыпались капли с листвы прямо в лицо. Елица задохнулась, отирая щёки – и крепкая ладонь схватила её за плечо.

Они с татем рухнули вместе наземь, ломая мелкий валежник. Мужик сгрёб Елицу в охапку, подмял под себя. Она нащупала нож на поясе и вынула – ударила, метя в шею, но рука застыла в стальной хватке огромной пятерни.

– Ух, я бы пощупал тебя, коли бы не приказ, – ватажник склонился, обдав луковой вонью. – Горячая.

Он вывернул её руку с оружием – острая боль пронзила до самого локтя. Елица вскрикнула, задыхаясь под тяжёлым телом. Сверкнув лезвием, нож глухо упал в траву.

– А может, и пощупать, а? Не девица же. Никто и не заметит.

Мужик загоготал, скручивая Елицу едва не узлом. Она уже ничего не видела из-за льющего в лицо дождя и лезущих в глаза мокрых косм пленителя. Извернувшись, сумела всё ж оттолкнуть его, ударила

коленом наобум – и попала, кажется, куда нужно. Тать взвыл яростно, но не выпустил. Замахнулся – и со всей дури ударил её в висок. Голова резко мотнулась, вспыхнула страшная боль до самой челюсти – и Елица опрокинулась в холодную темноту.

Глава 13

– Навстречу ей ехать надо, – Леден в который раз обогнул стол в гриднице, за которым, нынче необычайно серьёзный, сидел Чаян. – Вдруг нагонит кто?

Огоньки лучин беспокойно колыхнулись, когда Леден прошёл мимо. Никогда он не чувствовал такой тревоги. В самые скверные времена он хранил спокойствие, а тут словно что-то подогревало его изнутри. Как будто угли тлеющие. Вести, что принёс взмыленный и уставший с дороги Брашко, кого угодно на уши поставить могли. Княженка еле унесла ноги из Лосича, когда налетели косяки, а сейчас с ней неизвестно что случится по пути в Велеборск. Все планы могли рухнуть, если коснётся её какая беда. Но и досадливо понимал Леден, что не только это его беспокоит. От одной мысли, что дотянутся до княжны руки степняков, да и вообще любые чужие, неподвижная душа словно наполнялась гневливым огнём – и тогда даже дышать трудно становилось. Нехорошо это... Непривычно.

Брат сомкнул пальцы в замок, поразмыслив. Поднял на Ледена внимательный взгляд. Как будто не нравилось ему, когда из уст его звучали любые слова о Елице. Казалось порой, что совсем уж Чаян себе её присвоил, хоть та, верно, ничего об этом и не знала. Но таков уж старший: как в голову себе что втемяшит, так проще порой подчиниться. Да только Елица не из таких, кажется, кто легко влечётся на его обаяние: вот и злится он только пуще, но не отступится – в этом тоже можно было не сомневаться.

– Я отправлю ей навстречу ещё кметей, если ты об этом, – проговорил сухо. – Или что? Сам поедешь? Привык уж быть её стражем.

Леден остановился, оперевшись ладонью на стол. Серые глаза брата потемнели, словно небо перед грозой: ждал он ответа. Того, который услышать хотел – чтобы пуще взъяриться, отчитать так, будто он – родитель, а Леден – дитя неразумное. Хотя всю жизнь как раз всё наоборот и было.

– Отправь кметей, – бросил Леден, выпрямляясь. – Иначе я поеду, верно. Так всем спокойнее будет. Или нет?

И в этот миг тень, что между ними пролегла, как будто стала ещё глубже. Дрогнули у Чаяна крылья носа:

– Угомонись.

– Это ты угомонись, – Леден усмехнулся. – И не зыркай на меня так, словно я тебе горсть муки задолжал прошлой зимой. Пойди, вон, к Зимаве – сбрось злобу. Она рада будет.

Брат ничего больше отвечать не стал – на том и разошлись. Вовсе не хотелось вступать с Чайном в пререкания долгие и изматывающие – а с ним только такие и случались. Леден вернулся в свою горницу и затаился слегка, увидев, что в дальнем углу на лавке спит Брашко, даже ко сну не переодетый. Сморило парня с дороги – и не удивительно. Странно, что лошадь его не пала: так сильно он её загнал.

Леден ещё немного побродил по хоромине, то выглядывая в окно – на пустые по вечернему часу ристалища – то присаживаясь у стола. И хотелось так невыносимо тотчас же выехать из детинца – Елицу встречать. Уберечь, может, от лиха, что могло её поджидать где угодно.

Спать он улёгся поздно, всё откладывая этот миг, словно чувствовал, что нынче сон не принесёт ему ни отдыха, ни радости. Да так и вышло.

Снова сковал его тот невыносимый холод, объятия которого, коли испытаешь один раз – вовек не забудешь. И дыхание умерло в груди под его гнётом. Леден уже не мог сопротивляться: толстую корку речного льда не пробить. Она стелилась перед глазами изрезанным трещинами полотном. Течение, спокойное, почти ласковое, тащило его куда-то – неважно. Всё одно в конце ждёт лишь смерть. Она уже пробралась острыми твёрдыми пальцами к самым костям. И было у неё лицо настолько чёткое, будто знакомое с самого детства.

Она говорила что-то, эта женщина в богато расшитом жемчугом венце – словно невеста, убранная для дорогого жениха. Всем она невеста, когда придёт срок... Но сегодня срок Ледена не настал.

Разломился толстый – только топором и рубить – лёд. Расползся в стороны огромными осколками. И в омертвевшие лёгкие хлынул тёплый – это зимой-то! – воздух. Насквозь промокшая одежда навалилась на тело страшным грузом, не давая толком пошевелиться, и тут же начала схватываться хрусткой коркой. Леден едва выбрался на

укрытый снегом берег, ткнулся лицом прямо в сугроб. От его дыхания тот медленно растаял, оплыл маленькой ямкой. И вдруг по спине потекло ласковое тепло, будто вышло из-за туч вешнее светило. Леден поднял голову, впиваясь пальцами в колючий снег – и едва не ослеп от вида девушки, что стояла чуть впереди. На белой рубахе её, еле прикрывающей щиколотки, вились красные узоры, словно ниточки крови. Две рыжевато-русые косы спускались по плечам до пояса, а ореховые глаза отливали зеленью подсвеченной Дажьбожьим оком листвы. Такие же внимательные, широко распахнутые, как в ту ночь. В пещере, когда она замерла под ним, не испуганная, но настороженная, ожидая следующего его движения.

А сейчас он просто знал её. Вернее, помнил, что узнает... Через много лет. И тогда справится с немочью и сделает к ней шаг. Потом, но не сейчас...

Леден вздохнул – и проснулся. Первый раз после такого сновидения – сам. Брашко уже не было: ушёл тихо, не обеспокоился – а значит, спал Леден без буйства. Странно даже.

За окном уже стояло утро, умытое, чистое, словно после грозы. Скоро выехали из детинца кмети – княженку встречать – и хоть немного на душе стало спокойнее. Сколько уж лет жил, а всё больше убеждался: от девиц порой забот столько, что кажется, лучше бы их и не было вовсе. А заberi – и тоскливо станет.

Теперь же только ждать возвращения княжны.

К вечеру безмолвно засверкали зарницы вдалеке, озаряя холодным светом полосу надвигающихся туч. Не успело стемнеть ещё, как пронёсся над городом первый отголосок грома. Взрезалось небо яркими полосами Перунова огня над широкими лядинами, и над хмурым лесом. Загрохотало, заворчало, сотрясаясь, всё вокруг.

Леден стоял на втором ярусе терема, наблюдая за божественным буйством. Поярится сейчас, напугает, взывая к трепету, а после обильного ливня веселее зазеленятся поля, и озимые пойдут в рост ещё пуще.

Но внимание его отвлѣк всадник, что спешно, едва не сбив стражника с ног, въехал во двор и остановился у крыльца, не слушая ругани, что сыпал ему вослед часовой.

– Ты кто такой? – окликнул его Леден.

Тот задрал к нему голову, смахивая с лица пыль. Оказалось оно простоватым, каких много за жизнь довелось увидеть в городах и весях, только глаза были сумрачными больно и подозрительными.

– Гонец из Логоста. Боярин Чтибор меня прислал. Намедни там нападение косяков отбили. Еле-еле удалось прогнать. Так вот люди с теми говорить хотят, кто сейчас стол княжеский занимает. Тяжко нам. Подмога нужна.

– Идём со мной, – Леден спустился во двор и повёл мужика к общине.

Передал только выскочившему навстречу отроку, чтобы Чайна кликнул да воеводу поскорей. Похоже, жизнь в Велеборске становилась день ото дня всё хлопотней.

Скоро брат встретился с гонцом, который назвался Балой, выслушал, не перебивая – и ещё яснее стало, что степняки гораздо сильнее стали давить земли, что остались, как считали они, без княжеского надзора и помощи. Князем становиться никто из тех, кто Велеборск захватил, не спешил, а потому они справедливо думали, верно, что и заступиться за людей будет некому.

Почему-то от мысли этой становилось неприятно и муторно внутри. Словно кого-то подвести пришлось: не только тех, кто остался на землях отца, ожидая, как вернуться княжичи с добрыми вестями и Сердцем. А ещё и тех, кто невольно оказался под их надзором здесь.

Прослышав, верно, о том, с какими вестями приехал срочный, пришла в общину и Зимава, как всегда вместе со стражем своим белоголовым. Доброга, что тоже Балу слушал, попытался было княгиню прогнать, да та и не взглянула на него.

– Борила бы уж, верно, войско в Логост отправил, – заговорила она, уставившись на Чайна, будто только они тут вдвоём были. – А вы, нахлебники, только нас страшать можете? Как мы должны теперь границы стеречь? Так косяки скоро и сюда доберутся.

И до того её, видно, пробрало, что она вовсе не остереглась резких слов. Чайн же только усмехнулся на них, словно всерьёз не принял.

– Ты присядь, Зимава, – он указал на место рядом с собой. – И ты, Эрвар.

Княгиня тут же смягчила взор, щёки её тронул румянец, будто осознала она свой излишний гнев. Или ласковый голос брата так умел

её успокаивать. Но Зимава явно осмелела, накрепко поселившись в его постели, раз позволила себе так врываться.

– Так чего ты хочешь? – отозвался Леден. – Чтобы мы всё войско наше на защиту ваших владений бросили?

– Если мой отец просит помощи, – уже спокойнее проговорила княгиня, – значит, она и правда нужна.

– Если тебя это немного успокоит, я поеду к Чтибору, – добавил он. – Говорить с ним буду. Возможно, и кого-то из войска мы туда перебросим. Если Доброга позволит.

Он перевёл взгляд на воеводу. Тот покривился, конечно: не так уж много у него людей в детинце осталось, чтобы ещё их по землям рассеивать. Совсем без защиты местных воинов он Велеборск оставлять не хотел.

– Если только с других крепостей на границы стянуть... – рассудил неохотно.

– Вот об этом мы с боярином и посудачим, – кивнул Леден.

– Так что же ты, один поедешь? – Зимава недоверчиво прищурилась.

Уж неприязнью своей так и бьёт. Будто он виноват, что сестрице её приглянулся. Тут уж сердцу не прикажешь, хоть и самого случившееся с Вышемилой и стремление её к нему тяготила.

– Отряд с собой возьму. Веси объеду ближние к Логосту. Решим что-то.

Гонец, который недобрые вести принёс, только глазами на всех поочерёдно зыркал, не вмешиваясь в разговор. Его дело маленькое. Скоро все разошлись, каждый со своей думой в голове.

Как ни хотелось Ледену дожидаться возвращения Елицы, прежде чем покидать детинец, но дело случилось важное: тут не до промедления. Пусть уж лучше бояре их с Чаяном за кого-то вроде друзей держат, чем втихомолку начнут вои против остёрского войска собирать.

Как забрезжил рассвет над рваной полосой леса, все кмети из детинца, что должны были ехать в Логост, уже собрались во дворе у ворот. Было их немного, да у становища ждал ещё почти десяток воинов: всё же что бы ни говорил Чтибор, как бы ни просил помощи, а совсем без охраны в укреплённый город соваться неразумно. Воевода Буяр ворчал, конечно, мол, княжичи чужими делами заниматься

надумали, хоть Елица их всё равно потом прогнать хочет. Он становился сварливее, кажется, с каждым днём, подтачивало его нетерпение: поскорее с земель этих убраться. Слишком долго войско здесь стоит без надобности. И даже увещевания Чаяна не помогали унять нарастающий гнев его. Но кто сказал, что поиски Сердца окажутся лёгкими? Если князю Бориле так долго удавалось его скрывать, значит, запрятал он его очень хорошо. Да ещё и следы запутал, как заяц стреляный.

Леден принял у конюшонка повод своего жеребца и оглянулся на терем, будто бы даже невольно, поднял взгляд на открытую часть верхнего яруса, но никого пока, кроме Зимавы, что неотрывно смотрела на Чаяна, там не увидел. Да и как увидишь? Елица ещё не вернулась и, коли была бы здесь, вряд ли пошла бы провожать. А Вышемила сестры старшей боялась едва не до слёз, всё таилась от неё, мысли прятала, хоть и пыталась с Леденом столкнуться хоть где-то ненароком.

– Кого высматриваешь? – раздался позади зычный голос Чаяна.

Леден повернулся к нему, перебирая повод и сомневаясь, что отвечать надо.

– Кого высматриваю, того здесь нет, – он уж взялся за луку седла, но остановился, слышав тихий скрип выходящей на крыльцо двери.

Та распахнулась, и показалась из-за неё напуганная, словно от няньки скрыться надумала, Вышемила. Огляделась быстро, мазнув взглядом по лицам кметей – и Ледена наконец заметила.

– А вот и есть уже, – усмехнулся братец.

Боярышня быстро сбежала по ступеням и, даже не глядя на сестру, что устала на неё сверху, подошла, сжимая у горла пальчиками накиннутый на плечи платок. Леден встретился взглядом с княгиней, которая, кажется, уж и через перила готова была перепрыгнуть, чтобы девчонку пылкую остановить, но продолжала хранить невозмутимое и твёрдое выражение лица. Это ей удавалось лучше всего, что бы о ней ни говорили на каждом углу Велеборска.

– Может, ты останешься? – шепнула Вышемила, потупив взор. – Пусть бы Чаян ехал. А то сидит тут, словно князем его уже вече выбрало.

Леден покачал головой, рассматривая её склонённую макушку. Кмети уже все садились на лошадей и неспешно проезжали мимо,

поглядывая на них с любопытством.

– Так уж мы решили, что я поеду. Остаться не могу.

Девушка подняла взгляд, придвинулась ближе к боку коня, словно прячась за него. Ухватила Ледена за рубаху на груди и к себе чуть потянула, заливаясь румянцем до самых кончиков ушей. Ох, и влетит ей от Зимавы. Точно влетит. По полным губам девушки пробежала лёгкая улыбка, и Леден склонился к ним, коснулся своими коротко, ощутив, какие они почти землянично сладкие. И что ж её влекло к нему? Эту тёплую и беззащитную, как цыплёнок, девушку. Ведь пострадала уже за своё упрямство. Так пострадала, что встретить он тех татей где – свернул бы шею каждому, ни на миг не задумавшись.

Вышемила попыталась удержать поцелуй, но Леден отстранился.

– Не нужно, – шепнул.

И вновь покосился на княгиню поверх спины жеребца. Та коли взглядом убивать умела бы, он, верно, сейчас валялся бы мёртвым. Леден убрал руку Вышемилы, которой та гладила его по груди, и запрыгнул в седло. Мелькнула в голове мысль: может, и правда жениться? Как закончится это всё, как вернётся Сердце туда, где ему быть положено. И проклятие, может быть, рухнет.

Как свершится всё – поехать к отцу Вышемилы со сватовством. Не одобрит тот, возможно, и прогнать попытается, да всё равно против воли дочери не ступит. А уж тем более когда узнает, что с ней случилось. Пока же, хоть и нерадостный, а случился повод для знакомства с ним.

Леден потрянул головой, словно волосы в глаза попали. Выбросить бы эти надежды об избавлении из мыслей начисто. Только вредные они, душу размягчают. Да и не чувствовал он ничего к юной боярышне, что заставило бы его и правда желать на ней жениться. Вон, Чаян горит прям, аж во взгляде словно всполохи пляшут, когда на Елицу смотрит. Да и поведал тут, что на Лельник и целовал её как будто, отвечала она даже. А он что? Что подарить может будущей жене, кроме терпения и холода?

Он развернул коня к воротам и поравнялся с десятником Дежибором, который уже ждал его. Взглянул напоследок на братца – тот усмехнулся криво, распознав как будто все его нерадостные мысли.

Тронулся отряд прочь из детинца. Дорога впереди хоть и не слишком длинная, а с теми, что уже были в последнюю луну, складывались они в одно сплошное бесконечное полотно. Скоро

добрались и до становища, где присоединились к ним ещё воины. Тот гонец Бала, что приехал накануне с просьбой, ещё затемно умчался вперёд с вестью, что княжич едет в Логост, чтобы встретили, как полагается.

И первые два дня пути прошли спокойно, даже скучно, как кому-то могло показаться. Наезженную дорогу, конечно, слегка размыло грозами, которые то и дело громыхали тут и там. Иногда они протягивали к путникам огромные кулачищи туч и ударили в землю неистовым Перуновым огнём, сотрясали всё вокруг утробным грохотом. И тогда клонились зеленовато-синие остроконечные ели под страшными порывами ветра, гнулись, стеноя на неласковую бурю. Стихало всякое зверьё в чаще, и только уповать оставалось на надёжные укрытия из промасленной холстины, которые ставили по возможности в низинах или под сенью деревьев, где задувало не так сильно.

Потом же, как стихала ярость Богов, становилось кругом снова ясно и тихо. Лукавое Дажьбожье око всходило на небосклон, сияло приветливо, будто с полдня назад сумасшедший ветер не рвал плащ с плеч.

Так и ехали, то укрываясь, то подгоняя лошадей, чтобы восполнить те вёрсты, которые могли бы минуть, не случись грозы. Оставалось до Логоста не больше полутора суток пути. Тропы стали не столь хожеными, хоть и город впереди стоял не то чтобы большой, но старый. Туда люди охотнее добирались по Олянке, полноводной дочери Велечихи, что тянулась едва не через всё княжество с востока на запад.

Дорога вилась впереди нескончаемой лентой, а Леден подумывал о том, как случится знакомство с боярином Чтибором, о чём они говорить станут да как решать, что делать с участвовавшими нападениями косяков. Иногда в такие мгновения хотелось выслушать и совет отца: он-то правил давно. И какие бы трудности ни случались в Остёрском княжестве, Светояр всегда умел успокаивать людей и справляться с большими трудностями.

– Эй! – раздался вдруг впереди звонкий оклик.

Из-за некрутого поворота дороги навстречу, покачиваясь на подсохшей после нынешнего дождя колее, выехала телега, запряжённая пегой кобылой. Животина, зная, видела на своём веку не

одно вспаханное на её горбу поле, а потому плелась вперёд с явной неохотой и большой усталостью. На облучке сидел молодой парень в небелёной, однако справно вышитой косоворотке. Он то и дело откидывал со лба светлые вихры, которые ветер, дуя в спину, снова и снова бросал ему в лицо.

– Чего блажишь? – так же зычно гаркнул на него десятник Дежибор.

Парень, который вблизи оказался не таким уж юным, каким виделся издали, приостановил свою лошадёнку, как поравнялся с отрядом.

– Там дорогу впереди завалило, – он махнул рукой куда-то себе за спину. – Деревья, видно, во время грозы упали. Верстах в двух отсюда. Если вы по той, что напрямиком в Логост ведёт, ехать думаете. Мне вот возвращаться пришлось и на развилку выбирать.

– И что же, никак её не расчистить? – Леден слегка похлопал по шее обеспокоенного чем-то жеребца.

Незнакомец окинул отряд его взглядом, чуть прищурившись от солнца, и по его конопатому лицу пробежала тень сомнения.

– Без справных тяжелоходовой прямой путь не расчистить. Вы-то, гляжу, мужи сильные, а всё равно не справитесь. Да и время отнимет. Я как через Коренку проезжал, уж сказал им, чтобы озаботились. Так когда они ещё туда доберутся.

– Спасибо, что предупредил, мил человек, – кивнул ему Дежибор.

– Мира в пути вам.

Путник причмокнул, встряхивая повод, и его лошадёнка всё так же понуро поплелась дальше. Загремели колёса по колдобинам, и скоро он скрылся позади в пыльном тумане.

– Что же теперь, вкругаля поедем? – спросил за спиной кметь Ладек.

– Вкругаля, если придётся, – Леден кивнул и тронул бока коня пятками. – Только ты наперво поедешь вперёд по дороге, что до Логоста ведёт, а ты, – он указал на другого воина – Путятю, – по той, что в Коренку. После у развилки встретимся – доложите, как там дела, и можно ли проехать.

Кмети кивнули одновременно и припустили вперёд, обгоняя остальных. И скоро добрался отряд до той развилки, о которой незнакомец тот услужливый сказал. Устроили стоянку в стороне,

ожидая, как свои вернуться. Они и приехали чуть погодя. Ладек подтвердил, что дорога завалена крепко и никто её расчищать покамест не добрался. А вот Путята с широкой улыбкой доложил, что вторая тропа свободна – никаких напастей он не заметил. Снова погрузились на лошадей, встали на перепутье. И свернуть бы налево, как и хотелось, да пришлось направо ехать: им уж точно завалы разбирать некогда. И так грозы в пути хорошо задержали. Полям да лесам оно, конечно, хорошо. Особливо когда всё только в рост идёт. Рьяно, видно, молились жрецы в здешних святилищах, приносили справные требы женщины и мужчины перед севом: дожди шли именно тогда, когда нужно. А может, им просто Сердце помогало. То, что должно было принадлежать другим.

За мыслями о Сердце снова вернулись и думы о княженке. Она уже, должно быть, добралась до Велеборска. И вдруг от мысли о том, что теперь она без пригляда с Чайном в одном доме будет, стало как-то нехорошо внутри.

Леден, нарочито выпрямившись в седле, чтобы хоть как-то приободриться, пристально уставился в даль. Показалось, необычное что-то виднеется впереди, а через несколько саженей понятно стало, что тропа перед ними преграждена от обочины до обочины упавшей сосной. Что за бесовщина?

– Мы дорогу случаем не перепутали? – озадаченно почесал шею Ладек и на Путяту взглянул. – Ты ж сказал, что чисто всё!

Кмети, недобро уставились на озадаченного кметя, а тот только руками развёл.

– Чисто всё было. Своими глазами видел!

Ратники, тихо переговариваясь, остановились позади Ледена, и кожей можно было почувствовать, как выжидающе они вперились в его спину.

– Дорогу мы не перепутали, конечно, – он пожал плечами, совершенно уверенный в том, что поехали они по указанному тем незнакомцем пути.

А перед тем, в Велеборске, сначала Доброга, а после и Вышемила, встретившись с ним втихомолку вечером, подробно ему всё объяснили, куда и по каким дорогам ехать надо. Он подъехал чуть ближе к завалу, оглядывая ровный могучий ствол упавшей поперёк дороги сосны и нагромождение веток.

– Объехать можно, – сказал он.

Это всякому видно станет. Низина с одной стороны неглубокая, а с другой – гораздо круче, но провести лошадь в поводу можно. Только вот с телегой, нагруженной невеликим дорожным скарбом, придётся труднее. И всё ж непонятно, откуда всё это здесь взялось? Не слепой же Путята, в самом деле!

Леден спешился первым. Обошёл упавшее дерево и замер, так и не сделав следующего шага. Оно упало не само по себе: прежде его подрубили. И не успел он подумать о том, а уж тем более предупредить своих, как из густых зарослей черёмухи выскочили на тропу оружные люди. Благо стрелять не стали: из низины не так уж удобно. Но было их много – гораздо больше, чем кметей.

Леден вынул меч, принял на него удар налетевшего воина. Оттолкнул, даже сам шаг назад сделал. Споткнулся о торчащую ветку, но устоял. Кметей, кто ещё верхом оставался, уже стаскивали с сёдел. Рубили по ногам. Но те ловко опускали удары топориков на головы и плечи напавших. Леден попытался добраться до своего жеребца, но путь ему отрезали. Выступили сразу двое перед ним, будто из-под земли выросли. Леден вскинул меч, отразил удар, увернулся от второго. Рубанул с широкого замаха: вспоролась кожаная безрукавка, а за ней и брюхо противника. Тот отшатнулся, едва не сшибив товарища, прикрыл ладонью рану – да кровь не остановишь одной только волей. Не всем дано такое умение.

Второй, оттолкнув его, выскочил вперёд. Ударил мечом – Леден отбил. Мелькнуло перед лицом лезвие топора: тать держал его в другой руке. Тычок ногой под дых – и тот, зацепившись ногой за тело упавшего друга, сам рухнул наземь. Но встал проворно, чтобы встретить рубящий удар поперёк груди. Глубоко вошёл булатный меч, вспорол жилы на плече. Выскользнул, роняя капли крови – и противник кулём повалился в грязь.

Бранился десятник, только и успевая плясать под ловкими ударами белобрысого верзилы. Уворачивался юрко, пытался достать то с одного, то с другого бока. И уже одолел почти. Но полетели стрелы. Неприятельские стрельцы встали поодаль, держась в безопасности. Леден едва успел шагнуть в сторону, заметив, как метят в него. Кмети уже все оказались пешими и теперь теснили щитами противников, а те яростно рубили их, находя бреши в защите. Казалось, их становится

только больше. Леден добрался таки до своего жеребца, убив по пути ещё одного татя. Вынул лук, сбросил крышку с тула. Снял одного стрельца, и другого, выбрав удобное место у тянущих ветки к тропе зарослей осинника.

Кто-то ринулся к нему. Снова он выхватил из ножен на спине меч. Косой удар по груди успел достать его, но только слегка. Срезался ремень портупей: ножны повисли на поясе, мешаясь. Леден быстро отмахнул и другой ремень – освободился от помехи. Схватился с напавшим, осыпая его резкими сильными ударами. Потеснил в колючую поросль черёмухи. Рубанул по шее, но слегка не достал. Кто-то закричал в стороне. Пронёсся мимо конь, обдав облаком тёмных брызг. Резанула по плечу шальная или пущенная нарочно стрела. Косматый светловолосый мужик с молотом Тора на простой медной гривне отступил под следующим ударом. Впились ветки ему в спину. Он вытаращился куда-то поверх плеча Ледена. Тот вспорол ему бок, шагнул назад – и только успел развернуться. Сзади налетел на него ещё один тать. С длинным ножом в руке, сам раненый, но, видно, несильно. Леден качнулся в сторону, уходя из-под атаки, вступил в лужу – и нога поехала неудобно, завязла в густой грязи. Противник усмехнулся. Бросился вперёд, пользуясь короткой заминкой. Вонзился ему в спину брошенный кем-то нож – и тот ткнулся лицом вниз. Леден освободился, метнулся к нему – добить быстрее – и вдруг страшная сила удара почти сбила его с ног. В боку словно вспыхнуло что-то, и перед глазами погас на миг весь, что был в этом лесу, свет. Выдох – и остриё стрелы резануло что-то внутри, будто даже ребро царапнуло. Он опустил взгляд, сумев ещё краем глаза увидеть, как падает тот, кто только что хотел его убить. Тёмное древко торчало в животе чуть сбоку, мешая дышать и шевелиться. Леден обломил его. Пока нельзя доставать.

– Княжича ранили! – гаркнул кто-то из своих. – Прикройте!

Сокрушительный гвалт голосов вперемешку с лязгом оружия снова накрыл со всех сторон, как вернулся слух после первой вспышки боли. Тёмная фигура возникла сбоку. Леден почти бездумно вскинул руку, защищаясь. Втянул воздух сквозь зубы от движения стрелы в бок. Но как будто позабыл о ней в череде ударов и уклонений. Быстрых, отчаянных, сильных. Кровь горячей струйкой текла по коже. Прилипала к ней намокшая рубаха, раздражая. Собственные движения

стали будто медленнее. Он пропустил атаку – и по локтю пробежала холодная сталь, оставляя горящий след. Другая стрела вонзилась в плечо почти вскользь – но застряла, ударив в кость. Ледена качнуло, развернуло почти. Но он выпрямился и страшным усилием отшвырнул от себя противника, пытаясь забыть обо всём. Тут же шагнул следом, добил секущим ударом по шее.

И понял, что больше не может шевельнуться.словно кишки все вдруг скрутились тугим узлом, а после камнем застыли. Он тронул обломанное древко, дыша мелко и рвано. Покосился на вторую стрелу – выйдет легко. Да где бы силы взять выдернуть. Поднял взгляд на спешащего к нему навстречу кметя, чумазого, забрызганного чьей-то кровью – и медленно завалился на спину.

– Гони их! Добивай! – прогудело словно через накиннутый на голову мешок. – Не уйдут, суки!

Леден вдохнул ещё несколько раз, щурясь от мутного света, что лился с ясного неба сквозь рваные кроны сосен – и рухнул в забытье.

Он знал, как умирают, а потому последней непогасшей гранью сознания понимал, что ещё жив. Пытался хоть что-то сделать, чтобы выбраться из этой ямы небытия, в которую упал, но всё оказывалось тщетным. словно зацепиться ему было не за что. Осыпались под пальцами неверные стенки западни. Свет жизни, Яви сиял где-то очень высоко над головой – не дотянуться.

– Хочешь вернуться? – окутал со всех сторон сразу спокойный женский голос. – Или пойдёшь всё же ко мне?

– Отпусти.

– Ещё раз? Не много ли? – Из тени невидимых стен выплыла только слегка очерченная фигура. – Моя милость не бесконечна.

Сверкнул в опущенной женской руке серп: легко взмахнуть им и обрубить тонкую нить человеческой жизни. Скосить их сразу много – когда сеча идёт – тоже простая задача для Неё. Внимательные чёрные глаза уставились на Ледена – и верилось тут же, что она читала саму душу и мысли так, будто слышала их.

– Мне надо вернуться, Морана, – выдохнул Леден, ощутило пятясь от неё.

– Зачем?

Он задумался на миг. И правда – зачем? Кому станет плохо от его смерти? Леден вскинул лицо к далёкому пятну света.

– К ней.

– А разве она ждёт?

– Я должен узнать.

Богиня смерти усмехнулась. Он не видел, но почувствовал, как кольнула её насмешка тонкой холодной иглой.

– Последний раз тебя отпускаю. Ты ещё много мне жизней принесёшь в дар. На откуп своей одной.

Сверкнуло изогнутое лезвие – и погасло. Будто что-то швырнуло Ледена вверх. Сердце замерло – снова падать? Но он остановился – и пустота обернулась ровным ложем, что уверенно стелилось под спиной. Прорвались в уши тихие голоса. Шорох одежды, шаги. Плеск воды... Леден дёрнулся, когда прохладная тряпица прижалась к его как будто раскалённому боку. Услышал свой собственный стон. Кто-то ахнул:

– Очнулся...

И лёгкая рука коснулась тяжёлой, словно придавленной камнем груди. Он поймал тонкое запястье неведомо какой силой – но оно выскользнуло из пальцев.

– Еля... – произнёс он одними губами. – Елица.

– Зовёт, кажись, кого-то...

Нет, это не её голос. И не её руки. И он не в Велеборске, кажется. Леден приоткрыл глаза: перед ним сидела на корточках незнакомая челядинка в простом, хорошо поношенном платье. Чело её схватывала синяя лента, подчёркивая бледно-голубые глаза. Она тревожно всматривалась в лицо Ледена, комкая пальцами уже знакомую тряпку. За её спиной стояла женщина, холодная и гордая. Белый платок спускался по её плечам – и по сравнению с ним кожа её казалась чуть темнее, чем была на самом деле. Слегка резкие, но приятные черты лица, глаза цвета тысячетлетнего льда – она напоминала кого-то так ясно, но замутнившийся разум не мог подкинуть разгадки.

– Иди, – велела женщина челядинке. – Остёрцам скажи, что очнулся их княжич. Извелись уже все.

Она подошла, пропустив служанку мимо себя. Та скрылась за дверью просторной, да не такой, как в Велеборском тереме, горницы. Леден снова прикрыл веки, почти ослепнув от яркой, словно снег на солнце, красоты женщины.

– Не торопись, княжич, – проговорила незнакомка спокойно. – Вернётся сила скоро. Тебя опасно ранили. Люди твои тебя еле довели. Он снова взглянул на неё.

– Где я? – просипел и огляделся в поисках какой-нибудь посуды с водой. Тихо звякнул носик кувшина о глиняную кружку: женщина налила в неё какой-то ароматный отвар и подала. Помогла выпить.

– Это тебя взбодрит немного. – Разбавленное с мёдом питье ласково разлилось будто по всему телу. – Ты в Логосте. В доме боярина Чтибора. Кмети твои сказали, что сюда ты ехал. Вот, добрался, получается.

Леден, не сводя взгляда с женщины, попытался было приподняться, но бок пронзила острая резь. И плечо вмиг онемело от боли.

– А ты, стало быть, боярыня, – он снова опустился на подушку. – Мать Зимавы и Вышемилы...

– Ранрид меня зовут.

Она покивала – и по губам её пробежала лёгкая улыбка, да пропала, словно луч светила, блеснувший из-за облака. Вот, кого она напоминала. Если приглядеться, так с княгиней Велеборской почти одно лицо. А вот Вышемила на матушку походила мало. Верно, больше в отца уродилась.

– Дело ко мне у мужа твоего было важное. Да вот заминка вышла.

Боярыня присела на семью, что рядом стояла.

– Нет у него дела к тебе. С чего ты вдруг о том твердишь? И люди твои тоже.

Леден нахмурился, не понимая, то ли и правда слышит это, а может разумом тяжёлым после ранения осознать не может смысла простых слов.

– Так разве Чтибор гонца не высылал в Велеборск? И косяки на вас недавно не нападали?

– Нет, – ответила она коротко, поразмыслила чуток над чем-то. – Косяки к нам с тех пор, как Вышемила уехала, не совались больше. И гонца такого, как твои люди описали, у нас не было никогда. И в дружине воина с таким именем не бывало.

– Значит... – Леден едва не застонал от резкого понимания своей опрометчивости.

Выманили, убить хотели по дороге. Да вот только кто? Кабы не сам Чтибор тем озаботился. Да разве признается теперь?

Вон, и северяне в той ватаге были, что на его отряд налетела. Они, конечно, наемники знатные, любят за золото служить правителям, да и боярам не брезгают. Но не всяк нанять их может: для того с людьми особыми знаваться приходится.

Леден не стал больше спрашивать боярыню ни о чём. Что женщина ему сказать может? С самим Чтибором разговаривать надо. Да и усталость навалилась даже от столь небольших усилий: раненое, измотанное болью и небытием тело быстро теряло силы. Леден уже почти сквозь сон увидел и услышал, как пришёл к нему десятник. Говорил даже что-то. Сетовал и бранил тех, кто им засаду устроил на пути, а больше всего – того путника на телеге, что встретился и в ловушку направил, напрямик в руки татям.

Как понабрался Леден немного здоровья, встретиться пришлось и с боярином. Мужем тот оказался солидным, но как будто добродушным: впрочем, за внешней приветливостью скрывается может что угодно. А особенно самые тёмные помыслы. Но всё равно сразу понятно стало, в кого Вышемила пошла, да чьей любимой дочкой была. Верно, отец её баловал всегда да холил – оттого казались они столь схожими.

– Уверен ты, княжич, что тебе пора в Велеборск возвращаться? – спросил Чтибор участливо, когда Леден встретился с ним в небольшой гриднице за обедней.

Раньше свидеться не получилось: отлучился боярин на пару дней в недалёкую весь по важным делам.

– Ничего, вытерплю. Нехорошее дело тут случилось. И думается мне, что неспроста меня оттуда выманили, – Леден невольно дотронулся до раненого и стянутого повязкой бока.

– Может, и неспроста, – согласно склонил голову боярин. – Видел я тех людей, что на вас напали. Сам ездил. Есть среди них и варяги, да только не из моей дружины. Это тебе любой скажет.

– Я не хочу тебя винить, да только думать приходится разное. Людей моих погребём, а там я в путь обратный отправлюсь.

Чтибор сложил перед собой руки, отодвинув в сторону опустошённую миску. А после поднял на Ледена внимательный и строгий взгляд. К таким тот уже привык: часто приходилось

наталкиваться. Когда изучают, мысли прочесть пытаются и вызнать зло – нарочно, потому как остёрский княжич лишь зло думать и может. Но и сомнение в таких взорах встречается часто, потому как на деле обычно выходит по-другому, нежели представлялось. И завоеватели жестокие, которые, коли молву слушать, не щадили ни старого, ни малого, пока до Велеборска шли, на деле оказываются не такими уж тварями. И не чудовищами с волчьими головами.

Вся эта дума читалось сейчас на сосредоточенном лице боярина.

– Спасибо, что приехал, княжич, – наконец проговорил он. – Что озаботился, хоть гонца я и не слал.

Леден вздохнул, не желая покупаться на хорошие слова. Взглянул на своих выживших в схватке людей, которых осталось всего трое.

– Надеюсь, что ты и правда не марался подлым нападением, Чтибор, – буркнул в ответ. – И не придётся мне милость на гнев менять, когда всё откроется.

Боярин подбородок вскинул, словно осерчал, но спорить не стал даже. Продолжилась молчаливая обедня, и лишь под конец её Чтибор спросил:

– Как Вышемила там поживает? – в голосе его разлилось ожидаемое тепло.

Леден на миг зубы сжал: до того горько во рту стало от необходимости рассказать, что с боярышней случилось. Он миг колебался, а после проговорил:

– Хорошо поживает. Славная дочь у тебя, Чтибор.

Под подозрительным взглядом боярина он встал и покинул гридницу, оставив недоумевающих от такого поворота кметей доедать свои щи.

Как пришёл срок, справили страву по воинам, что пали при нападении татьей ватаги. А там, чувствуя себя немного лучше, Леден собрал своих людей назад ехать. Обсуждать с боярином больше оказалось пока нечего. Показался путь обратный скорым, будто день всего прошёл. Погода не ставила препон обильными дождями и всплесками Божьего гнева. И выросли скоро уже знакомые стены Велеборска на возвышенности так ясно, словно и не пропадали вовсе. Вот, только вчера за околицу ступили.

Встретил многолюдный посад Ледена, как родного почти. Уж и улицы казались знакомыми, и даже лица некоторых горожан. А вот

детинец полнился предостережением очередных скверных вестей. Не вышел встречать Чаян, не мелькнула перед взором Зимава. Даже Вышемила будто затаилась в своей горнице, хоть, спешиваясь во дворе, Леден и видел, как показалась её фигурка в окне. Чужая недоброе, он взлетел по лестнице, стремясь к брату в хоромину. Что стряслось такого, если их всех будто хворью какой побил? И в открытом переходе терема натолкнулся на Доброгу, который, видно, и собирался его встречать, да не успел.

– Здрав будь воевода, – Леден невольно протянул руку, и удивился даже, когда тот обхватил его запястье и пожал приветственно, словно товарищу.

– Поздорову, – буркнул. – Коли ты к Чаяну собрался, так нет его.

– И где же?..

Воевода покривил губами, явно мучаясь тем, что знал. И такая тревога в его глазах вспыхнула, что тут же передалась и Ледену. Он бездумно обернулся к женскому терему и даже шаг уже назад сделал, намереваясь туда идти тотчас. Не к Вышемиле – нет. Захотелось остро княженку увидеть. До ломоты в груди, до шалого тумана в голове.

– Елица до Велеборска не доехала ведь, – ведром стылой воды опрокинул на него весть Доброга. Леден сжал пальцами перила так, что показалось, будто вмятины на дереве останутся. – Забрал её княжич Зуличский. Гроздан. Вернее, сама она с ним уехала. Так Зимава сказала.

– А Чаян что же? – сипло уточнил Леден, хоть и так понятно стало.

Воевода усмехнулся невесело.

– Дело понятное – за ней поехал.

Глава 14

Голова едва не разламывалась от боли. Елица медленно повернула её, ничего пока не слыша и не понимая, где сейчас находится: то ли лежит ещё в лесу на пригорке, то ли уже в хоромине какой. Но оказалось, ни то и ни другое. Скоро пробился в нос запах холодной реки и закачалось легонько ложе под спиной. К этим почти неразборчивым ощущениям примешалось тихое бормотание мужских голосов. Где-то негромко напевали отрывистую и грозную песню. Что-то размеренно стучало. Плескала вода под вёслами.

Елица открыла глаза: и показалось на миг, что ослепла, но моргнула несколько раз и поняла, что над её головой просто холщовый полог натянут на распорках между бортами большой ладьи. Рассеянный свет, то ли утренний, то ли вечерний, проникал сквозь плотную ткань неохотно, а от того полог давил на пострадавшую от удара голову, словно каменный.

Пришлось с трудом опереться на локоть, чтобы хоть слегка приподняться и оглядеться. По обе стороны от укрытия сидели гребцы, мерно и размашисто двигая могучими руками. Где-то у носа стучали по щиту, задавая ритм, а потому дело шло слаженно и справно. Витал в воздухе острый запах пота, лился вместе с летней духотой под полог вязким киселём. Елица поразмыслила, стоит ли выдавать себя, показывать, что очнулась. Но и не пришлось решать: её заметили и так. Один из мужей наклонился, вглядываясь в сумрак укрытия, что располагалось возле мачты, и гаркнул кому-то:

– Очухалась княженка-то!

Она подавила стон, снова опускаясь на твёрдое ложе, от качания которого аж в груди что-то переворачивалось и подпрыгивало. Не любила она особо на ладьях ходить, хоть и приходилось несколько раз вместе с отцом в другие города добираться. Нехорошо ей становилось на борту, но благо и не мутило сильно. Скорее виновата была больная голова: до сих пор перед глазами плясали бледные цветные пятна.

Послышались твёрдые шаги. Нагнувшись, под полог зашёл муж, которого Елица не сразу и узнала. Он поднял голову, откинув от лица прямые, чуть растрёпанные ветром пряди и улыбнулся так приветливо,

будто в тереме дорогую гостью встречал, а не увозил её силой с родных земель. Гроздан – зуличский княжич, будь он неладен! Вот ведь не видела его сколько лет, да ещё столько же не встречаться бы с ним. А то и до конца жизни.

– Здрава будь, Елица. Как ты? – спросил он участливо, присаживаясь рядом прямо на палубу. – Ты уж прости, что так вышло. Тот дубина уже своё получил. За то, что ударил тебя.

Княжич поднял руку и мягко коснулся виска Елицы, скользнул к скуле – и кожа тут же отозвалась лёгким жжением. Она отклонилась, не желая, чтобы Гроздан её трогал.

– Волею твоей это случилось, – ответила хрипло – до того во рту, оказывается, пересохло. – Ты не много ли возомнил о себе, княжич? Что решил меня словно корову у соседа из стада увести?

Княжич покачал головой, словно задумался и правда над её сердитыми словами.

– Думается, со мной рядом тебе лучше будет, – рассудил он спокойно. – Доберёмся до Зулича. А там войско соберём. Велеборск отобьём у остёрцев.

– Они и так уходить оттуда хотели, – возразила Елица, злясь всё больше на Гроздана. – Как исполнится наш договор. Зачем лишнюю кровь проливать?

Зуличанин посмотрел на неё искоса, махнул рукой на Вею, напуганную и уставшую, которая заглянула в укрытие, собираясь, верно, ему что-то сказать – и та тут же ушла, ни словом не возразив. Хорошо, хоть она ещё жива осталась... Зелёные глаза Гроздана озарились тусклым светом, когда он упрямо подбородок приподнял.

– Думаешь, уйдут и правда? Я знаю остёрцев. В моих жилах тоже их кровь течёт, что от пращуров осталась. Они не отступятся. Соки из тебя все выпьют. Выгоду свою получают, но не оставят того, что завоевали уже.

– И ты, значит, не оступишься? – Елица подтянула укрытые козьими шкурами колени ближе к груди. – Раз остёрская кровь в тебе?

Отгородиться захотелось от зуличанина. А лучше за борт прыгнуть – прямо в воду холодную. Авось не застрелят, как до берега плыть будет. Матушка-Велечиха не погубит, а там выбраться на сушу да и бежать прочь. Всё ж лучше, чем под взглядом этим волчьим сидеть. Ох уж выбрал отец жениха ей напоследок. И красив, кажется,

крови сильной и древней, а нехорошо рядом с ним. Муторно на душе становится.

– Не отступлюсь, конечно, – кивнул княжич. – Но я всё ж право на тебя имею. Твой отец обещал, что ты женой мне станешь.

– Я не лодья тебе, и не кобыла, чтобы право на меня иметь!

От собственного громкого голоса аж виски заломило, а в скулу отдалось болью. Елица невольно приложила ладонь к ушибу и до того досадно стало, что так всё обернулось. Теперь как бы не случилось какой беды очередной.

И предчувствие дурное тут же оправдалось. Гроздан качнулся вперёд, и лицо его так близко стало, что каждую мелкую морщинку разглядеть можно да крапинки на радужке.

– Ты хоть с Богами спорь, а тут я прав, – процедил насмешливо.

И горечью в груди расплескалось понимание: делать он может сейчас, что ему в голову взбредёт. Вступить за неё теперь некому: погибли все защитники. И отец с братом, и даже кмети те, что из Лосича с ней ехали.

Видно, по лицу её Гроздан все мысли нерадостные прочёл, ухмыльнулся доволью.

– Не сойдёт тебе это с рук, – постаралась твёрдо сказать Елица. – Ничто не сойдёт под справедливыми очами Богов.

– Время покажет. А пока отдыхай. Ходить по лодье можешь, но только без глупостей.

Княжич вышел из-под навеса. Скоро Вея принесла поесть и целый мех воды. Села рядом, разглядывая Елицу и хмурясь.

– Что, хороша? – та усмехнулась.

Наставница вздохнула тяжко и подвинула ближе миску с репой и хорошими кусками какой-то речной рыбы.

– Таких, как ты, княжна, ссадины не портят. Только пуще мужам защитить хочется и приласкать. Вон, зыркал княжич так...

– Как? – она ничего особого не заметила.

Уж что женщина успела мельком увидеть?

– Кабы не стало тебе в Зуличе хуже, чем в Велеборске, – Вея только рукой махнула. – Жадно смотрел он, вот как.

– Это мы ещё увидим, как в Зуличе меня встретят. Не рабыню везёт ведь.

Елица наконец напилась вдоволь, а после, совладав с остатками слабости всё же выбралась наружу, оставив наперсницу в укрытии. Дажьбожье око уже завершало свой путь по небоскату. Бросало светлую бронзу на плавно изогнутые верхушки ив, что росли вдоль берега Велечихи. Белые гроздя мелких цветов черёмухи низко свисали над рекой, испуская горьковатый и острый аромат, что струился над водой, словно туман. Золотилось русло, отражая свет тёплого неба. Плескали размеренно вёсла, поднимая редкие брызги. Вырезанная из дуба медвежья голова, что венчала нос ладьи, разинутой пастью устремлялась вперёд, к чужому совсем и, казалось всегда, далекому Зуличу.

Елица опёрлась на борт, встав между щитами и глядя перед собой неподвижно. Вечерняя сырая прохлада холодила лицо и руки, стелилась вдоль палубы лёгким ветром. Взгляд сам собой опустился в воды реки; Елица стиснула пальцами шершавое дерево, раздумывая и решаясь. Вдалеке, среди расступившейся поросли раскиданными полукругом избами виднелась одна из многих весей, что ютились на берегу Велечихи. До неё недалеко. А там, пока на медленной ладье зуличане причалят, она успеет скрыться. Места эти ещё в Велеборском княжестве лежат, а значит, люди примут, укроют.

– Даже не думай, княжна, – резкий, как собачье лаянье, голос прозвучал за плечом.

Елица обернулась, и всё нутро содрогнулось от вида этой хорошо знакомой уже рожи. Тот самый ватажник, что по лесу её ловил. И тогда-то он не слишком бережен оказался, а уж получив наказание своё за грубость, и вовсе осерчал, верно. Если о том возмездии Гроздан не солгал. Елица окинула его неспешным взглядом: и лицо грубое, словно лопатой тяжёлой приплюснутое, и рубаху, грязноватую, с размытыми полосами высохшего пота вокруг ворота. Удивилась только гривне на шее, подаренной как будто боярином каким за некие заслуги. А может, и самим княжичем. Да только ничего не было бы необычного в ней: порой и тати распоследние золотом и серебром себя обвешивают. Краденым, вестимо. Да был среди обычных для мужей оберегов один приметный, совсем даже женский – лунница. И откуда бы взяться ему на мужицкой-то шее?

– Что ты ходишь за мной? – огрызнулась Елица, отворачиваясь от ненавистного рыла. – Смотри, кабы снова не побили, если будешь

рядом отираться.

Ватажник хмыкнул так, что по спине холодок пробежал.

– Отираться рядом я буду всегда, потому как княжич мне приказал за тобой присматривать.

Вот уж осчастливил. Елица покосилась на Гроздана, который сидел у носа и о чём-то разговаривал с одним из своих людей. Княжич её взгляд перехватил и улыбнулся ясно, словно и правда она по своей воле с ним уплыла.

Как совсем темнеть начало, причалили к пустынному берегу, вытащили ладью на мель и привязали крепко. Быстро развернули становище – для Елицы на отдельный шатёр расстарались, будто готовились к тому, что случится, заранее. И обрадоваться бы: хоть на миг без чужих глаз и тяжкого надзора остаться, а мужик этот жуткий, которого звали, как оказалось, Камян, остался подле женского укрытия. К тому же со всех сторон окружили его палатками ватажников: никак не сбежать. Елица от вечера у костра отказалась. И так наспех и без охоты съеденная обедня ворочалась сухим тяжёлым комом где-то внутри.

Нарочно княжич на ночёвку остановился поодаль от любого жилья. Чтобы не было у пленницы соблазна сбежать, куда глаза глядят. Хоть бы и ночью. Камян её ещё и обшарил униженно, хоть надобности в том большой не было. прямо на глазах Гроздана щупал её там, где вздумается – не стеснялся. А тому как будто то и надо было: чтобы спесь лишнюю сбить с неё. Тот нож с янтарной рукоятью так в лесу и остался, видимо. А другого оружия у Елицы никогда и не было. После она скрылась в своём шатре, где стояли у стенки две лежанки – для неё и для Веи. А с другой стороны – тот сундук с вещами, что с телеги опрокинутой забрали. Озаботились, надо же.

Наперсница скоро принесла воды – умыться. Елица, как могла, смыла с себя пот и грязь: тут уж не поплещешься, когда в любой миг может Гроздан или Камян зайти. А после она улеглась спать, да проворочалась без сна почти до утра самого, тогда как Вея уснула быстро – устала. Всё думалось, как теперь быть. Как миг выгадать, чтобы сбежать, пока ещё велеборские земли не закончились? Да и как сбежишь – Вею не оставишь ведь в лапах зуличан. И отчаяние накатывало душными волнами: выхода пока не находилось. Лишь один: доплыть всё же до Зулича да обратиться к князю Мстивою, отцу

Гроздана, с просьбой отпустить. Ведь договор на ней строгий. Не выполнит – и пострадает Радан, а то ещё и Зимаве с Вышемилой достанется.

Хоть не верилось, правду сказать, теперь во всё это, что Светоярычи лютовать станут и убивать. Да кто ж их знает...Маясь бессонницей, Елица вспомнила не раз и Чаяна, его ласковый – может, и обманчиво – голос. И обещание уверенное, что из Велеборска он уедет. Если не попросит она остаться... Смешно сказать, да сейчас она, пожалуй, от его заступы не отказалась бы.

А как стало в голове совсем туманно от усталости, которая всё ж не могла ещё побороть жгучей, сжигающей нутро тревоги – Елица вдруг задремала как будто, но вздрогнула, словно под рёбра её кольнуло. И через миг только поняла, как вернулось на место подпрыгнувшее к горлу сердце, что изморозью застыло на губах её имя: Леден. И одни за другими понеслись в памяти все пути и дороги, что они вместе прошли. Все мгновения, что бок о бок пережили. И взгляды, короткие, долгие ли – а каждый, как жизнь маленькая.

И страшно отчего-то стало. Знала она младшего Светоярыча совсем немного, коли подумать, а чувствовала она сейчас, оказавшись на опасном пути, что вот он, внутри, в душе или сердце – не важно. Но так ясно она ощущала, что место он занял там исподволь, а как так получилось – не понимала. А если расстаться придётся насовсем, всё равно это время из памяти не выкинешь. И загадку эту неразгаданную по имени Леден.

Уснула она только перед самым рассветом, нежданно согретая мыслями о княжиче и надеждами, что, может быть, Светоярычи пожелают её выволить. Ведь Сердце им по-прежнему нужно. Если только не решат они сами его искать, ведь путь, хоть и зыбкий, к нему уж прочерчен. Коли упорство проявить, так и можно всё выведать со временем и без Елицы, верно.

Поутру пришлось спешно собираться в дорогу. Камян подгонял без конца, страдал неведомо какой расправой. Хоть всем и было понятно, что больше пальцем её не тронет, если только Гроздан не разрешит. И потянулись дни один за другим, длинные, как русло Велечи. Но вместе с тем, как свернула ладья княжича на приток её, закончились и Велеборские земли. Елица часто на ночёвках пыталась высмотреть, как бы куда скрыться, да Вею увести, хоть бы поутру, да проклятый

соглядатай её и на шаг одну не отпускал: только переодеться позволял без надзора. А как спать женщины укладывались, так в шатре их устраивался.

И облегчением было увидеть наконец на невысоком холме у обрывистого берега очертания Зуличских башен и полосу бревенчатой стены вокруг большого, да не такого, как в Велеборске, посада. С той стороны, откуда подходили к городу ладьи, тянулась вдоль берега пристань, кишела уже людьми по часу дневному, самому суматошному. Встретили княжича на деревянных причалах, привязали корабли и сходни перекинули.

Елица, как стояла у борта, наблюдая за жизнью Зулича, так и не могла найти в себе сил на берег сойти. словно ступишь – и что-то оборвётся, то, что за спиной осталось. Но подошёл Гроздан сам и подхватил её под локоть, призывая за ним идти. Помог спуститься, удерживая рядом с собой, словно и правда невесту свою привёз. Глазели с любопытством люди, как идёт княжич об руку с девушкой, которая им, конечно, не знакома. Улыбались, понимая, что к чему, и не зная, как Елица тут оказалась, и что воли её в этом не было ни капли.

– Синяк прикрой, – шепнул тихо Гроздан, когда они сошли с ладьи и направились к воротам.

– А с чего я его прикрывать стану? – фыркнула Елица. – Пусть видят, как ты бережёшь то, что тебе надо, да какими силами забираешь. Как тать обычный. Виру бы с тебя взять за всё.

– Да некому её с меня потребовать, – княжич больно сдавил пальцами её руку. – А коль не хочешь больше страдать, так прикройся лучше.

Она покосилась на Гроздана, сжимая зубы и по-тихому пытаюсь вырваться из его хватки. Княжич опустил на неё опасный, словно болотная топь, взгляд, медленно и ласково даже провёл пальцами другой руки по щеке и как бы невзначай надвинул на неё убрис.

Елица почти не помнила Зулич. Даже таким, какой он был в тот год, когда она была здесь первый и последний раз вместе с отцом. А нынче городу как будто стало уже тесно в собственных стенах. Окружали его обширные выселки, разномастные, выдающие в очертаниях изб те племена, откуда люди съехались сюда, оставив свой род где-то за много вёрст. Нынче это случалось всё чаще. Искали люди

под боком столицы хорошей и более богатой доли, не боялись покинуть родные, обжитые земли.

И невольно Елица присоединилась к ним, надеясь, впрочем, что ненадолго. Словно не своими ногами дошла она до детинца. Вытерпела пристальное внимание стражи, а после и отроков да кметей, что понемногу стеклись к воротам встречать княжича. А больше всего она оробела, как вышел во двор сам князь Мстивой вместе с женой и дочкой младшей, которая только-только надела, видно, понёву.

– Здрав будь, отец, – громко и нарочито радостно гаркнул Гроздан едва не на весь двор. – И ты, матушка. И ты, куролеса, тож, – подмигнул сестре.

Он поклонился всем почтительно, продолжая держать Елицу так крепко, что она и шагу в сторону не могла сделать. Княгиня оглядела сына не слишком-то благосклонно. После на неё посмотрела – и тогда только улыбнулась. Елица поклонилась тоже: нечего старших неуважением обижать.

– Поздорову, Гроздан, – после короткого напряжённого молчания ответил Мстивой. – Ты девицу-то отпусти. Не сбежит теперь, чай.

Разжались наконец твёрдые пальцы княжича. Елица потёрла локоть, нарочно показывая, что рука его ласковой вовсе не была. Княгиня Волгава покривила губами недовольно и на сына с укором уставилась – да тот словно и не заметил.

Но больше ничего родители Гроздану говорить не стали, а как позволили безмолвно – так сразу к нему сестра прилипла, повисла на локте, прочь повела, всё спрашивая о чём-то.

А Елицу вместе с Веей передали с рук на руки строгой челядинке в годах немалых – видно, старшей среди них. Та лишь имя своё назвала, а больше ни о чём говорить не стала: лишь проводила до горницы, где уже стоял принесённый сундук с вещами – как последняя нить, что с Велеборском связывала. Довелось обмыться с дороги вдоволь, переодеться в чистое. Елица делала всё так, словно со стороны на себя смотрела. Наступил уж вечер глубокий, окрашенный разбавленным багрянцем тёплого заката, когда её позвали в трапезную: сам князь велел прийти и ни в коем разе не отказываться.

Елица спустилась, конечно, радуясь даже, что до ведётся так скоро с Мстивоем поговорить. Всё ж надеялась она на

рассудительность князя и понимание: с отцом он всегда дружил, земель лишних отбить не пытался, а то и поддержать сулил, если с косяками совсем тяжко придётся.

Со всем тщанием она поправила одежду, охватила чело тканой лентой с красивыми, подаренными когда-то отцом колтами. Проводила её молчаливая и хлопотливая челядинка до самых дверей трапезной и оставила одну только лишь под присмотром гридней, что тут стражу несли. Она шагнула внутрь, ожидая увидеть много мужей, окунуться в шум, пиршество, может, по случаю возвращения княжича, но в хоромине оказалось тихо. Сидел за накрытым столом только князь. Елица огляделась даже, но и правда больше никого не было.

– Проходи, княжна, – Мстивой указал ладонью на придвинутую к столу скамью.

И не успела она ещё до неё дойти, как дверь за спиной снова распахнулась и вошёл Гроздан. Он даже приостановился на миг, словно тоже не ожидал увидеть то, что увидел. Елица опустила подле князя и невольно отодвинула от себя пустую ещё миску. Пахло дивно запечённым в горшках мясом, а от аромата этого только дурно становилось: до того волнительно стало.

– Ты что же, – заговорил Мстивой, когда княжич сел напротив, – почто Елицу увёз?

– А ты не рад, скажешь? – мгновенно осклабился тот. – Не эту ли невесту ты мне больше всего желал?

Мстивой поиграл желваками, глянул на Елицу, которая пока ничего говорить не собиралась. Уж то, что её в видоки разговора между сыном и родителем пригласили, давало некие смутные надежды. Но она боялась излишне в них верить. Разочарование, оно горше всего.

– Желал, конечно, – недобро хмыкнул князь. – Какой бы отец сыну своему не пожелал Елицу Борилловну в жёны? Да только честь по чести, как положено. Когда вдовство её закончится – там сватов засылать. А ты что устроил!

– Забрал, что мне причитается у тех, кто Велеборск захватил. А то они горазды были не только город, да и княжну себе присвоить.

Князь покачал головой, тяжело вздохнув, будто весь нрав неужённый своего сына знал очень хорошо, а сейчас увидел только лишнее ему подтверждение.

– Думается мне, она не слишком-то с тобой ехать желала, – он указал взглядом на её бледнеющий синяк, что расплылся едва не на пол лица. – Коли ты так себя вести дальше будешь, разве захочет она женой твоей становиться?

– Не захочу, – бросила Елица, не сводя взгляда с Гроздана.

Да тот только посмотрел на неё в ответ запальчиво, будто не поверил в серьёзность произнесённых только что слов.

– А за кого же хочешь? Уж не за остёрцев ли? Так что один, что другой порченые. Нужны тебе такие мужья?

– Так ты тоже порченный, – усмехнулась Елица. – Головой только.

Княжич ладонями по столу ударил и, встав, наклонился в её сторону. Мстивой хмыкнул громко, на миг улыбнувшись, но снова вернул себе суровость.

– Сядь! – рявкнул. – Раз уж такое случилось, то пусть Елица тут остаётся. Поживёт у нас, а там и свадьбу справим. Да и под защитой опять же будет.

– Да нельзя мне тут оставаться! – та даже руками всплеснула. – Уговор у меня с княжичами! А не выполню...

– Знаю я ваш уговор, – махнул рукой Мстивой. – Зимавин посыльный всё мне рассказал. Ты раздобыть им должна Сердце Лады. Тогда они только петлю с твоей шеи снимут. Так может, Сердце то ты лучше нам отдашь? Мы и правда защитим тебя.

– Радана убьют... – Елица опустила взгляд.

– А ты говорила, что защита тебе не нужна, – Гроздан самодовольно усмехнулся и перевёл взгляд на князя. – Я что, отец, сказать хочу. Войско надо собирать. На Велеборск идти.

– От ты как решил, – не слишком-то обрадовался тот его предложению. – А то, что там остёрцы ратью своей утвердились, тебя не тревожит? Думаешь, такой город, как Велеборск, можно парой копий отвоевать?

Мстивой замолчал, пристально глядя на сына. Гроздан поярился, конечно, внутренне, складка прорезалась между его нахмуренных бровей, да родителю он перечить в открытую не стал. А Елица поняла вдруг, что как бы княже ни серчал на него за опрометчивый поступок, а её он теперь не отпустит. Выгода своя для него в том есть немалая. И Сердце забрать хочет, и Велеборск. Да только, видно, подумать нужно, как лучше поступить, чтобы с остёрцами не схлестнуться. Те долго

готовились к последнему налёту на Велеборское княжество, столкнуть их с места теперь будет тяжело.

– Нам придётся попытаться, – немного помолчав тоже, гораздо спокойнее теперь сказал княжич. – Елица – моя невеста. И наследница Борилы. Что бы ты ни говорил. И свадьбы я две зимы ждать не стану! Через пару седмиц устроим.

Гроздан покосился на неё – тяжко, угрожающе. Чтобы не вздумала теперь глупить и отнекиваться.

– То мы с тобой ещё решим. Торопиться не станем, – совсем уж согласился с ним князь. – А ты, Елица, не сердчай. Может, оно и правда так лучше будет. Если ты в Зуличе пока поживёшь.

Она встала резко, оглядывая мужей свысока. Вот так вот решили всё за неё. Посчитали, что умнее и мудрее, а самим только бы снова кулаки почесать, кровь пролить и земли к рукам прибрать. Когда разумение их мужское заканчивается, так только это и остаётся. Она повернулась и пошла прочь из трапезной. Едва не столкнулась в дверях с вошедшей княгиней – поклонилась ей и мимо проскочила. Пока шла до терема, будто плескалась в переливах пения сверчков. Вечер тёплый и звал будто: пройтись по детинцу, среди берёз и лип, что росли здесь, на севере, гораздо лучше, чем яблони. Да настроения вовсе не было. Лишь один раз она остановилась, прислонилась спиной к могучему белому в чёрных полосах стволу, под плакучими тонкими ветвями, с которых уже свисали молодые серёжки. Сползла на землю и заплакала вдруг. Сколько ж будет её недоля мыкать по всем землям? То никому не нужна была четыре зимы, а тут вдруг на части её рвут, что голодные волки – отбитую от отары овцу. И всем что-то нужно от неё. А что нужно ей самой – никто не спрашивает.

Елица распутала платок, стащила с головы, радуясь уже тому, как свободный ветер перебирает мелкие пряди у висков и шеи. Тяжёлые косы змеями сползли с плеч до пояса. Звякнули колты, упав на землю вместе с лентой. Она подняла украшение и, посидев ещё немного у берёзы, словно набравшись от неё сил, встала и дошла до своей горницы.

Скоро пришёл час и спать укладываться. Заботливая Вея, смирившись с тем, где они с ней оказались, уже разложила вещи Елицы, решив какие постирать нужно, какие почистить. Убрала ларец с украшениями на высокую полку. Принесла взвар из малины и мяты –

на ночь душу и тело успокоить. Елица только и сидела, наблюдая за её проворными и уверенными движениями, неторопливой суетой – и оттого только немного пришла в себя после дороги длинной и всего, что от князя с сыном его слышала. Отдохнуть и правда надо – а там уж думать, что дальше делать.

Скоро Вея ушла, сказав, что коли понадобится, то будет в соседней небольшой, как раз для неё предназначенной клетушке. Переодевшись, Елица замерла на своей лавке, слушая тишину чужого терема. И тепло было в хоромине, только тонкая струйка прохладного ночного воздуха текла через приоткрытый волок окна – а по коже так озноб и продирает. Прошёл кто-то мимо двери – и молчание разлилось вокруг. Начала она было погружаться в дремоту, как снова услышала тихие шаги. Насторожилась, чуя неладное, потому как не в стороне они прозвучали, а приближались уверенно. Приподнялась на локте, тревожно вглядываясь в сторону двери – и не зря. Та приоткрылась, впуская тусклый свет снаружи. Перекрыла его тут же высокая фигура мужчины. Рубаха его белая, небрежно распахнутая на груди, светила каймой вокруг сильных рук и боков неподпоясанная даже. Прямые волосы незваного гостя спускались на плечи его, едва до них доставая, чуть встрёпанные, словно расчесанные небрежно пятернёй.

– Не спишь? – проговорил Гроздан тихо.

– Уходи, – ответила Елица, холодея от невольного страха.

Ведь не просто поговорить пришёл. Разговоры и до утра потерпели бы. Княжич сделал ещё несколько шагов внутрь и закрыл дверь. Стало так темно, что не сразу вновь его разглядеть удалось. А как проморгалась Елица – он уже совсем рядом стоял, нависнув над ней.

– Уйду, когда сам решу, – в его голосе послышалась угрожающая улыбка.

Черты лица княжича проступили сквозь мрак. Глаза блеснули от скупого света месяца, что тонкой полоской падал на пол у лавки. Гроздан снял рубаху и отбросил её на скамью. Елица села, отшатнулась к стене – да бежать некуда.

– Прошу, уходи. Не время...

– Самое время, – он опустил одно колено на постель. – Ты ж не девица уже. Да и до женитьбы ждать уж больно долго. Невмоготу.

Она ударила его по руке, когда к ней протянул. Княжич зашипел коротко, а после хмыкнул и за ворот рубахи её поймал. Дёрнул к себе, заставив приподняться.

– Не ярись. И всем хорошо будет.

Крепким поцелуем он запечатал внутри все возражения, что могли бы сорваться с губ. Елица успела только воздух хватануть и вцепилась в плечи его, силясь оттолкнуть хоть немного. Гроздан обхватил ладонью её шею, чуть сжал, угрожая – дышать стало вовсе тяжело. Одним толчком он опрокинул на лавку и навалился сверху. Задрал рывком подол, всё нетерпеливее шаря под ним и отшвыривая руки Елицы, которая пыталась его остановить. Она всхлипнула, теряя силы в молчаливой и даже тихой борьбе, что со стороны, верно, на возню походила. Но как ни тяжело было когда-то отбиваться от Ледена, да ярость неуёмная сил придавала. А тут просто было страшно и в то же время морочно, словно не с ней всё происходило.

– Всё равно моей женой станешь. Не сейчас, так позже, – жарко забормотал Гроздан, торопливо развязывая гашник.

Раздвинул колени Елицы, но она усилием сумела свести их. Ударить попыталась снова, да княжич руку поймал, прижался губами к ладони, провёл языком по пальцам. Грубым рывком он заставил распахнуться ещё раз и тут же между уместился, не давая вновь закрыться.

– Ну же, – прошептал в ухо, спустился горячими поцелуями по шее. – Не противься. Не отталкивай, любя моя.

Он распустил завязку на вороте Елицы, оттянул его вниз, стаскивая с плеча.

– Оставь меня, добром прошу, – она всеми силами ещё попыталась отстраниться, прикрыть оголённую грудь, уже чувствуя, как прижимается он налитой твёрдой плотью.

– И что ты мне сделаешь? В моём-то доме?

Гроздан в очередной раз пресёк сопротивление и вошел рывком, пальцами сминая её бедро до боли. Замер, тихо выдохнув, почти застонав. Всё внутри сухим жжением обдало. Она закусил губу, вперившись в сводчатый потолок над головой. Защищало глаза слезами, что готовы были пролиться. И две холодные дорожки пробежали по щекам за шиворот.

– Моя теперь. Кто поспорит? – Запорхали губы княжича по груди лёгкими прикосновениями.

Вобрали сосок, и юркий язык обвёл его медленно. Но никакого, самого малого удовольствия не вызывали его пылкие ласки. Елица только слезами давилась, распластавшись под ним. Всё равно теперь стало. Пусть берёт, за чем пришёл, и уходит наконец. Гроздан толкнулся ещё раз, словно утверждаясь в ней накрепко, и задвигался размеренно и сильно.

Он целовал её плечи, сжимал грудь ладонями, оглаживал колени и лодыжки, пытаясь, верно, хоть чем то заставить распалиться в ответ. Да кожа словно онемела, не чувствуя ничего, а в голове стало пусто-пусто. Ни единой мысли. Только размашистые толчки, которыми княжич вколачивался в неё, не давали совсем уж забыться.

Наконец Гроздан замер, легонько содрогнувшись от блаженства, что пробежало по его телу. Не удержал тихого стога. Отстукивали маленькими молоточками по вискам мгновения нежеланного соития. Княжич опёрся ладонью о лавку, внимательно глядя в лицо Елицы, а она даже и взгляд его встретить не пыталась.

– Посмотри на меня, – княжич провёл пальцем по её губам, чуть проникая между ними. Елица отвернулась сильнее. Гроздан качнул бёдрами, ещё оставаясь внутри, и легонько шлёпнул по щеке. – Посмотри, я сказал!

– Видеть тебя не могу... – процедила она.

Запахнула ворот, ещё чувствуя на груди следы его губ, и сомкнула колени, когда княжич выскользнул. Между бёдер теперь горело от грубого вторжения, к которому её тело вовсе не было готово.

– Ничего, – усмехнулся зуличанин, завязывая надетые снова порты. – Все вы поначалу гордые. Хочу, не хочу. А всё равно будет так, как я скажу. Да ещё и сама звать начнёшь.

Он натянул рубаху и ушёл, больше ничего не сказав. Елица полежала ещё в той же позе, в которой Гроздан её оставил. А после, словно оживши, встала резко, сняла рубаху, вытерлась ею с ненавистью там, где остались следы его семени – и в угол зашвырнула. Переодевшись, кликнула из соседней клетушки сонную Вею – и та умчалась посреди ночи за тёплой водой. Пока переливала её в глубокий ушат, позёвывая и недоумевая, верно, зачем княженке понадобилось помыться так поздно, Елица велела:

– Трав мне раздобудешь, каких скажу.

Наперсница, наконец проснувшись совсем, нахмурилась подозрительно.

– Худо тебе? Захворала?

– Худо не представляешь, как. Княжич приходил.

Вея и глаза округлила, а после хлопнулась на лавку тут же, прикладывая ладонь к губам.

– Это что же?.. – пролепетала.

– Не спрашивай. Трав раздобудь.

Женщина закивала только, выслушала приказ да и скрылась с пустым ведром за дверь. Уверенной можно быть: ничего не перепутает. Только пришлось ей и лишние травы назвать, чтобы не сразу другие бабы в доме догадались, зачем ей такой сбор. Может, и разумеют, конечно, потом. Да неважно это.

Елица отмылась яростно ото всех прикосновений Гроздана. Ополоснулась и натёрла себя лыковой мочалкой снова, до красноты кожи, до лёгкого жжения. После только снова легла, да уснуть уже не смогла. Всё прислушивалась, не вернётся ли Гроздан – вдруг не наигрался? Но княжич-то, верно, уже спокойно спал с своей опочивальне, ничем не терзаясь.

Утром принесла Вея травы нужные, как и обещала. Ничего не забыла. Разложила их на столе, то и дело косясь на Елицу, которая заканчивала плести косы, попутно поглядывая на аккуратные, собранные явно умелой рукой пучки. Скоро приготовила и отвар нужный – выпила, сколько требуется, а остальное оставила. Коли случилось так, что семя княжича внутри неё утвердилось, то за один раз не вытравишь.

На утренню она подросла нарочно тогда, как остались в трапезной только княгиня Волгава с дочерью – княжной Златой. Мстивой ушёл отсюда быстро. А княжич на рассвете ещё уехал куда-то со своей ближней дружиной. Судачили, что на заставу недалёкую. Оно и лучше: а то при встрече вряд ли удалось бы удержаться от того, чтобы в лицо ему плюнуть. Елица поклонилась княгине, войдя в хоромину и села напротив неё, исподволь поглядывая и пытаясь настроение угадать. Та отпила взвара клюквенного из резного кубка и взгляд её перехватила.

– Случилось что, Елица? – сказала, будто ручей спокойный прожурчал.

– Случилось, – согласилась та. – Стража мне нужна в тереме. У двери.

Волгава приподняла плавно изогнутую бровь и на дочь посмотрела, словно хотела, чтобы та поделила её недоумение. Да Злата, кажется, испугалась больше и уставилась на Елицу с ожиданием.

– Чего бояться тебе в тереме да за стеной? – усмехнулась княгиня, неспешно гоняя по дну миски остатки каши с орехами да ягодами. – Ты теперь под защитой мужа моего да Гроздана.

– Вот от него-то защита мне и нужна, – Елица без желания опустила взгляд в свою миску. Так тошно было внутри: то ли от всего, что случилось, то ли от выпитого отвара. – Обидел он меня намеренно сильно.

Она встретила взгляд княгини, желая увидеть на её лице понимание: напрямую говорить не хотелось, да ещё и при юной Злате. Уж та брата своего мало не обожала и уж, верно, не думала, что он худое что-то сотворить может.

– Что ты говоришь такое? – Волгава снова за кубок схватилась, да по тому, как дрогнула её рука, ясно стало, что обо всём она догадалась.

– О том и говорю. Не хочу больше, чтобы он ночью приходил.

Злата покраснела вовсе, дёрнулась было уйти, да мать удержала.

– Мужчины, они часто нетерпеливы бывают, – улыбнулась княгиня. – Да какая ж в том беда? Коль понесёшь от него, так оно и лучше даже. Он тебя только беречь пуще будет. Да, нехорошо он поступил, когда скрал тебя. Да в том весь нрав его пылкий.

– И в том, чтобы девиц силой брать, без согласия – тоже? – не выдержала Елица. – Может, у тех, кто на дорогах и реках разбойничают, просто такой же нрав? Так давайте мы их прощать будем. Все их убийства, зверства, кражи...

– А ты не противься, – пожалла плечом княгиня, словно и не услышала всего сказанного. – Тогда и он ласковой станет.

– Ты уж прости, княгиня, – Елица с места встала, едва миску не опрокинув, – да сын твой мне противен. А от того, что сделал – только пуще.

Волгава глазами сверкнула сердито, окинула взором нетоппропливым всю с головы до ног, будто что-то новое увидела. Злата рядом с ней так и сжалась в комок, то ли гнева ожидая, то ли ссоры продолжения.

– Никакой стражи не будет у твоей двери! – бросила княгиня. – Ты, вдова, радуйся, что сын мой, молодой, сильный воин и жених самый завидный в княжестве, тебя желает и торопится к тебе ночью. Что в жёны взять тебя хочет. Не всегда люди по любви одной сходятся, да коли примешь всё – тебе лучше станет, а там и слюбится со временем.

Она даже по столу ладонью слегка хлопнула. А после встала и пошла прочь, взмахом руки велев дочери идти за ней. Злата задержалась немного, пытливо глядя на Елицу, но всё ж опомнилась и поспешила за матерью.

После нерадостного разговора с княгиней прошла ещё почти седмица невольной жизни в Зуличе. Несмотря на обиду большую, бездельницей слыть Елица вовсе не собиралась, как и сидеть сложа руки нарочно, а потому взялась помогать Волгаве и Злате с работой. Когда ткать, когда прясть приходилось. Накрасили чернавки льняных тканей: шить нарядные рубахи к лету. Разложили на просторе у реки: только и бегай теперь, проверять, просохли – нет. Да чтобы ветром не унесло, дождём случайным не намочило. Елица тоже зрить холсты ходила с княженкой. И попутно озиралась кругом, высматривала, какой тропой, может, уйти можно. Да только как одной такое дело справиться? Куда бежать? Помощников в деле таком пока не находилось. Да и надзирал постоянно Камян, оставленный княжичем в детинце нарочно для этого. Но душа не хотела на месте оставаться, всё рвалась назад, в Велеборск, хоть здесь жизнь от той как будто и не отличалась почти.

Скоро заговорили девицы о Ярилином дне, что знаменовал начало лета: самой дивной и желанной для всех поры. И Елицу всё пыталась молодая княженка в подготовку к празднику большому привлечь: та соглашалась неохотно. Но совсем уж отказываться невежливо: уж Злата перед ней ни в чём виновата не была. Она её не неволила за стенами детинца и даже радовалась будто бы новой старшей подруге, у которой можно и совета спросить, и помощи попросить. Разве что о

жестоком поступке брата вовсе не заговаривала, хоть и видно было порой, что печалит он её.

И всё было бы совсем уж сносно, кабы не Гроздан. После отъезда вернулся он, показалось, очень скоро. Слишком даже – не успела память о той ночи с ним притупиться. Засели они с Мстивоем и воеводами в общине. Созвали сотников даже – и тревога снова колючками впиалась в нутро: решают что-то.

А ещё хуже стало, когда княжич вновь в опочивальню Елицы той же ночью наведалься. Она и хотела бы не сопротивляться, чтобы отстал поскорей, да никак не смогла усмирить негодование – за что и получила сильную пощёчину да череду грубых поцелуев, от которых губы немели. Гроздан взял её несколько раз до утра – сминая и подчиняя нарочито жёстко. Драл косы, наматывая на кулак, обжигал кожу увесистыми шлепками, входя резко и быстро. Ушёл перед самым рассветом, оставив совсем обессиленную, измученную, словно избитую, хоть большой боли и не причинял.

Как закрылась за ним дверь, Елица укрылась мокрым от пота покрывалом, содрогаясь всем телом и смахивая с кожи остатки его прикосновений, будто так можно было от них избавиться. Между ног саднило, стояла сухость во рту от того, что княжич ей и отдышаться толком не давал, подминая под себя раз за разом, словно воздать за всё хотел. Но Елица и шевельнуться не могла, чтобы дойти до стола и хотя бы выпить воды: такое безразличие и тщетность её сковали.

Так и застала её Вея: скорчившуюся на лавке, встрёпанную, с распахнутыми неподвижно глазами. Всё поняла тут же – дала напиток без лишней просьбы, а после умчалась куда-то. Сама она приготовила отвар, за что Елица была ей безмерно благодарна, помогла ополоснуться в тёплой воде, расчесала волосы и заплела аккуратно и ласково.

– Спасибо, Вея, – первое, что сказала Елица за всё утро, когда оделась и почувствовала себя вновь женщиной вольной, а не рабыней.

Та кивнула, с сожалением поджимая губы. И отчего-то расспросить захотелось у челядинок здешних, часто ли княжич себя так вёл, и много ли страдали от его внимания другие девицы в этом доме. Да не стала она и имя его упоминать – настолько противно.

Елица всё ж заставила себя спуститься к утренне, хоть и не желала видеть Гроздана, да и никого в этом детинце. Она прошла через

узкую берёзовую рощу к трапезной, чувствуя, как каждый шаг напоминает ей о ночи с княжичем. Там оказалось шумно: собралось нынче много народа: гостил в детинце и воевода Адун из недалёкой заставы – муж зычный и шебутной. Елица вошла, глядя перед собой почти невидяще, и тут же почувствовала, как вцепился в неё пытливый и жадный взор княжича. Испускали смачные запахи яства на столе, освещённом многими лучинами в высоких кованых светцах. Теснились могучие мужи на скамьях: из посада, со многих концов. Готовились они решать важное: идти ли на Велеборск. А потому пировали тут едва не каждый день. Сновали челядинки под строгим и слегка недовольным взглядом княгини. Волгава плавно махнула рукой Елице, предлагая сесть рядом – она согласилась: уж лучше с ней, пока не успел Гроздан заграбастать, а там, глядишь и лапоть бы начал под столом, считая, что она теперь собственность его.

Только Елица опустилась за стол подле княгини, как дверь трапезной снова распахнулась, впуская в душную хоромину резкий вихрь свежего утреннего воздуха. Вошёл гридень из тех, что сейчас несли дозор на стене детинца, и встал, сделав несколько шагов внутрь.

– Чего надо? – гаркнул Мстивой через весь стол так, что аж стены содрогнулись, а челядинка, которая разбавляла налитый для Елицы мёд водой, даже вздрогнула и с укором покосилась на князя.

Стражник вытянулся от столь резкого оклика, кашлянул и возвестил так, чтобы все услышали:

– Гонец прибыл из Полянки. Только что. Сказал, что к Зуличу идёт на лодье княжич Чаян Светоярыч. Останавливался у них намеренно.

Елица скомкала пальцами подол, едва удерживая сбившееся дыхание. Страшное смятение вспыхнуло внутри: радоваться теперь или ещё больше печалиться его приезду? Мстивой поднял руку, заставляя взбудораженных вестью соратников замолчать. Перевёл на неё взгляд, отёр с бороды редкие капли кваса.

– Вот же, Елица, привела к нашему порогу лихо.

– Не я привела, а сын твой, – ответила она, мстительно усмехаясь.

Князь качнул головой согласно.

– Ну, что ж. Стало быть, встречать будем.

Глава 15

Жгло нетерпение Чаяна – невыносимое, бесконечное – изо дня в день. Отсчитывал он сутки пути до Зулича, не зная толком, сколько их ещё осталось. Не бывал там никогда – может, и зря. Говорили, что князь Мстивой кровь в себе нёс ту, что ему от племени досталась, которое пращур его покинул когда-то давно. Того самого, которое привёл в озёрный край Милогнев, предок всех остёрцев. Хоть и очень далёкие, а родичи, получается, они с правителем зуличским и отпрысками его.

Кмети из Доброговой дружины, что вызвались ехать вместе с ним – странно подумать, сами! – говорили, что даже по земле ехать туда не так и долго: за седмицу можно управиться, если нигде не задерживаться надолго. А на ладье ещё быстрее получится – на то лишь уповать и приходилось.

Судачили люди в весях, что лежали ещё в Велеборских владениях вдоль Велечи, будто видели на реке не так давно ладью другую, с зуличанскими парусами, которая прошла мимо, словно порождение другого мира: нигде не остановилась, не пополнили припасы и воду люди, кто был на борту. Так ходят только те, кому есть, что скрывать. Так ушкуйники прячутся в густых речных зарослях, а после нападают исподтишка. А теперь уж Чаян совсем не сомневался, что срывали зуличане от чужого взора Елицу – самое большое сокровище среди всех, что при них были.

И хотелось верить, что все слова Зимава о княженке были неправдой, желанием лишь вызванные опорочить её. Хоть без княгини он и вовсе не узнал бы, верно, куда Елица подевалась. Когда только вернулись в детинец кмети, что были отправлены ей навстречу, с вестями, больше похожими на дурной сон, он в первый миг растерялся так сильно, как не случалось с ним очень давно. Рассказали воины, что всех дружинников, которые должны были сопровождать княжну до Лосича и обратно, они нашли мёртвыми на глухой тропе, куда свернули лишь потому, что уже отчаялись найти где-то следы пропавших путников. Вот там-то, среди густых диких ив да вербы, и обнаружили тела кметей да опрокинутая телега с так и запряжённым

в неё, утыканным срезнями мерином. Никого в живых не осталось, даже Истр – и тот был изрублен страшно. Всех их погребли подле ближайшей веси, потому как срок уже вышел: того и гляди начали бы неуспокоенные души тревожить живых, а то и вредить от большой обиды. Не нашлось только в том месте недобром тел наставницы, что вместе с Елицей из детинца отбыла – Веи, да и самой княженки, вестимо.

И долго бы Чаяну маяться неведением, какая недобрая участь постигла Елицу и её наперсницу, если бы не вмешалась Зимава. И уж того, что довелось услышать от княгини, он услышать никак не ожидал.

Та пришла к нему в опочивальню почти сразу, как он вернулся туда после нелёгкого разговора с кметями. И хотелось прогнать её: час уж был поздний, и чего меньше всего хотелось теперь, так это ласк Зимавы. Они после поцелуя с Елицей, пусть и нежеланного той, после ощущения её хрупкого стана под ладонями совсем уж опостытели. Княгиня чувствовала это – не вчера ведь родилась – и, верно, поэтому так явственно исходила от неё теперь угроза. Не та, что могла бы обернуться смертью – хоть и такого можно было ожидать – но та, что могла изрядно подпортить и без того запутанную в последние луны жизнь.

Она прошла в горницу неспешно и по-хозяйски, зная, что сила сейчас за ней. Подняла небрежно брошенный Чаяном на лавку пояс с оружием – и повесила на стену – туда, где ему быть положено. Он наблюдал за ней, оперевшись локтем на стол, за который только-только опустился – и знал уже, что скажет женщина что-то важное.

– Кручинишься, княжич, – та взглянула на него чуть насмешливо, остановившись напротив. – Как будто что ценное потерял.

– Насмешничать пришла, Зимава? – он встал, уже понемногу закипая от её глумливого вида. – Прости уж, но видеть тебя нынче не хочу. Коли нечего тебе больше сказать, так иди отдыхай лучше. Ночь на дворе.

– Хотела раньше с тобой поговорить, да ты занят был весь день, – она пожала плечами. – Так что послушай меня и не ярись. А то ведь хуже тебе от того станет. Знаю я, где твоя княжна. Но скажу только, если позволишь мне с сыном увидеться. Хватит уж косы мне на кулак

мотать. Я тоже право своё имею Радана обнять. Я тебе ничего не задолжала.

– Так то ж тебе плохо, если Елица не сыщется. Разве нет? – Чаян обхватил её пальцами за подбородок, сдавил крепко. – Так что говори. А я решу, свидишься с сыном или вырастет он без тебя. Да в дружине моего отца, может, когда останется отроком.

– Пока не пообещаешь, ничего не скажу, – княгиня только улыбнулась. Да взглядом таким обдала, что кипяток прохладнее покажется.

Чаян зубы сжал, едва удерживаясь от того, чтобы Зимаву от себя не отшвырнуть. Скверные вести и без того всю душу вынули сегодня. Не потому, что боялся он Елицу потерять, как путь к тому, чтобы отыскать то треклятое Сердце, а лишь оттого, что тревожился, как бы не случилось с ней чего дурного.

– Обещаю, – бросил осевшее горечью на языке слово. – Обещаю, что с сыном увидеться позволю.

Отпустил княгиню, оставив на её щеках красноватые следы пальцев. Она потёрла отметины, ещё оттягивая мгновение за мгновением, будто издевалась.

– Уехала она с Грозданом. Женихом своим, княжичем зуличским, если ещё не забыл такого.

– Откуда знаешь? – Чаян усмехнулся. – Неужто сама тебе рассказала?

Да такого вовек не могло случиться, чтобы Елица с мачехой вдруг откровенничать стала. Уж как ни мало он прожил в этом тереме, а успел заметить нелюбовь Зимавы к дочери мужа почившего. Верно, и та к ней тепло в душе не хранила.

– Челядинка моя случайно разговор Гроздана с людьми его услышала. Вот и говорили они, что должны Елицу встретить на обратном пути, – княгиня помолчала маленько, оглядывая лицо Чаяна, которое, кажется, так и застыло неподвижной личиной от таких вестей. – Бросила она вас с братцем. Отдувайтесь теперь сами, как хотите.

– Не верю тебе, – он всё же заставил язык шевелиться. – Она не бросила бы брата в беде.

Княгиня неспешно приблизилась снова, подхватила пальцами кисточки на тесьме, что ворот его стягивала, потянула вниз.

– А что ей брат? Только помеха одна, – проговорила с горечью. – Зуличанина окрутит совсем да на Велеборск пойдёт с войском.

Она скользнула ладонью под рубаху, выдохнула тихо, словно давно желала это сделать.

– Войску Мстивоя не тягаться с нашим. – Он поймал запястье женщины, хотел было убрать её руку, да передумал.

– Захотят – потянутся, – Зимава подняла на Чаяна туманный взгляд. – Вы же одолели Борилу.

– Ядовитая ты, Зимава, что гадюка, – он наклонился к её лицу.

Так сейчас в нутре всё скрутилось в жгут, напряглось – того и гляди примешься в слепом бешенстве расшвыривать в стороны скамьи, рвать полки со стен и крушить всё, что ещё под руку попадётся. Лучше уж по-другому буйствовать.

– Так, может, это не я гадюка-то? – плеснула ещё масла в огонь княгиня. – А та, кого ты едва не за богиню посчитал?

Чаян не понял, как так сумел, но одним рывком опрокинул её на лавку. Только что она стояла перед ним, едко улыбаясь и явно напрашиваясь на грубость. Сеяла и сеяла в душе сомнения, которые прорастали тут же колючими всходами. Ждала чего-то. А вот уж и оказалась под ним, распластанная животом на постели. А Чаян нещадно драл с неё исподнее, выплёскивая всю злость и разочарование, что за день накопились. За гибель хороших воинов и друга давнего – Стояна – и за хитрость Елицы, которая решила сбежать, едва повод появился.

Вид обнажённых гладких бёдер княгини тут же всколыхнул горячую волну в паху. Не Елица лежала перед ним, выгибая спину и приглашая взять её, да теперь уж всё равно. Позже, чуть охолонув после торопливого соития и того, как схлынуло жгучее, почти болезненное удовольствие с тела, Чаян просто встал и отвернулся, оправляясь. Зимава завозилась тихо, поправляя одежду. Подошла со спины и вдруг, запустив пальцы ему в волосы, сжала, потянула на себя. Он запрокинул голову невольно, чувствуя, как мягкие губы прижимаются к его покрытой испариной шее.

– Ты реши уж, княжич, кто нужен тебе. Я ведь, коли понадобится, и помочь могу. А она так и будет нос от тебя воротить. Потому что чужак ты для неё. Как и братец твой, – сказала княгиня проникновенно – и отпустила.

Вышла из горницы, оставив явственное понимание, что могла вот так и нож в спину воткнуть. Да, видно, рано. Надеется ещё положение своё сохранить, княгиней остаться при живом новом князе. И, признаться, тем она сумела его вновь взбудоражить.

Но тогда, в тот вечер, на горячую голову, Чаян ничего решать не собирался.

Наутро он встретился вновь с Буяром в становище, велел тому на время в детинец перебираться, оставив кого-то толкового в лагере вместо себя – пока сам не вернётся. И дожидаться бы Ледена, да совсем неумоготу стало. Скоро прибудет братец и сам всё узнает.

Потому-то теперь и плыл Чаян по незнакомым местам, едва удерживаясь от того, чтобы не сесть самому в щит бить – чтобы поскорее вёслами гребцы работали. Да так изматывает их только быстрее. Стелились по берегам зелёные равнины с островками растущих тесно друг к другу берёз. Поблескивал вдалеке истончившийся хвост притока Велечихи – Ждивицы, на который они и свернули давненько – а там уж и Зулич к вечеру появится, как утверждал десятник Валуй, который знал эти места хорошо, потому как сам отсюда был родом. А вызвался он плыть с Чаяном, потому как жена его Вея пропала вместе с княженкой – а стало быть, и теперь подле неё ту искать надобно.

Поскрипывала раздражающе уключина на правом борту, заливались где-то птица, на краю большой лядины, что виднелась вдалеке пепельно-серым пятном сухой, едва зазеленевшей всходами земли. Дажьбожье око перекатилось уже на вечернюю сторону небосклона, окрасило его дивным золотом, рассечённым на куски тонкими полосками облаков, что сияли по краю ослепительной каймой, пропуская сквозь аневы узкие клинья лучей. Задышало свежестью со всех сторон, словно из тени березняка поползли по земле холодные змеи. И казалось, что нет здесь больше ни единой живой души, кроме тех, что заплыли сюда не по собственной воле, но по делу необходимому. Как будто в чертоги Водяного попали. Лишь спокойные нивы, уходящие во все стороны, говорили о том, что людское жильё уже поблизости.

Словно чуя скверное, навеянное воспоминаниями настроение Чаяна, Валуй подошёл к нему, стоящему у носа ладьи. Повернул

голову, разглядывая и решая, видно, стоит ли вообще сейчас лезть с разговорами.

– Чего зыркаешь? – Чаян покосился на него и снова вперился вдаль.

– Да вот думаю всё. Что будет, коли Елицу отдавать откажутся? – осторожно проговорил десятник. – Коли она и вправду сама с княжичем тем уехала, так и возвращаться не захочет.

– Это мы ещё увидим. Не сильно-то она за него цеплялась, когда он в Велеборск наведался.

– Женщины хитры, – Валуй повёл плечами. – Могла и обмануть.

– Ты прямо, как Леден, заговорил, – Чаян хмыкнул, стискивая пальцами край щита, вывешенного на борт.

Он знал всё. И терзали его сейчас сомнения очень нешуточные. От Елицы можно было ожидать чего угодно. Хоть и вскипала от неё кровь, дурманилась обычно ясная голова, а знал он княженку очень мало, чтобы доверять безоговорочно.

Не ошибся десятник: не успело ещё светило совсем спрятаться за окоёмом, как вильнуло русло через буйно зеленеющий чистой маслянистой листвой лесок – и вывернуло на луг обширный охваченный с одной стороны грозной стеной елово-соснового бора, из которого, того и гляди, выскочит какая нечисть, а с другой – её же широким лезвием. А на берегу, высоком и скалистом, стоял город – поменьше Велеборска и Остёрска, но хорошо укрепленный, хитро поставленный так, что с тыла не подобрёшься.

И странно так стало на душе от мысли, что сейчас, за двумя рядами стен, там живёт себе, верно, не зная забот, Елица. Может, и правда, возвращаться не захочет – да хоть войной иди.

Стояли на пристани Зулича немногие корабли. Иные – вида заморского даже. Причалила скоро и ладья Чаяна, сошли на берег воины, озираясь в незнакомом ещё месте. Только Валуй пошёл вперёд уверенно – прямо к воротам. Стражники на стене, ясное дело, предупреждённые о появлении Чаяна, зыркали внимательно и тяжело, но задерживать не стали. Он первым вошёл в ворота, с которых пустым взглядом встречал всех белый, словно из снега вылепленный череп быка, совсем как в Остёрске.

Посад уже стихал в преддверии вечера. Тянуло отовсюду дымом печей, хлебом и навозом, но дух реки, что так и стремился по узким

улочками, то и дело смахивал, уносил прочь этот обычный для любого города, но всё ж особенный в каждом из них запах.

Люди сновали по мощёной добротными брёвнами улице, расходясь по своим избам, убирала торговцы на близком к воротам торгу прилавки: без светлого Ока никакая продажа не будет считаться честной. Посадские, расступаясь в стороны, теснясь к бревенчатым стенам, пропускали поздних гостей, так и плеская колким любопытством. Толкали в спины долетевшими вперёд них сплетнями.

– Никак за княжной, – явственно раздавались шепотки то тут, то там. – Не угомонится всё остёрец...

Чаян вертел головой, пытаясь уловить каждый раз, с чьих уст срывается насмешливая догадка, но никак не получалось. Но, судя по тому, что видели в нём недоброго гостя, все вокруг и правда считали, что Елица прибыла сюда сама, по своей воле. Скверно. Кабы не почувствовать себя глупо.

У ворот детинца стража встретила гораздо внимательнее. Вышел к гостям старшой и спросил строго, кто такие будут на ночь глядя. Хоть и знал уже наверняка. Чаян взглянул во двор поверх его плеча на солидный, громоздкий, срубленный на основательный северный лад терем, на протоптанную к его крыльцу дорожку, на отроков и конюшат, что уже повысовывали носы со всех закоулков детинца.

– Княжич остёрский. Чаян Светоярыч, – ответил он на требовательный вопрос, чуть выждав. – К князю. А особенно к княжичу Гроздану Мстивоичу.

Старшой кивнул да и пошёл в сторону терема, чтобы о приезде гостей, которых уж, видно, заждались, доложить. А князь-то Мстивой навстречу не поторопился. И Гроздан не выходил долго: уж успел Чаян и люди его во дворе потоптаться под настороженными взглядами стражи и челяди, что засновали вдалеке то и дело, как бы невзначай, но люто любопытствуя, словно не людей обычных увидеть ждали, а чудищ каких.

Наконец вернулся старшой, ещё более смурной, чем когда уходил. И подумалось, скажет чего, да почти вслед за ним вышел на высокое крыльцо Гроздан, подозвал взмахом руки одного из отроков, что поблизости крутились, велел что-то. Мальчишка умчался прочь – только пятки в поношенных поршнях засверкали.

– Здрав будь, Чаян Светоярыч, – на губах княжича расплзлась улыбка до того паскудная, что сразу захотелось хорошенько вмазать по ней кулаком.

Хозяин он здесь, верно, почти наравне с отцом своим, да ведь не всего же света повелитель. А глядел именно так.

– И тебе не хворать, княжич, – Чаян сунул большие пальцы рук за пояс с оружием. – Сразу скажу, что не со злом приехал. Пока что. А там видно станет.

– Так зачем приехал-то, скажи, – Гроздан обвёл взглядом стражников, что околачивались тут же, не переставая наблюдать за гостями. Словно поддержки своему ехидству искал.

– Вестимо, зачем. Ты блаженным-то не прикидывайся. А лучше в дом пригласи. Поговорим. А я и люди мои отдохнут с дороги. Зады от гребных лавок уже ломит.

Чаян хмыкнул, замолчав, а кмети тихо загоготали, переговариваясь, за его спиной. Зуличанин осклабился в первый миг, но всё ж вспышку гнева первую унял. Выпрямился, одёргивая рубаху.

– Ну, пойдём, коль не шутишь.

Стражники тут же разбредаться начали по своим дозорам, как миновали мгновения ошутимого, словно цепями повисшего кругом напряжения. Чаян вместе с кметями поднялся на крыльцо да и последовал за быстро уходящим куда-то в недра терема княжичем. И всё головой по сторонам крутил, пока вёл Гроздан их незнакомыми переходами: надеялся, верно, что где-то Елицу хоть мельком увидеть. Да она, знать, у себя в горнице сидела.

Гроздан вновь вывел во двор, только теперь уж дружинный. Стояла посреди него высокая гридница, да только не туда пировать пришлось идти. Чуть дальше завиднелась и община, длинная, приземистая. Княжич вошёл в неё – и тут же встретил его громкий недовольный возглас. Оказалось, сидел внутри за широким столом сам князь Мстивой: тут уж увидишь – не ошибёшься. Тут тебе и стать особая, и сталь во взоре, закалённая годами княжения. И на сына он так гневно смотрел, словно тот совсем недавно в чём-то перед ним провинился.

А Гроздан – ты ж погляди! – и хвост прижал тут же. Одно что недавно рычал угрожающе да скалился.

Гости устроились за столом по обе стороны, схлестнулись Чаян и Мстивой взглядами – и сразу понятно стало, что тяжко придётся. И князь с сыном своим заодно, как бы сердито на него ни зыркал.

– Ты уж прости, что за стол с яствами тебя сразу не усаживаю, княжич, – Мстивой откинулся спиной на стену. – Да только расскажи мне сначала, что привело тебя так далеко от Велеборска, а уж тем более от родного твоего Остёрска сюда.

– Эк вы какие непонятливые, – Чаян покачал головой. – Елицу забрать приехал. Других ценностей у вас, что мне нужны были бы, нет.

Князь вскинул густые кудреватые брови, постучал пальцами по столу, как будто раздумывая над чем-то.

– Да ты объясни мне теперь, – сказал чуть погодя, – почему ты решил, что заявиться можешь просто так да потребовать Елицу тебе выдать? А если она по своей воле сюда приехала и сыну моему женой стать собирается, то что делать станешь?

Князь даже вперёд подался – уж настолько, верно, ему интересно было.

– Пусть она мне в лицо об этом скажет, – Чаян чуть склонил голову набок. – Тогда и решать будем. А пока что я вашим словам верить не могу.

– А придётся, – вступил в разговор Гроздан. – Потому как невесту свою, давно сговоренную, я тебе не отдам. Можешь хоть на куски меня порезать.

– Это дело нехитрое, – согласился Чаян. – Тут уж по-всякому поступить можно. Войском вас раздавить, город поджечь.

– А она стоит того? – хмыкнул Гроздан, сощурившись. – Чтобы кровь лишнюю проливать?

Чаян посмотрел на него спокойно, обвёл взглядом лицо, для девиц, видно, приятное дюже. Да будто была в нём черта, поначалу незаметная, но которая отталкивала неуловимо. И крылась она, скорей всего, в его норове, что проступал в каждом слове или жесте.

– Сам знаешь, что стоит. Верно? – он дёрнул уголком рта. – А ещё я могу людей созвать на вечевом поле и рассказать им, как дело было. Что княжну вы силой здесь удерживаете. Что людей моих убили исподтишка, как тати обыкновенные. Захотят они после такого князя?

– А поверят они тебе? – качнул головой правитель. – Заявился не пойми откуда да ещё и головы им дурить возьмёшься? Прогонят тебя.

– А это мы посмотрим, – Чаян подмигнул. – Но, коль гнева людского не хотите, есть и другой путь. Если не желаете вы слово княжне дать, то я вынужден к слову Богов обратиться. Они всяко мудрее и справедливее нас.

Княжич поёрзал на месте едва заметно. И даже Мстивой выпрямил спину, напряженно вытянув шею, словно зверь, почуявший опасность. Загомонили согласно кмети, что по обе стороны от Чаяна сидели. Застучали тихо кулаками по столу, но не сильно – почтительно, потому как Божья ладонь.

– И как ты слова их испросить хочешь? – уж, верно, обо всём догадываясь, всё ж справился князь.

Чаян ерничать попусту не стал.

– Поединок требую. Кто победит, тому и княжна достанется.

– Что ж, вещь она, чтобы так её судьбу решать? – фыркнул Мстивой, да как-то неуверенно.

– Думается мне, вы не спрашивали, когда людей моих убивали, а её сюда умыкали. Ты, Гроздан, женихом её назвался, хоть она вдова ещё. Стало быть, я ровно так же невестой её своей наречь могу. А там жизнь всё по местам расставит.

– Да Елица лучше с обрыва кинется, чем замуж за тебя пойдёт, – рассмеялся Гроздан.

– Ты скажи лучше, принимаешь поединок али нет.

Княжич перестал скалиться насмешливо: уж понял, видно, что прижался к горлу его клинок так тесно, что того и гляди кожу взрежет. И соглашаться не хочется, и отказаться – позор большой. Он всё ж переглянулся напоследок с отцом. Мстивой кивнул твёрдо, словно ничуть не сомневался в победе сына.

– Хочешь поединка – будет тебе, – Гроздан встал. – Но до утра дам тебе ещё время одуматься.

Чаян не стал размещаться на ночёвку в тереме. Не нужны ему были гостеприимство напускное и взгляды заискивающие, кои всё равно будут. А то и задобрить захотят как-то. А примешь подарки хозяйские – вроде и не враг уже. Нашлась Чаяну лавка в одной из дружинных изб, где расположиться успели его воины – у дальней стены. И по соседству со здешними кметями, и в стороне как будто.

Однако, как пригласил князь вечерю с ним и его людьми разделить, отказываться никто не стал. Собрались все в той самой

гриднице – длинной, с высокими сводами, что терялись даже во мраке, куда не дотягивался свет от выбитых в земле очагов и факелов. Стояли длинные столы – для больших пиров – да нынче занят оказался только княжеский, на возвышении у стены. Пришла трапезничать и княгиня Волгава – женщина красивая, светлая, что луч Дажьбожьего ока в лесной глуши, но и строгая тоже. Уж как она на сына своего, который до стольких неприятностей дошёл, смотрела, будто и сама готова была розгу взять да отходить его по заду самолично. Жаль только, возраст у него уже не тот – розги не вразумят. Сопровождали княгиню подруги ближние и дочка молодая совсем – только в понёву, видно, вскочила не далее как прошлым летом – ладная, хоть и не такая стройная, как Елица, румяная и крепкая. Быстро жених сыщется, если не случилось уже с кем уговора.

Чаян уселся напротив Мстивоя, который вальяжно расположился на короткой, только для него предназначенной лавке со спинкой резной, что прикрывала бревенчатую стену за ним. Весь вечер пришлось сносить пытливые взгляды, которые, впрочем, не портили настроения вовсе. Одно только Чаян не стал делать: ни есть, ни пить ничего со стола этого. Уж лучше лишний день своими припасами перебиться: хозяевам он вовсе не доверял.

Душно скоро стало в гриднице, суетно. Поплыл мужской дух вдоль столов, смешиваясь с запахами щедрых яств. То и дело мелькали рядом пленительные фигурки челядинок. В другой раз Чаян поймал бы какую за руку, шепнул бы пару слов на ушко – и сама бы к нему пришла ночью. А то и отдалась бы где в первом амбаре на пути к избам дружинным. Но нынче не хотелось.

Закончилась трапеза поздно, засиделись кмети ещё за столами, а Чаян на отдых пошёл: силы поутру в поединке пригодятся.

Встал на рассвете, размялся, когда не проснулся еще никто. Вёдро стояло нынче крепкое, без единого облака на небе, обещающее вместе со светом Дажьбожьего ока пролить щедрое тепло на мать-землю. А скоро засновали и отроки с челядью – ристалище устраивать. Вынесли стулья с высокими спинками для князя и жены его, поставили на расстеленный ковёр. Скамьи вокруг – для бояр и гостей самых знатных. Видоков много будет нынче – победе или поражению. Кому из княжичей недоли испить сполна придётся, то выучка решит и сноровка. Да ещё воля справедливых Богов.

Когда собрались все после утренни вокруг поля, Чаян встал у края его, ожидая, как появится противник. И показалось, долго нет его. Уж не сбежать ли вздумал в последний миг? Да вряд ли. Такой стыд после ничем не смоешь, никто не назовёт больше воином, не кивнёт с уважением. Да и князя такого трусливого никто во главе видеть не пожелает. Задержало его, видно, что-то. Знать бы...

Да мысли все оборвались сами по себе, как только увидел Чаян, что выходит к полю Елица. Его Елица, такая, какой он её помнил все эти дни и перед взором внутренним вызывал. Да только что-то всё ж в ней изменилось. Придерживала её слегка под локоть наперсница Вея, которую вместе с ней в Зулич умыкнули, и что-то говорила тихо. А княжна, хоть и пыталась скрыть, ступала как будто чуть неуверенно, сжимая у горла платок, перехваченный на челе широкой зелёной лентой с богатыми колтами на ней.

Почти сразу вслед за ней появился во дворе Гроздан: взбудораженный, лихой, будто в схватку с ордой несметной собирался – не меньше. Приостановился рядом с отцом, склонился к нему, говоря что-то. Князь лишь рукой резко махнул, скривив губы – иди, мол. Княжич перевёл взгляд на Елицу, улыбнулся нахально, когда она повернула к нему голову – а девушка губу нижнюю прикусила, хмурия брови. Не так должна она на жениха милого сердцу смотреть. Не таким румянцем лихорадочным должны загораться её мягкие скулы. И поселилось в душе ощущение, что связывает их нечто недоброе. А значит и впрямь прибыла она сюда не по своей воле.

Мысль эта будто бы придавала сил ещё больше, чем их было уже. Чаян встряхнул руками, чувствуя, как тело почти звенит от приятного напряжения, окинул взглядом собравшуюся вокруг ристалища толпу и остановил его на Гроздане, что встал напротив. Подхватил край рубахи, он одним взмахом снял её и бросил десятнику, который рядом стоял, всё на жену поглядывая. От клинка тонкий лён всё равно не уберёжёт, а ветер даже порой помогает, когда чувствуешь его открытой кожей. Заметно всколыхнулись голоса женщин, что среди зевак нынче тоже были. Зарделась юная Злата, пряча взгляд и украдкой посматривая на матушку – не заметила ли её смущения?

– Биться станете до первой крови, – напомнил Мстивой, словно обеспокоился той решимостью, с которой смотрели друг на друга княжичи.

Гроздан покивал согласно, да по лицу его видно было, что коли будет случай убить – убьёт, не засомневается ни на миг. Он тоже разделся до пояса, обвёл ласково ножны ладонью, вынимая клинок – дорогой, знатный – таким имена дают после битв ратных и в курганы не кладут, потому как в наследство отдать нужно.

Они сошлись к середке поля, нагретого уже взобравшимся над крышами терема светилом.

– Не широко ли на княженку рот раззявил? – проговорил Гроздан тихо, так, чтобы не слышно было больше никому. – Моя она. Смирись лучше.

Чаян шагнул в сторону, разворачиваясь, ударил в бок ему. И отступил, пока не достав. Гроздан тут же трепаться перестал, сосредоточился. Заиграли мышцы на его руках, заострился взгляд. Они обошли друг друга, кружа по полю, покачивая клинками, примериваясь. Чаян выждал, как закончится терпение у противника. Тот рванул вперёд – быстро – замахнулся было, но остановил руку и атаковал с другой стороны. Столкнулись мечи, влился в уши громкий их лязг. Скрежет скольжения стали о сталь. Гроздан качнулся вперёд, потеряв опору, но успел отклониться от следующего удара по ногам.

Разошлись вновь оглядывая друг друга уже по-другому: узнали, пощупали, ощутили силу. Теперь пропала последняя насмешка с лица княжича. Коснулся слуха едва гомон толпы вокруг. Вдох-выдох. Песок под ногами мягкий и упругий, ветер по плечам, в волосах, рукоять меча в ладони – льнущая к ней, как кожа Елицы. Княжна смотрела неподвижно – Чаян чувствовал. Но чего ждала – не понимал. Победы его или поражения?

Шагнул вперёд. Уверенно, предсказуемо. Поднял руку Гроздан – удобно встретить клинок его. Чаян едва коснулся лезвия своим, увёл в сторону, по дуге ударил снизу. Обогнул княжича, заходя в спину. Но тот успел развернуться. И завертелось всё хороводом перед глазами: лица, бурые стены терема, глаза Гроздана, твёрдые, что два камня. Противники не хотели крови. Хотели убивать. И стремились к этому так рьяно, что не могли друг друга достать.

Короткая передышка. Чаян дал отдых уже затекшей слегка руке. Присмотрелся к противнику – и нашёл на его лице первые следы усталости. Помотали они друг друга знатно, и оказался Гроздан

сильнее, чем можно было подумать. Холодная струйка пота потекла по спине, заколотилось сердце в висках, постепенно стихая.

На сей раз звяничанин напал первым, как будто хотел уж завершить всё поскорей. Чаян вскинул меч – и мелькнул по глазам Гроздана яркий блик от попавшего на клинок луча Ока. Тот сощурился коротко, замешкался. Потонула сорванная атака во вздохе толпы. Повинуясь зову тела, Чаян изменил замах, опустил меч, уходя из-под руки княжича. Тупой удар в бок его отдался в руку мягко. Завязло лезвие на миг, едва уловимый, в плоти. Выскользнуло, оставляя длинный, глубокий порез. Гроздан споткнулся будто. Поперхнулся собственным вдохом. Чаян сделал ещё пару шагов мимо него, ведомый собственным весом – и остановился. Поднял взгляд на Елицу – и ужаснулся виду её бледных губ и неподвижных, опустевших глаз.

Он развернулся, словно волной ярости его кинуло на Гроздана – добить! Пошёл клинок верной ровной полосой ему в шею – прорубит булат до хребта самого. Как волос, что падает на лезвие. Но разве этого он хотели Боги? За этим свели двух княжичей? Мышцы руки окаменели вмиг, сковало плечи и спину невероятным усилием. Лезвие замерло, почти коснувшись кожи Гроздана. Холодным стальным отблеском мелькнули в его глазах ужас и осознание смерти. Застыли – да схлынули, как понял он, что ещё жив.

Чаян опустил руку, коснувшись остриём меча земли. Гроздан вдохнул и начал вдруг валиться на спину. Кровь густо лилась по его боку. Сорвались с мест отроки и кмети даже – помочь. Привстал со своего места Мстивой, хватая за руку побледневшую вмиг княгиню.

– Унесите его, перевяжите. Быстро, – рявкнул князь.

Мужи мигом подхватили Гроздана – и утащили прочь на руках. Чаян проводил их взглядом, утирая со лба пот тыльной стороной ладони. Подошёл к Мстивою, едва и сам держась на ногах.

– Я жду завтра Елицу на пристани у своей лодьи, княже.

Посмотрел на неё коротко и пошёл к своим людям – среди расступившейся толпы. В избе завалился на свою лавку и проспал до самого вечера. А после долго ещё слонялся по двору, заставляя стражников зыркать на него с опаской. Пока не навалилась вторая волна усталости.

А на рассвете уже стоял Чаян у сходней, ожидая, не глядя ни на кого, кто сновал вокруг: на борту ладьи или по пристани. Падали ему

прямо в лицо лучи Дажьбожьего ока, что уже поднялось над стенами Зулича. Застилало взор ослепительное, пересыпанное радужными бликами марево. Пахло водой свежо, плескала река о борта, покачивая её, словно младенца в ладонях. А ну как обманет князь? Хитрости его на весь отряд Чаяна хватит. Позабудет о том, что сына его пощадил, не убил, хоть и рука его готова уже была опуститься на плечо княжича в последнем ударе. Тревожно билось сердце, разгоняя по телу злость и нетерпение. Но вот показались на спуске к пристани две женские фигурки: одна чуть грузная – впереди, а вторая – знакомая, стройная – поодаль от неё. Чаян оттолкнулся ладонями от борта, выпрямляясь. Прикрыл глаза ладонью, желая лучше рассмотреть.

– Елица! – окликнул её, чтобы быстрее поняла, куда идти, хоть и узнала бы, верно, ладью из тех, что когда-то её отцу принадлежали.

Девушка вскинула голову и снова опустила, как он махнул ей рукой. И горько так стало в груди, словно и не рада она вовсе тому, что в Велеборск возвращается: словно одну неволю на другую вдругорядь меняет. Прошла по сходням мимо Вея – только покосилась с благодарностью: уж ей, верно, гораздо спокойнее теперь стало и за себя, и за подопечную. Княжна тоже проскочила быстро, даже и головы не повернув. И заметил Чаян, что как будто поблекла она за те дни, что не виделись, словно живы лишилась, что изнутри её освещала. Что ж такого случилось с ней там, за глухими стенами Зуличского детинца?

Чаян позволил женщинам разместиться под пологом, перебрать какие вещи, что в пути нужными окажутся. Ладья, взмахнув вёслами, словно оперением, отдалилась медленно от бревенчатого причала – да и поплыла вглубь русла, провожая Зулич взглядом деревянных глаз сокола, чья голова венчала её нос.

Совсем уж пропал в озарённой светилом дали город, воспоминания о котором остались не слишком приятными, когда Чаян решил Елицу всё ж проведать. Заглянул под полог, вспугнув Вею, которая как раз собиралась выходить, держа в руках латунный кувшин: то ли попить княжне принести, то ли умыться. Елица сидела, прижавшись спиной к мачте и смотрела перед собой неподвижно. Даже Чаяна не сразу заметила. Он, согнувшись в поясе, вошёл в укрытие. Девушка повернула к нему голову, но быстро взор опустила.

– Что с тобой? – Чаян сел перед ней прямо на палубу, заглядывая в посеревшее лицо. – Неужто и правда хотела в Зуличе остаться? Обиду держишь, что в поединке Гроздана одолел и забрал тебя?

Она дёрнула плечом.

– Нет. В Велеборске мне лучше. Всё равно, – посмотрела исподлобья. – Даже если вы с братцем там. Что случилось, не спрашивай. Пройдёт всё.

Чаян, выслушав несколько тревожных и взволнованных ударов собственного сердца, медленно опустил ладонь на колено княжны, провёл по бедру её вверх, нажимая, стараясь ощутить сквозь два слоя ткани тепло девушки. До ломоты во всём теле хотел ощутить её кожу под ладонями. Всю её до конца. Он приподнялся, кладя другую руку ей на талию. И губы её оказались так близко, чуть приоткрытые, пленительные. Сверкнули недоумением глаза из-под ресниц. Елица схватила его за локоть так сильно, что почти больно стало.

– Не трогай меня, – сказала, казалось бы, совсем не зло, но что-то в её голосе заставило отрезветь тут же. – Не трогай меня, княжич, а то нож раздобуду и порешу тебя во сне. Обещаю.

Чаян отстранился, убирая руки, что горели уже в желании сгрести её в охапку и не отпускать больше никогда. Взглянул на Елицу вопросительно: никогда таких слов от неё не слышал, хоть и вёл себя однажды, признаться, наглее. Княжна дышала рвано, сжимая губы и пряча взгляд, а пальцами комкала подол, плотно смыкая укрытые им колени.

– Что он сделал? – Чаян схватил её за плечо, встряхнул, приказывая посмотреть на него. – Что?!

Княжна вырвалась, отворачиваясь, а он снова сел у её ног, не стал больше выплёскивать вскипевшую мгновенно ярость. И так понятно всё стало. По тому, как сжалась она от безобидного прикосновения, как мелькнули в глубине её ореховой радужки, в сузившихся зрачках тени страха и омерзения.

– Уходи. Дай побыть одной, – Елица вцепилась в край укрывающего её голову платка, провела под ним дрожащими пальцами.

– Хочешь, вернёмся? – Чаян легонько коснулся вышитого края подола княжны, борясь с желанием уткнуться в её колени и вдохнуть

вожделенный запах. – Я убью его, паскуду. В этот раз. Убью и к твоим ногам брошу тварь эту.

Она прикрыла глаза, слегка качая головой.

– Спасибо тебе, Чаян, – только и сказала. – Уходи.

Глава 16

Раны, что остались от татых стрел, заживали на сей раз очень скверно. Вроде, и не тревожили сильно, а на уроках тела мешали порой резкой режущей болью, что пробивала аж до кишок самых. Не первые это были шрамы на теле Ледена, но впервые рубцевались они так долго. Словно остались ещё наконечники внутри, хоть их и не было, конечно. Каждый раз он возвращался с ристалища, как побитый, держась за плечо и скособочившись – пока никто не видит. Слабости своим воинам, а особенно – чужим, показывать нельзя. Но как удержать всё внутри, когда аж слезу вышибает? Как будто отрок он неопытный, которого палкой по рёбрам неосторожно ударили в первой схватке с ровесником.

А уж нынче утром до того худо стало, что, прежде чем идти в терем, он посидел немного на скамье во дворе – отдышался, разминая мышцы, поводя плечами, чтобы не так тянуло.

– Что это с тобой, княжич? – вслед за напозшей на спину длинной тенью, раздался сзади насмешливый голос.

И тут сразу узнаешь, не оборачиваясь – Эрвар пожаловал. Никогда они с ним не разговаривали, не сталкивались даже нигде особо, а тут, как вернулся – варяг словно ворон над ним кружил. Ждал, что ли, как подохнет?

– Утро нынче хорошее, – Леден оглянулся через плечо и встал. – Вот, люблюсь сию.

Оно и правда выдалось дивным: свежим, солнечным, росистым – травой хоть умывайся, очищая душу и тело от грязи. Но Эрвар не поверил, конечно: видно, потому что Леден никогда мужем чувствительным и склонным к размышлениям над красотами Матушки Земли не слыл.

– Эх, вызвал бы я тебя потягаться на топорах, да боюсь, не сдюжишь, – варяг прищурился самодовольно.

– А может, только так ты хоть равным мне станешь? – Леден остановился, когда тот преградил ему путь.

Явно осерчал Эрвар, желваками дёрнул – и в глазах его синих, что озеро горное, мелькнул холодный огонёк гнева. Варяги – народ

вспыльчивый и обидчивый. О мести их кровной, что целые хутора выкашивала порой, сказания ходили далёко за пределами их земель. Одного слова неосторожного хватить могло, чтобы поселить в душе северянина лютую ненависть и желание отыграться. Но сейчас Эрвар молчал, раздувая хищные ноздри – и шрам его поперёк головы аж побагровел.

– Не стану с калечным рубиться. Вот очухаешься, там поговорим, – наконец совладал он с собой так, чтобы за оружие не схватиться вместо слов.

– Кто из нас двоих калечный, это ещё поспорить можно, – Леден усмехнулся криво. – У меня-то башка целая.

– Это пока, – осклабился варяг.

Он вскинул руку и схватил вдруг Ледена за раненое плечо, надавил пальцами прямо на едва затянувшийся рубец, что кровоточил так долго – и в глазах белые пятна вспыхнули, заплясали. Леден ударил его по широкому запястью, сбрасывая ладонь – и сам за черен меча взялся невольно. До того сильно захотелось его вынуть.

– Оставь Вышемилу, – прошипел Эрвар, приближая своё лицо. – Будешь с ней видеться дальше, станет в тебе дырок от стрел ещё больше.

– Твои люди, значит, меня в лесу ласково встретили? – Леден опустил руку, опасаясь всё ж, что не удержит клинка в ножнах. – А я-то думаю, что-то рожи больно на ваши, варяжские, смахивают.

– Варяги много где живут на ваших землях. И я не конунг, чтобы они мне служили, – уклончиво, но с явной угрозой в голосе ответил Эрвар.

Леден глянул поверх его плеча, заметив, что идёт кто-то к ристалищам. Оказалось – сама княгиня. И старалась она держать шаг, да видно было, что торопится, боясь, что мужи сейчас так и сцепятся тут. Намнут друг другу бока.

– А я за тобой, Эрвар, посылала, – ещё издаലെка окликнула она своего охранителя.

И по губам её скользнула тревожная улыбка.

– Нужно чего, княгиня? – ещё не сводя тяжёлого взгляда с Ледена, ответил тот, не поворачиваясь к ней.

– Нужно. В посад хочу съездить.

Зимава остановилась рядом с ними, поглядывая то на одного, то на другого, пытаюсь, видно, разгадать их настроения. И успокоилась тут же, разумею, что драки так и не случится. Леден только поприветствовал её кивком – и пошёл в свою горницу, размышляя по дороге. Раз боялась княгиня, что могут они схлестнуться, значит, знает что-то, иначе зазря не тревожилась бы. Всё это только подтверждало, что без руки её и Эрвара то нападение в лесу не обошлось.

Не зря казалось ему, что княгиня – женщина опасная. Пусть и во всём поддалась: ворота открыла, на ложе с Чаяном легла и рассказала о Елице, хоть и могла смолчать. Да только в каждом поступке её, получается, крылась недобрая подоплёка. Но как теперь это другим доказать? Не поверят ведь.

На счастье, пока не было Чаяна, никаких скверных вестей не приходило. Затихли и косяки, получив в Лосиче последний раз неожиданно яростный отпор. Хоть и пострадал город, да всё ж удалось степняков на время остановить, остудить пыл, с которым они на земли княжества кинулись, словно оголодавшие по весне волки. И хотел Леден вслед за братом отправиться, да Буяр передал приказ, что тот оставил, не покидать теперь уж города. Да и хворь нежданная, правду сказать, не позволяла.

Судили о многом воеводы, оказавшись в детинце бок о бок надолго за всё то время, что войско остёрское здесь простояло. И кажется, свыкался уже даже Буяр с тем, что вражда их уступает место временному союзу, когда друг друга поддерживать надо, а не лаяться.

И всё бы неплохо, да Ледену с каждым днём всё хуже приходилось. Каждую ночь он видел тот сон проклятый, знакомый, кажется, до мелочей, а режущий сизнова, как впервые. Вот и нынче будил его Брашко настойчиво, бранился даже, а после уговаривал жалостливо. Леден слышал его, но стояло перед глазами лицо Мораны, и вкручивались в раны раскалённые клинки.

– Елица приехала. Брат твой, Чаян, её привёз! – так ясно вдруг прорвался голос отрока сквозь навязчивое журчание речной воды и треск льда. – Просыпайся, ну же!

И отрок его ударил. Первый раз – со злости и отчаяния. А может, от страха, что всё ж не проснётся больше. Хлестнула его увесистая, как у взрослого уже мужа, ладонь по скуле – и Леден открыл глаза,

слушая, как бьются острыми осколками в мыслях последние слова его. Елица... Елица снова в Велеборске.

Брашко загородился рукой, ожидая ответной оплеухи, но опустил её, внимательно глядя на неподвижного пока княжича. Оказалось, Леден лежал среди разметавшихся простыней, скинув с себя покрывало. Подушка валялась на полу, а тело всё покрывал липкий холодный пот.

– Умыться мне принеси, – совладав с собственным голосом, просипел Леден.

Брашко подскочил тут же и умчался прочь, обрадовавшись, верно, что сегодня ему не прилетело. Леден медленно встал, морщась от привычной уже рези, согнул раненую руку в локте, прижимая ладонь к животу, и посидел так, оперевшись другой о колено. Как паршиво-то...

Скоро вернулся отрок с двумя вёдрами чуть подогретой воды. Поставил их на пол и загремел ушатами, что под лавкой у окна стояли.

– Я ж умыться попросил принести, а не лошадей поить, – покачал головой Леден, наблюдая за его судорожной вознёй.

– Что, с княженкой видеться так пойдёшь? Когда несёт от тебя, как в дружинной избе да после сечи, – отрок покосился на него через плечо, опасаясь всё ж гнева.

Но Леден только хмыкнул устало.

– Дать бы тебе по шее...

Едва шевеля словно бы охваченной огнём рукой, он всё же собрался и первым делом пошёл к брату в горницу, что была почти по соседству с его, да на другой стороне терема. Оказалось, Чаян уж и уходить куда-то собрался. Может, и к нему как раз.

Он вскинул голову от пояса с бляшками серебряными, который застёгивал поверх свежей рубахи, откинул от лица встрёпанные слегка волосы.

– Здрав будь, братец! – разулыбался.

Подошёл в два широких шага и в объятия его сгрёб. Аж в глазах потемнело от того, как вспыхнули раны, словно пасти собачьи в них вцепились. Леден охнул тихо – не удержался – и похлопал его по спине ладонью здоровой руки.

– Что это с тобой? – сразу разгадал всё Чаян.

Окинул его пытливым взглядом, но как будто ничего не увидел необычного.

– Потом всё расскажу, – отмахнулся Леден. – Ты скажи лучше, что всё ж случилось? Как так Елица оказалась в Зуличе? И как ты её забрал?

Чаян покривил губами, словно не ожидал, что Леден про княженку спросит первым делом. Но молчать не стал: всё рассказал, как было. И о том, что Елицу похитили, против её воли удерживали в Зуличе. Как Мстивой и сын его даже свидетелься с ней не позволили, когда он в детинце появился. Потому и пришлось угрожать, а после – и вовсе Гроздана на поединок вызвать.

– Жаль только, не убил его, – поиграв желваками, бросил напоследок братец.

Залегло в его взоре тяжкое сожаление. И вина даже как будто, а вот за что – Леден допытываться не стал. Главное, с княжной теперь стало всё в порядке. И до того сильно захотелось её увидеть, что готов был Леден уже идти прочь из горницы брата и разыскивать её. Остановила только мысль, что ей, верно, с дороги отдых нужен.

После собрались все в трапезной: пришла даже Зимава с Эрваром своим, который так и не переставал на Ледена зыркать с угрозой. Только Вышемиле, которая прибежала сразу вслед за сестрой, взгляды его колючие вовсе неинтересны были: она так сесть попыталась, чтобы к Ледену поближе. Рты ведь бабам здешним не заткнёшь, хоть и хочется иногда – а потому трепали они по-тихому, конечно, что сестрицы Чтимировны совсем уж остёрских княжичей окрутили. Теперь дело за малым: дождаться, когда о свадьбах всем скажут.

Вошёл в трапезную Чаян, такой бодрый, будто давно с дороги отдохнул. И только когда уж уселись за стол и воеводы, последней пришла Елица. И как ни рад был видеть её Леден, а омрачился тут же, едва посмотрев.

Княжна была всё такой же, кажется, и как будто что-то в ней поменялось. Словно потускнел внутренний её огонь, а она сама вдруг стала себе не мила: взор прятала, сжимала губы плотно, неохотно отвечая даже на приветствия других. Леден перевёл взгляд на Чаяна: уж не он ли в дороге начудил, обидел чем-то? Но брат на его пытливый взгляд не ответил.

Зато во время всей обедни Леден чувствовал, как Елица то и дело смотрит на него. Будто она как-то прознала о его недуге, хоть он старался ничем его не выдать. Может, только чуть неловко держал

ложку да сильнее прижимал локоть к боку, когда там особенно сильно стреляло. Он перехватить пытался хоть один раз взгляд княжны, но не удавалось. Но её внимание невольно грело.

Никто не пытался даже спрашивать Елицу о том, что случилось, словно договорились заранее: да и так всё было понятно. Хотел Зуличский княжич к рукам прибрать не только Елицу, а княжество, которое ей в наследство осталось. Раньше-то, небось, о таком и не помышлял, потому как наследник был у Борилы. А после осмелел.

Обедня прошла напряжённо и нерадостно. Зыркала недобро Зимава на возвратившуюся княжну, да тут и скрывать уже нечего: радовалась, верно, как ту зуличане умыкнули. А Елица словно и не замечала её внимания. Начали расходиться все по своим хороминам; попыталась было Вышемила Ледена с собой увести, но Чаян быстро то заметил и остановил порыв боярышни:

– Ты, братец, задержись, – бросил как бы невзначай, отпивая взвар из кружки. – И ты, Елица, тоже, – добавил, хоть княжна уходит и не торопилась.

Вышемила нахмурилась заметно, отчего на сестрицу свою стала гораздо больше похожа, склонилась к уху Ледена, мягко поглаживая его лежащую на колене ладонь:

– Приходи сегодня ко мне в горницу. Вечером, – шепнула. – О важном тоже поговорить хочу.

И голос её так проникновенно прозвучал и взволнованно тоже. Девушка сжала его руку пальцами и встала, оправляя понёву. Леден, размышляя над её словами, проводил боярышню взглядом. Подождал, как закроется за ней дверь – и лишь тогда словно очнулся, пытаясь как можно дальше отодвинуть понимание того, что она ему предложила. Он мог бы поклясться, что на лице его не отразилось сейчас ничего – но именно в этот миг Елица посмотрела на него так, что в очередной раз можно было удивиться тому, как остро она чувствует его настроение. Наконец они встретились взглядами – но лишь на мгновение Леден окунулся в ореховую топь её глаз – и княженка потупилась.

– Раз мы теперь все здесь, – прервал Чаян напряжённый момент. – Пора бы нам снова о Сердце поговорить. Что же сказала тебе Сновида?

Он с настойчивым ожиданием уставился на Елицу. Стало быть, в дороге не расспросил, а ведь терпеливостью особой никогда не

отличался – и снова кольнуло подозрение, что такого стряслось с Елицей, что братец так её берёт и не тревожил?

– Возвращаться вам придётся на свои земли, – проговорила Елица ровно и бесцветно, будто ей вдруг стало всё равно. – То капище, откуда фигурки, в Остёрском княжестве стоит.

Леден переглянулся с Чаяном. Тут и рассмеяться бы оттого, как судьба решила с ними поиграть – запутать. Да что-то не весело. Покидали свои края с мыслями, что в чужих всё, что нужно, сыщется, а теперь за ответами вновь туда идти, где, казалось, уж нет ничего.

– А старуха твоя ничего не перепутала? Или потешиться, может, решила? – Чайн наклонился к Елице, смыкая перед собой пальцы в замок.

Но княжна посмотрела на него твёрдо – и снова стала такой же, какой была до того, как пришлось потерять её на столько дней.

– Она при смерти была, может, умерла уже. Не стала бы шутить только ради того, чтобы вам насолить мелко! – кажется, она и вскипела даже. – Коли сказала, что возвращаться нужно, значит, так и есть! Я бы осталась с ней, помогла бы чем, если бы не нужно было сюда бежать, перед вами держать ответ. Всю жизнь мне переворошили!

Елица поднялась резко – аж колты на ленте её качнулись и ударили по скулам. Окинула их взглядом, полным негодования и сызнова вспыхнувшей неприязни, словно всё стало так, как было при первой встрече: ничуть тепла между ними не прибавилось.

– Постой! – бросил вослед Чайн, когда княженка, перешагнула через скамью и быстро пошла вон из трапезной.

Но не удержишь. Сразу было понятно, как увидел её Леден в Звянице, что ничем её не заставишь покорной быть и у ноги сидеть, словно собачонке. Вот и сейчас она даже не обернулась, решив, что сказала достаточно. Братец проводил её взглядом и вздохнул тяжело, а в глазах его зажглось жаркое восхищение.

– Я женюсь на ней, – проговорил он, как стихли шаги Елицы за дверью. – Попомни моё слово: женюсь. Как только Сердце отыщем и проклятие меня отпустит. И как вдовство её закончится.

Леден проглотил отпитый только что из кружки квас, будто камень – едва в горле не застрял.

– А то пойдёт она за тебя... – хмыкнул, вовсе не уверенный, что подковырка эта уместна.

Кто знает, что в душе Елицы творится и что будет дальше. Может, и мил ей Чаян, да просто вида показать не хочет.

– Пойдёт, – братец улыбнулся слегка. – Вот увидишь.

И было на его лице что-то, отчего понятно становилось: не только ради забавы себе княжну в жёны заполучить желает. Засела она в его сердце крепко: потому как отличалась ото всех девиц и женщин, что раньше у него были.

Закрутил день в бесконечной череде забот – и голову поднять, оглядеться некогда. Чаян, как рассказ Елицы услышал, сразу начал снова в путь готовиться: теперь уж неведомо насколько уехать придётся. Сам решил с княжной ехать, и оттого подозрение разбирало, что разделить Ледена с ней хочет.

Только вечером тот сумел задержать брата рядом с собой достаточно долго, чтобы рассказать, что приключилось во время пути к Логосту. Как напали на его отряд, убили многих – да и откуда бы братцу то заметить? – и как ранили его. Чаян озадачился сильно, посмурнел, сбросив лихорадочную суетливость. Расспросил обо всём, что важным ему показалось. А подозрениям в том, что Эрвар то подстроить мог, вовсе не удивился.

– Чуял я, что Зимава начнёт злобствовать. Вряд ли без её слова обошлось, – проговорил задумчиво. – Но ведь нельзя без видоков, которые подтвердили бы, без доказательств, на неё с обвинениями набрасываться. Люди не поймут.

– Не поймут, – согласился Леден. – Я только хочу, чтобы ты поосторожнее с ней был.

И захотелось верить, что прекратит братец с княгиней играть, пользоваться её лишь для своего удовольствия. А то ведь, чем дальше, тем хуже может сделаться.

Разошлись они по своим горницам уже как стемнело. Притихла челядь в тереме, нежно застрекотали сверчки во дворе. И их пение так и струилось в окно, заполняло всю хоромину. Леден с трудом разделся, вспомнив первый раз за весь день о своём недуге. Да так и лёг спать – в исподнем одном, потому как натягивать вновь рубаху оказалось выше его сил. И лишь перед тем, как заснул, вспыхнула в памяти просьба Вышемилы прийти к ней сегодня. Он только вяло подумал о том, что боярышня, верно, осерчает, да уже, признаться, всё равно было.

Нынче обошлось без скверных сновидений. А вот вставать оказалось тяжко. Леден, едва сумев сесть на лавке, понял вдруг так отчётливо, что аж перед глазами засияло: коли и дальше тянуть эту лямку будет, Эрвару всё ж придётся торжествовать над его смертью. Продирал по спине озноб, хоть Леден не мёрз почти никогда, ломило все мышцы, будто тяжести давеча таскал немеряные.

К счастью, скоро прибежал Брашко – и застал его на том же месте, где он и остался, размышляя, как бы с него сдвинуться.

– Может, лекарку позвать снова? – спросил он осторожно, проходя дальше в хоромину.

Леден молча покивал, крепко сомневаясь, что лекарка ему поможет. Даже самая умелая. Как понял он, что с его ранами неладное творится, так звал уже – от её припарок и примочек толку вовсе не было. Но пусть Брашко займётся делом – будет меньше перед глазами мелькать.

Отрок помог умыться, принёс из поварни поутренничать и быстро сбежал, даже ветер за собой поднял как будто. Леден есть не стал – не хотелось. Медленно он размял мышцы, ещё не покидая опочивальни, чтобы уж на глаза всем выйти, как ни в чём не бывало. Но не успел.

Тихо скрипнула дверь – надо бы смазать. Леден повернулся, ожидая посланного за лекаркой Брашко. Но так и вдохнуть забыл, как увидел Елицу. Она задержалась в проходе, словно задумалась на миг, не стоит ли тут же уйти, поправила просто накинутый на голову, схваченный на лбу лентой платок, нерешительно озираясь. Мелькнуло за её спиной любопытное лицо отрока – да и пропало. Ишь ты, хитрый какой: не хочет, чтобы влетело по горячему-то следу. Уж меньше всего хотелось, чтобы княжна прознала о том, что с ним творится.

– Совсем плохо тебе? – Елица всё же ступила внутрь, затворяя дверь. – Мне Брашко сказал...

– Переживу, – огрызнулся Леден, сам от себя не ожидая такой грубости.

– Так ты за лекаркой его посылал, кажется, – улыбнулась девушка вдруг. – Так просто её не зовут. А уж тем паче такие, как ты.

Леден встал с лавки, намереваясь княжну выпроводить. Ещё не хватало её жалость выслушивать. Но Елица вдруг за ворот рубахи его поймала, как подошёл. Развязала быстро и оттянула в сторону, оголяя плечо. Он дёрнулся прочь, но коснулись саднящего рубца тёплые

пальцы девушки – и шевелиться сразу расхотелось – теперь век бы так стоять.

– Снимай, – велела княжна.

Совсем не тот отклик нашло столь короткое слово в мыслях. Леден усмехнулся даже невольно, но княженка того и не заметила. Он скинул рубаху и сел обратно на лавку, повинуюсь твёрдому взмаху тонкой женской руки. Елица плавно опустилась рядом, пряча глаза, словно боясь даже посмотреть на него, и принялась разглядывать след от стрелы, осторожно на него надавливая. И хоть отдавались её прикосновения ощутимой болью, а по хребту будто мурашки побежали, и потеплело где-то под рёбрами.

– Странно, – пробормотала княжна, почти уже тыкаясь носом в его плечо. – Что же им мешает зажить? Заражения крови нет. И воспаления, кажется, тоже.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг она вскрикнула тихо, отнимая руку, посмотрела на ладонь свою – а губы её вмиг побледнели едва не до синевы.

– Что случилось?

Леден схватил её запястье, заглядывая в лицо – и увидел в глазах то самое выражение, что было, когда душил её после сна скверного. И выглядела она сейчас такой беспомощной и растерянной. Такой открытой – хоть всю её забирай. Неведомо какому порыву повинуюсь, он провёл другой ладонью по изгибу девичьей шеи, ощущая, как нагревается кожа от соприкосновения с ней. Сбилось дыхание, затуманило голову – словно хлынуло внутрь что-то давно забытое, но такое необходимое, без чего жизнь – не жизнь, а лишь текущие друг за другом дни.

Елица задыхалась часто, откинулась назад, упираясь рукой в лавку позади себя. А Леден обвёл большим пальцем плавную линию её подбородка, видя, как будто морозной мглой подёргиваются её всегда ясные, тёпло-зелёные, что листья осоки, глаза. Склонился к ней, почти содрогаясь от страшного желания коснуться её приоткрытых губ своими.

И казалось, застыло время, не двинется больше никуда, а прошло-то всего мгновение – и княжна отстранилась от его руки.

– Что это было?.. Почему так... – Леден сглотнул, шало моргая – будто морок с тела сошёл.

Он осёкся, когда Елица схватила его за локоть и вскинула вверх, открывая раненый бок. Словно ничего только что не случилось.

– Что было... То же, что и в тот день, когда сон тебе плохой приснился, а я разбудить тебя попыталась, – ответила она спокойно.

А у самой сердце так и колотится – он чувствовал его как в собственной груди. Даже приложил ладонь, сомневаясь – нет, его билось ровно и сильно. Бледность уже отступала с лица княжны, порозовели слегка скулы. Но спокойнее от её сосредоточенного и невозмутимого вида вовсе не становилось.

Вновь пробежались нежные пальчики по коже на боку. Елица склонилась, ощущая теперь и второй, покрытый зыбкой коркой рубец, заставляя забыть о том, что случилось. Леден вдохнул медленно и выдохнул, стараясь не смотреть на неё. Что ж творится такое? Ничего ведь особенного не делает, но близость её, лёгкий цветочный запах, что струился от её одежды и рук, словно нутро обволакивали. Показалось вдруг, как сквозь туман, что княжна, выпрямляясь, провела ладонью по его животу. Совсем легонько – может, и правда померещилось, да тело отозвалось мгновенно и кабы теперь не выдало его с потрохами.

Елица замерла, задумавшись, поглядывая чуть исподлобья, будто забыла, что хотела сказать. Леден опустил руку – и случайно скользнул ладонью по её спине. А в следующий миг и сам засомневался, что вышло это невзначай. Княжна точно одеревенела, распахнула широко глаза, но быстро справилась с нахлынувшим на неё смятением.

– Ты к грани близко ступил последний раз, верно? – прервала она неловкое искрящееся молчание.

– Ступил, – он кивнул, не переставая оглядывать княжну и любуясь каждой чёткой её лица. – Но вернулся.

– Потому и заживает плохо – не очистился после, – рассудила она уверенно. – Впустил недобрую силу в своё тело. Так бывает у тебя, наверное, и после снов этих твоих. Будто преграда истончается, открывается ход в Навий мир, где часть тебя.

И так всё от её слов ладно в голове сложилось, словно она мысли его только озвучила. Но непонятно одно осталось: почему с Брашко так худо не делалось в те дни, когда ему доставалось от буйного после шального сна Ледена? Ведь и его, случалось, придушил пару раз. Да

он быстро очухивался. Почему только Елица как будто таяла от касаний его?

– И что же делать мне? Так и не заживёт теперь?

Елица лишь плечом пожала, размышляя надо всем, что сама узнала – или почувствовала. Леден склонил голову, почти касаясь губами её темени. Бесшумно вдохнул запах выбившихся из-под платка волос, точно зная, кто мог бы ему сейчас помочь. Чьё тепло сумело бы согреть чуть дольше, чем на миг. Да кто ж тогда ей после поможет?

– Обряд надо провести в святилище, – совсем уж осипла княжна. – Требы Макоши принесу. Попрошу за тебя.

Она взяла рубаху Ледена, что рядом с ней лежала, и швырнула ему на колени. А после просто встала и вышла, больше ничего не объяснив. А он как будто стал пустым в один миг. Вот была она рядом, наполняла его жизнью, теплом – но закрылась за ней дверь – и снова по коже побежала знакомая прохлада.

Но княжна не обманула. Уже следующим утром прислала к нему челядинку Миру, которую Леден, посчитай, с возвращения из Радоги и не видел почти. Но обида, кажется, уже совсем пропала из глаз девки – поняла всё. Да только не позвала она в святилище здешнее, что в глубине детинца за стеной сада пряталось, а передала лишь пучки каких-то трав: Леден не все узнал, не знахарка ведь.

– Вот, – сказала с почтением, – княжна велела тебе в бане попариться сходить. Да в кипятке травки эти замочить.

Сама же Елица, видно, и приближаться к нему больше не хотела. И понимание этого резало изнутри хуже засевшей в ранах боли.

Как и велела она, сходил он вечером в баню: Брашко приказал растопить её пожарче, видно, чтобы всё, что можно скверное, вышло из тела его от живительного пара. Кинул в ушат с горячей водой травы, что Елица передала – и подышал вдоволь ароматным влажным воздухом. И не заметил даже поначалу, как отпустила его наконец даже самая слабая боль. Обратил внимание лишь когда в предбанник тесный вышел да оделся. Замер на миг, а после пошевелил осторожно рукой и пощупал бок – и верно ведь, прошло всё.

Захотелось тут же к княженке сходить, поблагодарить – самому, глядя в лицо её, а не передавая пустые слова через отрока. Он даже пошёл через сад к женскому терему, оправляясь на ходу, подпоясываясь, приглаживая влажные волосы. Гнало его в спину

нетерпение, острое, не затуманенное хворью, что маяла его столько дней. Даже думать принялся о том, что княженка ему ответит: может, и позволит рядом остаться хоть ненадолго и поговорить с ней о чём-то неважном. Так, как было, когда невольно оказались они вместе в той пещере подле Радоги.

Но ещё издалека слышал он тихие голоса. Подумал, что девушки гуляют, но вывернул на другую тропинку – и встал, словно в земле застрял по колени: неподалёку от него Елица шла через сад вместе с Чаяном. Они разговаривали о чём-то спокойно, братец держал руки за спиной, словно удерживался от того, чтобы коснуться княжны, хоть и хотелось ему, верно, очень сильно. Девушка вдруг приостановилась, зацепившись подолом за ветку малины, что росла вдоль тропинки, а Чаян, склонившись, быстро освободил ткань из хватки шипов, а выпрямившись, приобнял Елицу за талию.

Что дальше было, Леден смотреть не стал: развернулся и пошёл назад. Что ж, решение его навеститься в горницу княжны было глупым. Хоть никогда раньше он опрометчивостью подобной не страдал. Он зашёл в свою хоромину и забрал оружие: раз уж боль отступила, так и размяться нынче будет нелишним. Давно он в полную силу уроков телу не давал: а там и спаться будет лучше.

И лишь дойдя до ристалища, Леден признался себе, что привела его сюда скорее злость невольная, чем необходимость. Но не метаться же теперь по двору туда-сюда. Здесь ещё заканчивали упражняться кмети и старшие отроки, но понемногу уж расходились. Гасло небо, бледнели на крышах навесов золотисто-красные отсветы вечерней зари. Становилось тихо. Кто-то предложил робко встать противником в поединке, но Леден отказался. Ему нужно было сейчас одиночество – наверное, больше всего.

Лишь тогда он очнулся, вынырнул из круговерти выпадов, ударов и отклонений от воображаемых клинков, когда вокруг совсем никого не стало, а небосклон наполнился зыбкой черничной синевой, что теперь уж до самой глубокой ночи не торопилась захватывать чертоги Богов.

Леден постоял ещё один, оперевшись локтями на ограду ристалища и опустив голову низко. Капал со лба пот. Приятной тяжестью лежал в ладони топор, который только что со свистом разрезал воздух – и попадись кто ему на пути – зарубил бы насмерть с

одного удара. И так тяжело в груди было, муторно, словно туман какой перетекал. До сих пор видел он, как ложится рука Чаяна на талию Елицы, как скользит чуть вверх по спине, и как брат смотрит на княжну – как никогда ни на одну девушку не смотрел. Даже на жену свою, что после в родах умерла. Уж это Леден знал. Рукоять топора выскользнула из влажной ладони, и тот с глухим ударом упал в притоптанный песок.

– Устал? – раздался тихий голос в стороне, из чистой, словно ночное озеро, темноты двора.

Он поднял голову, смахивая со лба липкие пряди. Вышемила подошла, протянула ковш полный воды из колодца. На плече её висел белоснежный рушник, бросая бледные отражения в её глаза.

– Не устал, – Леден напился вдоволь, досадуя, что злого огня внутри не может унять даже родниковая вода.

После умылся под внимательным и ласковым взором Вышемилы. Боярышня уходить не торопилась, как и говорить о том, зачем пришла. Ведь не просто так на ристалищах появилась – не мимо проходила явно. Но обиды за то, что вчера он к ней так и не пришёл, девушка пока не выказывала, ни о чём не спрашивала. Стало чуть легче, будто вместе с потом вышла и часть муторных мыслей. Леден потянулся было за рубахой, что висела на ограде, да боярышня успела быстрее её схватить.

– Не чуди, – Леден улыбнулся сдержанно. – Дай.

Вознамерился забрать, да девушка одежду за спину спрятала, плутовато улыбаясь. Конечно, можно и так пройти – дело невеликое – но Леден замер с поднятой рукой, глядя сверху вниз на Вышемилу. Она смотрела на него так смело, как ещё ни разу не доводилось видеть. И ждала, явственно, напряжённо. Он будто бы слышал, как бьются невысказанные слова в её груди, режут горло – да робость берёт большая. Хоть уже на многое решилась. Да только зря пришла в этот самый миг, как Ледена мучило столь явное смятение – до худого дойти может.

– Поцелуй меня, – шепнула девушка. – Поцелуй, Ледок.

Он обвёл взглядом её ладное личико, совсем юное, почти детское, но обещающее скоро расцвести полной женской красотой, что и Зимава затмит. Очнулся только когда почувствовал, как под ладонью

оказался её стан тонкий, как прижалась она к нему тут же, роняя рубаху на землю. Скользнуло её дыхание по шее. Дрогнули ресницы.

– Не нужно, Мила, – попытался вразумить её Леден, да больше, кажется, себя самого.

– Знаю, что другие говорят. Но всё равно мне. Знаю, что не такой ты, как в кривотолках людских. С тобой хочу быть, – тряхнула девушка головой упрямо. – Ты не понимаешь, каково мне. Как будто до сих пор в том лесу в траве лежу. Каждую ночь... Покажи мне, прошу. Как должно быть. Как...

Он не дал договорить ей: прижался к тёплым губам, раскрыл их неспешно. Словно две лозы, обвили руки Вышемилы его шею, пронизали волосы ласковые пальчики. Леден обхватил её талию руками, подтолкнул чуть – и прижал к толстой опоре навеса. Смял легонько небольшую острую грудь сквозь рубаху, огладил ладонью медленно, ощущая, как перекачивается по ней твёрдая бусина соска. Треснуло пламя единственного факела за спиной – да чуть притухло, словно скрыть хотело, что сейчас под взором Огня Сварожича детсяя.

Всё шире разрасталось внутри нетерпение, горячее, плавящее.

– Не удержусь, Мила, – шепнул Леден прерывисто, комкая в кулаке её подол.

Да боярышня только теснее к нему прильнула, потёрлась бедром о его теснящую штаны плоть.

– А я того и не боюсь, – запрокинула голову, упираясь затылком в оструганное бревно опоры.

Он вздохнул протяжно, укусил Вышемилу за губу легонько, приникая долгим поцелуем. Приподнял край рубахи длинной и провёл самыми кончиками пальцев между ног её, от живота – вглубь – и обратно. Боярышня охнула тихо, подалась навстречу, и влагой на ладони осталось доказательство её желания. Леден распустил завязку портов. Вскинул ткань девичьей одежды до самого пояса, впиваясь пальцами в горячие, манящие округлости, приподнял над землёй. А как только обвила она его лодыжками – вошёл, стараясь сделать это не слишком резко. Вышемила повисла на его плечах, тихо и жарко вскрикивая от каждого толчка. Неистово билась жилка на изящной её шее под губами Ледена. Ноготки то и дело впивались в лопатки. Уж не знал он, того ли хотела девушка, так ли. Но, вжимаясь в плечи её

лицом, вдыхая её запах, он почти забыл о той, которая терзала его душу страшнее собак одичавших. Почти, но не совсем.

– Мила, – почти захлёбываясь дивными и такими нужными сейчас ощущениями, шепнул он ей на ушко.

Прихватил губами, а после провел ими вдоль линии волос по шее вниз, вбиваясь всё неистовей. Пытаясь отринуть ту, что ввинчивалась в мысли против воли. Девушка прильнула теснее, выгибая спину, и совсем уж громко – того и гляди кметей в дружинных избах переполошит – застонала вдруг, стиснула его бёдра крепче и обмякла чуть, позволяя несколькими резкими движениями догнать её на пике.

Они замерли, сцепившись, словно две ветки после бури. Высоко и быстро вздымалась грудь Вышемилы. Девушка грела дыханием своим его плечо и слегка касалась его губами. Леден ещё чуть подержал её в руках и осторожно опустил на ноги. Она и устоять толком не смогла – такая слабость и нега её охватила. Схватила за ограду, опустила голову, пряча шалую улыбку и поглядывая на него украдкой, пока порты поправлял.

– Не так ты, верно, себе представляла... – Леден покосился на неё с опаской. А ну как обидится.

– Всё так, – она наконец совладала с собственным телом и выпрямилась. – Всё хорошо.

Зачерпнула из ведра ковшом воды и напилась жадно, не обращая внимания, как бежит тонкая струйка ей за шиворот. Намокла рубаха, прилипая к светлой коже её, облепляя острую грудь. И вспыхнул перед взором обрывок сна, теперь уж давнего, сказать можно. Елица на берегу реки, вся окутанная светом Дажьбожьего ока. Да что ж за наваждение такое? Леден зажмурился, пока Вышемила не видит, и вздохнул рвано, прогоняя образ из памяти. Скользнул меж ристалищ ветер, тронул прохладой влажную от испарины спину.

Лёгкими касаниями пробежались девичьи ладони по животу, груди, приостановились на ней, обводя линию мышц.

– Ты красивый такой... – тихо, словно решившись в последний миг, вслух сказала Вышемила. – Такой...

Леден поднял рубаху, выскальзывая из смыкающихся объятий боярышни.

– Пойдём, поздно уж, – буркнул.

И направился к терему, сдерживая шаг, чтобы девушка за ним поспевала. Она догнала, обхватила его локоть, прижимаясь щекой к плечу. И только ведь на себя злиться приходится, что поддался. Не надо было, может. Теперь ещё сильнее они с Вышемилой повязаны: лишь и остаётся, что к отцу её ехать со сватовством. И гадать – примет ли. Так близко они были теперь с боярышней, как далеко – с Елицей, которая, кажется, уже всерьёз подумывала о том, чтобы замуж за Чаяна пойти. Он и заступой ей станет, и на столе княжеском укрепиться поможет после веча. А Леден что ей дать может? Только угрозой одной обернётся для неё близость с ним. Он ведь понял это уже, когда после сна того муторного едва не придушил её. А как душил – так ещё и силы забирал. И нынче лишь убедился в этом.

Слишком уж они разные: она светом вся пронизана, словно Макошь сама её благословила. А он – что пучина чёрная, холодная, в которой этот свет гаснет, сколько бы его туда ни лилось. Не может быть у них никакого будущего. Да и как теперь?

Вместе дошли они с Вышемилой до терема. Боярышня, приподнявшись на цыпочки, обняла напоследок, прижалась губами в долгом поцелуе – и упорхнула.

И несмотря ни на что, Леден спал сегодня хорошо. Проснулся наутро бодрым и готовым, верно, горы воротить – такая сила его теперь наполняла. Нынче пошёл на утренню в гридницу – и удивился почти, как увидел там Чаяна. Вокруг собрались самые ближние дружинники, ходили отроки среди столов, убирая пустые посудины и расставляя полные. Леден сделал несколько шагов внутрь и остановился, поняв вдруг: что-то не так. Слишком тихо было кругом: никто не разговаривал, не хохотал. Кмети все уставились в свои миски и возили там ложками, кажется, бездумно.

Леден подошёл к столу, за которым Чаян сидел, и наклонился вперёд, упираясь ладонями в шершавую Божью ладонь.

– Что стряслось?

Видно, снова вести нерадостные. Они последнее время мало дают отдышаться, валятся, как камни с неба. Чаян поднял взгляд смурной, а сам показался как будто потускневшим – хворым даже. А такого уж давно не случалось.

– Гонец утром прибыл. Как только ворота открылись, – проговорил негромко. – Отец умер. Скосил его недуг всё ж, – он

помолчал, внимательно оглядывая помертвевшее вмиг лицо Ледена. –
В Остёрск надо ехать.

Конец первой части

notes

Примечания

1

Вьюницы – день Мораны, Навий день, отмечался 1 марта почитанием усопших родичей.

Комоедицы – Масленица.

3

Большуха – жена старшого (большака), другими словами, старейшины или предводителя рода.

4

Пал – выжженный под пашню участок леса.

5

Лядина – пашня на месте выжженного леса.

6

Ащеул – зубоскал и насмешник.